

БЕН ААРОНОВИЧ

ШЕЛЛОТ ПОГ ЗЕМЛЕ

История остроумна,
сюжет продуман,
а персонажи невероятно
симпатичны.

Time Out

fanzon

БЕН ААРОНОВИЧ

ШЕЛОТ ПОГ ЗЕМЛЕВ

История остроумна,
сюжет продуман,
а персонажи невероятно
симпатичны.

Time Out

fanzon

Annotation

Номинация на премию «Локус».

Роман-финалист Немецкой фантастической премии.

На севере Лондона, в Тафнелл Парке, прямо под одной из школьных площадок проходит железнодорожный тоннель, ведущий к станции Кингс-Кросс. Мокро, грязно, опасно. Прекрасное место. Поэтому однажды, в воскресенье перед Рождеством, одна из кузин затащила меня туда на поиски призраков.

Мы нашли одного.

Вот и все. А в понедельник по службе мне пришлось отправиться на место преступления: неизвестный был зарезан в подземке на станции Бейкер-стрит. Возможно, здесь замешано сверхъестественное. Естественно, на орудии убийства было много следов магии. Убитый оказался сыном сенатора США, и, прежде чем вы успеете произнести «международный инцидент», со мной связывается агент ФБР. А внизу, в темноте, в тоннелях лондонского метро, в заброшенных канализационных коллекторах и во тьме рек, погребенных при королеве Виктории, я слышу очень странные вещи...

«Этот захватывающий и динамичный роман приятен, остроумен и благожелателен к новым читателям». – Publishers Weekly

«Бен Ааронович пишет отличную юмористическую фантастику. Эти книги крайне увлекательны, в первую очередь потому, что главный герой, Питер Грант, обладает оптимизмом и лукавым чувством юмора. Эффектная история и фирменное остроумие делает чтение чистым удовольствием». – Top.com

«История остроумна, сюжет продуман, а персонажи невероятно симпатичны». – Time Out

«Идеальное сочетание “С.S.I.: Место преступления” и Гарри Поттера». – io9

-
- [Бен Ааронович](#)

○

- Воскресенье
 - 1. Тафнелл-парк
- Понедельник
 - 2. Бейкер-стрит
 - 3. Лэдброк-Гроув
 - 4. Арквей
 - 5. Барбикан
- Вторник
 - 6. Слоун-сквер
 - 7. Найн Элмс
 - 8. Саутворк
 - 9. Шепердс Буш Маркет
- Среда
 - 10. Рассел-сквер
 - 11. Брикстон
 - 12. Барбикан
 - 13. Слоун-сквер
- Четверг
 - 14. Вестберн-парк
 - 15. Бейсуотер
 - 16. Саут Уимблдон
 - 17. Бейсуотер
- Пятница
 - 18. Ноттинг-Хилл Гейт
 - 19. Лэдброк-Гроув
 - 20. Холланд-парк
 - 21. Оксфорд-серкус
 - 22. Уоррен-стрит
- Суббота
 - 23. Уоррен-стрит
 - 24. Слоун-сквер
 - 25. Лэдброк-Гроув
- Рождество
 - 26. Слоун-сквер
- День Подарков и Не Только
 - 27. Тоттенхэм-Корт-роуд
 - 28. Биггин Хилл

- [29. Морнингтон Кресент](#)

- [Благодарности](#)

- [notes](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)
- [15](#)
- [16](#)
- [17](#)
- [18](#)
- [19](#)
- [20](#)
- [21](#)
- [22](#)
- [23](#)
- [24](#)
- [25](#)
- [26](#)
- [27](#)
- [28](#)
- [29](#)
- [30](#)
- [31](#)
- [32](#)
- [33](#)
- [34](#)

- [35](#)
 - [36](#)
 - [37](#)
 - [38](#)
 - [39](#)
 - [40](#)
 - [41](#)
 - [42](#)
 - [43](#)
 - [44](#)
 - [45](#)
 - [46](#)
 - [47](#)
 - [48](#)
 - [49](#)
-

Бен Ааронович

Шепот под землей

Памяти Блейка Снайдера (1957–2009), который спас не только кошку, но еще писателя, ипотеку и карьеру

*И я бы спросил их, от страха немых:
– Что мудрость всех ваших книг,
Что дерзкий резец, вольный мрамору дать
Живой человеческий лик,
Пред зверем, что дремлет в недрах земли
И ждет, когда мы придем,
Поднимем на свет, в огне закалим
И новую жизнь вдохнем?*

Александр Андерсон. Паровоз

Ben Aaronovitch
Whispers Under Ground
Copyright © Ben Aaronovitch 2012
First published by Gollancz,
an imprint of the Orion Publishing Group, London
Fanzon Publishers
An imprint of Eksmo Publishing House

© Трубецкая Е., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Воскресенье

1. Тафнелл-парк

Еще летом я совершил ужасную ошибку: рассказал маме, чем зарабатываю на жизнь. Я имею в виду не службу в полиции: мама о ней прекрасно знает, ибо своими глазами видела, как мне торжественно выдали диплом в Хендоне. Нет, я поведал ей, что работаю в особом подразделении столичной полиции, которое расследует сверхъестественные преступления. Мама тут же окрестила мою деятельность «охотой на ведьм», и это было хорошо, поскольку она, как многие уроженцы Западной Африки, считает охоту на ведьм профессией гораздо более престижной, чем служба в полиции. И вот, в порыве внезапной гордости за сына, она принялась расписывать его, то есть мои, трудовые подвиги всем друзьям и родичам. А это, насколько мне известно, минимум двадцать процентов сьерра-леонской диаспоры, проживающей ныне в Соединенном Королевстве. Включая Альфреда Камару, мамино соседа, – и, соответственно, его тринадцатилетнюю дочь Эбигейл. В последнее воскресенье перед Рождеством эта самая Эбигейл решила, что я просто должен взглянуть на привидение, которое она якобы обнаружила. И так допекла мою маму, что та в конце концов не выдержала, позвонила мне на мобильный и попросила приехать.

Это не слишком радовало, ибо воскресенье – один из немногих дней, когда не надо с утра тренироваться в тире. Я как раз планировал до упора валяться в кровати, а потом отправиться в паб смотреть футбол.

– Ну и где твое привидение? – с порога спросил я.

– А чего это вас двое? – удивилась Эбигейл. Худенькая и невысокая, она, будучи плодом смешанного брака, обладала не слишком темной кожей, которая к зиме вдобавок слегка пожелтела.

– Это Лесли Мэй, мы работаем вместе, – пояснил я.

Эбигейл перевела взгляд на Лесли и недоверчиво сощурилась.

– А почему ты в маске? – спросила она.

– Потому что у меня лицо отвалилось, – ответила Лесли.

Эбигейл пару секунд размышляла, стоит ли верить. Потом кивнула.

– Окей.

– Так где оно? – спросил я.

– Не «оно», а «он», – поправила Эбигейл. – Призрак. Там, в школе.

– Тогда пошли.

– Прямо сейчас? Ты чего, холодно же.

– Мы в курсе, – сказал я. Был один из тех унылых и мрачных зимних дней, когда ледяной ветер со злобным упорством забирается вам под одежду. – Так идем или нет?

Она уставилась на меня, как смотрят подростки-бунтари на родителей и учителей. Но, в отличие от упомянутых, я не собирался заставлять ее что-то делать, а хотел просто поехать домой посмотреть футбол.

– Как хочешь, – сказал я и развернулся, делая вид, что ухожу.

– погоди, – буркнула она, – сейчас выйду.

Я повернулся обратно к двери, и Эбигейл ее захлопнула у меня перед носом.

– А войти не предложила, – заметила Лесли.

Если хозяева не предлагают зайти в дом, заполняется одна клеточка на эдакой «карточке бинго», которую каждый коп держит в голове. Там много «подозрительных» клеточек, вроде «глупой буйной собаки», которая помешала вовремя открыть дверь, или с ходу представленного идеального алиби. Заполните их все – и выиграете экскурсию в полицейский участок за казенный счет.

– Сейчас утро воскресенья, – напомнил я. – Папа у нее, небось, еще дрыхнет.

Решив подождать внизу, мы спустились, сели в машину и от нечего делать стали рыться пакетах со «стратегическими запасами», которых к концу года набралось изрядно. Нашли целую пачку жевательного мармелада. Лесли успела только попросить меня не смотреть, как она сдвигает маску и жует, когда Эбигейл постучала в стекло.

Как и мне, волосы ей достались «не от того родителя». Но я был мальчик, и меня просто-напросто стригли под ноль. А Эбигейл папаша вечно таскал по многочисленным парикмахерским, родственникам и добрым соседям в надежде, что хоть где-то ее волосы приведут в порядок. Она всякий раз ныла, вертелась и мешала тому, кто в данный

момент заплетал ей косичку или выпрямлял волосы с помощью бальзама либо плойки. Но папочка был непреклонен: дочь ни в коем случае не должна его позорить своим видом. Произвол закончился, когда Эбигейл исполнилось одиннадцать и она совершенно спокойно, без скандала, заявила: у нее теперь есть телефон Детской службы доверия^[1] и любой, кто подойдет к ней с шиньоном, плойкой или, прости господи, горячей расческой, будет иметь дело с Обществом защиты детей. И с тех пор она стягивает свое афро, которое становится все пышнее и пышнее, на затылке в пучок. Он не поместился под капюшон зимней розовой куртки, поэтому Эбигейл вышла к нам в огромной вязаной растаманской кепке: классический негритос в представлении расистов семидесятых годов. Мама говорит, прическа Эбигейл – стыд и позор, так ходить нельзя. А мне очевидно, что кепка, надетая поверх гигантского пучка, хорошо защищает от дождя лицо.

Я открыл заднюю дверь, и Эбигейл села в машину.

– А где же твой «Ягуар»? – спросила она.

У моего шефа есть самый настоящий раритетный «Ягуар-марк-2», с однорядным двигателем на 3,8 литра. Я как-то припарковал его во дворе, заехав к родителям, и с тех пор он стал местной легендой. Такой раритет считается крутым даже по меркам подростков, выросших на смартфонах, в то время как мой ярко-оранжевый «Форд ST» – всего лишь обычная полицейская машина.

– Ему пока запретили ездить на «Ягуаре», – сказала Лесли. – Надо пройти дополнительный курс вождения.

– А-а-а, потому что ты врезался в «Скорую помощь» и столкнул ее в реку?

– Ничего я никуда не сталкивал, – буркнул я, выруливая на Лейтон-роуд. И решил вернуться к насущному вопросу: – А где именно в школе ты видела это привидение?

– Не прямо в школе, – ответила Эбигейл, – а под школой. Там, где поезда ходят. И не привидение, а призрака.

Речь шла о ближайшей школе: Экланд Баргли, той самой, в которой учились бесчисленные поколения обитателей «Пекуотер Истейт», включая меня и Эбигейл. Найтингейл обязательно поправил бы: Эбигейл и меня. Насчет «бесчисленных поколений» я, конечно, вру: их было от силы четыре, школу-то построили только в конце шестидесятых.

Ее здание, третье по счету вверх по Дартмут-парк-хилл, явно проектировал какой-то страстный поклонник Альберта Шпеера^[2]. Особенно его позднего творчества, колоссальных военных сооружений Атлантического Вала. Из этой школы, с ее тремя башнями и толстыми бетонными стенами, легко можно было бы контролировать стратегически важный перекресток пяти улиц, да так, чтобы ни один летучий отряд Айлингтонской легкой пехоты не подобрался по Тафнелл-парк.

На Инжестр-роуд я нашел пяточок прямо возле школы и припарковался там. Мы вышли из машины и двинулись, хрустя гравием, к пешеходному мосту за школой: под ним тянулась двухпутная линия. Ветка, идущая на юг, скрывалась в тоннель как минимум на два метра ниже северной. Это означало, что нам надо одолеть целых два пролета скользких ступенек, чтобы подняться на пешеходный мост и оглядеть окрестности сквозь сетку ограды.

Школьная спортивная площадка и крытый спортзал находились на бетонной платформе как раз между двумя рядами рельсов. И на схеме, и отсюда, с моста, все это выглядело точь-в-точь как бункер для подводной лодки.

– Вон там, – показала Эбигейл на левый тоннель.

– Ты что, ходила по путям? – нахмурилась Лесли.

– Ну, я осторожно.

Но Лесли сердилась, да и я, по правде сказать, тоже. Ходить по рельсам смертельно опасно. В год около шестидесяти человек гибнет под колесами поездов. Плюс у этой статистики только один: когда кого-то насмерть сбивает поезд, это не наша головная боль, а транспортной полиции.

Хороший, правильный полицейский не станет делать глупостей вроде прогулки по рельсам без предварительной оценки рисков. По всем правилам я сейчас должен был связаться с транспортниками, чтобы они выслали на место техническую группу по обеспечению безопасности. Эта группа, возможно, перекрыла бы движение в обе стороны линии, дабы мы с Эбигейл могли отправиться на поиски призрака. Допустим, я не стану им звонить – но, случись что с Эбигейл, я однозначно попрощаюсь с карьерой. Да наверняка и с жизнью тоже, учитывая патриархальные западноафриканские взгляды ее папочки.

А если позвонить, придется объяснять, что именно я ищу в тоннеле. И конечно, транспортники поднимут меня на смех. Подобно юным героям древности, я предпочел возможную гибель неизбежному позору.

Лесли, правда, заметила, что неплохо бы сперва глянуть расписание.

– Воскресенье же, – напомнила Эбигейл. – Путевые работы весь день.

– А ты откуда знаешь? – удивилась Лесли.

– Специально проверила. А почему у тебя лицо отвалилось?

– Болтала слишком много, вот и отвалилось.

– Где спускаться будем? – поспешно вмешался я.

Из-за близости к железной дороге земля здесь была дешевая, и с обеих сторон от путей тянулись муниципальные жилые дома. На северной стороне за одной такой многоквартирной коробкой виднелся пятачок жухлой травы, окруженный кустами, а за ними – сетчатый забор. Сквозь кусты проходил узкий лаз, как раз ребенку пролезть. Он вел к дыре в заборе и, соответственно, к путям. Скрючившись, мы полезли через кусты вслед за Эбигейл. Лесли, шедшая впереди, ехидно фыркала, когда ветки хлестали меня по лицу. У забора она остановилась, внимательно осмотрела дыру и сказала:

– Сетку не резали, а просто растянули. Скорее всего, лисы.

Под ногами у самого забора валялось множество банок из-под колы и пакетиков от чипсов и шоколадок. Лесли расшвыривала их носком ботинка.

– Нарики, – заметила она, – эту дыру еще не разнюхали. Шприцов не видно. А ты-то откуда про нее знаешь? – спросила она Эбигейл.

– Да с моста увидела, – ответила та.

Держась как можно дальше от рельсов, мы спустились под мост и направились ко входу в тоннель. Его стены до самого верха покрывали граффити. Поверх аккуратных круглых букв, искусно выведенных с помощью баллончика и уже слегка выцветших, пестрели всевозможные каракули начинающих «художников», нарисованные чем попало, от аэрозольной краски до маркера. Виднелась даже пара свастика, и все равно этот «бункер для подлодок» вряд ли впечатлил бы адмирала Дёница^[3].

Под мостом нас хотя бы не донимала морось. Правда, воняло мочой, но вряд ли человеческой: уж очень едким был запах. Наверняка тоже лисы, подумал я. Своими гигантскими размерами, плоским потолком и толстыми бетонными стенами это место скорее напоминало заброшенный склад, чем железнодорожный тоннель.

– Так где ты его видела? – снова спросил я у Эбигейл.

– Вон там, подальше, где темно, – ответила она.

Как же иначе-то, подумал я.

Лесли спросила, за каким чертом она вообще сюда лазила.

– Хотела увидеть Хогвартс-экспресс, – сказала девчонка.

Ну, не прямо настоящий Хогвартс-экспресс, тут же поправилась она. Потому что такого поезда не существует на самом деле, правда ведь? Так что это никак не мог быть Хогвартс-экспресс. Но вот у подружки Кары окна выходят на железную дорогу, так она сказала, что там иногда ездит паровоз – эта штука ведь так называется, да? Вот она и подумала, что его снимали в роли Хогвартс-экспресса.

– Ну, в кино, про Гарри Поттера, – уточнила она.

– А с моста нельзя было посмотреть? – спросила Лесли.

– Не-а, едет слишком быстро, – помотала головой Эбигейл, – не успеваю пересчитать колеса. В кино был локомотив GWR4900 класс 5972, там схема колес 4–6–0^[4].

– А ты у нас, оказывается, настоящий трейнспоттер^[5], – улыбнулся я. – Не знал.

– Да ну тебя! – Эбигейл стукнула меня кулаком по руке. – Трейнспоттеры коллекционируют номера поездов, а я хочу проверить свою догадку. Это совсем другое дело.

– Так ты видела этот поезд? – снова спросила Лесли.

– Нет, – сказала Эбигейл, – но зато я видела призрака. Потому и хотела, чтоб Питер приехал.

Я спросил, где конкретно видела, и Эбигейл показала отметки, которые сделала на стене мелом.

– И ты уверена, что привидение появилось на этом самом месте? – уточнил я.

– Призрак, – недовольно поправила Эбигейл, – ну сколько можно повторять?

– Но сейчас-то его тут нет, – заметил я.

– Еще бы, – фыркнула Эбигейл, – если бы он тут был все время, кто-нибудь давно бы уже заметил и сообщил.

В точку, подумал я. Доберусь до Безумства – обязательно проверю, не было ли похожих заявлений. Рядом с общей библиотекой я нашел подсобку, в которой были архивные шкафы с документами довоенной поры. Среди них попадались тетради, от корки до корки полные наблюдений за призраками. Видимо, это было популярное хобби у тогдашних будущих волшебников.

– Ты не сфотографировала его? – спросила Лесли.

– Я ждала поезд, поэтому заранее включила камеру на телефоне, – сказала Эбигейл, – но когда сообщила, что можно и призрака снять, он уже исчез.

Лесли обернулась ко мне.

– Чувствуешь что-нибудь?

Я шагнул точно туда, где, по словам Эбигейл, появился призрак. Стало зябко, и сквозь запахи лисьей мочи и мокрого бетона едва уловимо потянуло бутановым топливом. Донеслось хихиканье Маттли, пса из мультика, и далекий глухой рев гигантского дизельного двигателя.

Магия всегда оставляет следы. *Вестигии*, если говорить научным языком. Лучше всего *вестигии* держит камень, а хуже всего – плоть живых существ. Бетон в этом смысле от камня почти не отличается, и все равно следы магии могут быть очень слабы. Ничего не стоит перепутать их с плодами собственного воображения. Умение отличать одно от другого – важнейший навык, без которого не обойтись, если хочешь заниматься магией. Холодно, например, сейчас было и снаружи, а хихиканье, всамделишное или нет, могло исходить от Эбигейл. Но вот запах газа и рев двигателя указывали на трагедию, вполне понятную и знакомую.

– Ну? – не выдержала Лесли. Я лучше нее улавливаю *вестигии*, и не только потому, что учусь дольше.

– Что-то есть, – кивнул я. – Хочешь, повесь светлячок.

Лесли вынула из телефона аккумулятор и велела Эбигейл сделать то же самое. Та не поняла, и я сказал:

– Магия уничтожит микропроцессор, если батарейка будет внутри. А вообще, как хочешь, это же твой телефон.

Эбигейл достала из кармана «Эрикссон» последней модели, привычным движением сняла крышку и извлекла аккумулятор. Я кивнул Лесли – мол, теперь можно. Свой аккумулятор вынимать не стал: один кузен, с двенадцати лет умеющий взламывать защиту на телефонах, уже давно установил мне ручной выключатель.

Лесли вытянула вперед руку, произнесла волшебное слово, и шарик света величиной с мяч для гольфа поднялся над ее ладонью. Волшебное слово было «Люкс», а само заклинание в быту называется «светлячок». Это первое, чему наставники учат будущих магов. Светлячок Лесли озарил тоннель неярким жемчужным светом, по бетонным стенам пролегли мягкие тени.

– Вау! – выдохнула Эбигейл. – Вы реально колдуете!

– Вон он, – сказала Лесли.

Около стены появился какой-то парень. Лет восемнадцати-двадцати, белый, с неестественно светлыми волосами, собранными с помощью геля в «шипы». Одет он был в рабочую куртку и джинсы, на ногах были дешевые белые кроссовки. При помощи баллончика с аэрозольной краской он тщательно выводил какую-то надпись на своде тоннеля. Но краска распылялась почти без шипения и не оставляла никаких следов на бетонной стене. Когда райтер встряхнул свой баллончик, характерного звука я тоже не услышал.

Светлячок Лесли потускнел и стал из жемчужного красным.

– Добавь чуть-чуть силы, – посоветовал я.

Лесли сосредоточилась, шарик снова вспыхнул, но сразу померк. Шипение краски стало громче, надпись на стене начала проявляться. Тянулась она от самого входа в тоннель: самоуверенности автору было не занимать.

– «Будьте добры друг...» – прочитала Эбигейл. – И как это понимать?

Я приложил палец к губам и глянул на Лесли. Та помотала головой – мол, силы у меня хватит, могу хоть весь день держать. Но я, конечно, этого допускать не собирался. А потому достал из кармана казенный блокнот и ручку и самым профессиональным полицейским тоном окликнул «художника»:

– Простите, можно вас на минутку?

В Хендоне будущим копам на полном серьезе «ставят» голос. Цель – выработать тон, который пробьется сквозь все, что может

затуманить сознание гражданина, будь то алкогольные пары, пелена ярости или внезапное чувство вины.

Парень даже не повернул головы. Вынул из кармана второй баллончик с краской и принялся штриховать краешки буквы К. Я попробовал еще пару раз, но он, не обращая внимания, продолжал сосредоточенно зарисовывать внутреннюю сторону «К».

– Эй, белобрысый! – подключилась Лесли. – А ну прекрати! И повернись, когда с тобой разговаривают.

Шипение умолкло. Парень рассовал баллончики по карманам и повернулся к нам. Лицо было бледное, угловатое, глаза скрывали темные очки а-ля Оззи Осборн.

– Я занят, – сказал он.

– Мы заметили, – кивнул я и показал удостоверение. – Как тебя зовут?

– Макки, – ответил он. И повторил, разворачиваясь обратно к стене: – Я занят.

– И чем же? – спросила Лесли.

– Делаю этот мир лучше.

– Это призрак! – изумленно выдохнула Эбигейл.

– Ты же сама его увидела и позвала нас посмотреть, – напомнил я.

– Да, в тот раз он был гораздо прозрачнее!

Я объяснил, что сейчас призрак поглощает магию Лесли и становится более плотным. И конечно, за этим последовал вопрос, которого я так боюсь.

– А что вообще такое магия?

– Никто не знает, – ответил я. – Наверняка могу сказать только, что электромагнитное излучение тут ни при чем.

– Может, тогда мозговые волны? – предположила Эбигейл.

– Вряд ли, – покачал я головой, – мозговые волны – это электрохимия. Но если в голове идут электрохимические процессы, они должны как-то проявляться внешне.

Поэтому все магические феномены мы списываем на действие волшебной пылицы либо квантовой запутанности, которая суть то же самое, только со словом «квантовая».

– Ну так что, будем разговаривать? – не выдержала Лесли, и шарик у нее над ладонью слегка колыхнулся. – Или я гашу.

– Эй, Макки! – позвал я. – Поди-ка сюда на пару слов.

Но Макки не собирался отвлекаться от своих художеств: он продолжал аккуратно штриховать внутреннюю часть буквы.

– Я занят, – повторил он, – делаю мир лучше.

– И каким же образом?

Макки наконец решил, что «К» готово, и отошел на пару шагов полюбоваться своим творением. Мы с девчонками старательно держались как можно дальше от рельсов, а вот он либо намеренно захотел рискнуть, либо, что вероятнее, просто забыл об опасности.

Я увидел, как Эбигейл беззвучно прошептала «о, черт!» – поняла, видимо, что сейчас будет.

– Потому что, – сказал Макки, и тут его сбил призрачный поезд.

Он промчался мимо совершенно бесшумно и незаметно, обдав нас жаром и вонью дизельного топлива. Макки смело с рельсов, и он свалился бесформенной кучей прямо под буквой Д в слове «ДРУГУ». Издал странный булькающий звук, дернул пару раз ногой и затих. А затем растаял, и вместе с ним исчезла надпись на стене.

– Теперь-то можно гасить? – спросила Лесли. Шарик не становился ярче: Макки по-прежнему поглощал из него магическую энергию.

– Подержи еще чуть-чуть.

Послышался негромкий шорох. Обернувшись ко входу в тоннель, я увидел прозрачный силуэт: он начинал выводить на стене букву Б с помощью все того же баллончика аэрозольной краски.

Проявляется циклично, пометил я в блокноте, *возм., невосприимчив*. Потом кивнул Лесли, та погасила светлячок, и Макки сразу же исчез. Эбигейл, опасливо прижавшись к стене тоннеля, глядела, как мы бегло осматриваем полоску земли вдоль рельсов.

На полпути к выходу я наклонился и выудил из перемешанного с мусором песка очки Макки – вернее, то, что от них осталось. Сжал в ладони и закрыл глаза. Когда речь идет о *вестигиях*, и металл, и стекло могут вести себя одинаково непредсказуемо, но сейчас я, хоть и с трудом, уловил пару баррэ на электрогитаре.

Отметил в блокноте, что очки – вещественное доказательство существования этого призрака. И задумался: а стоит ли брать их с собой? Что станет с призраком, если оттуда, где он появляется, забрать его вещь, его неотъемлемую часть? И если он от этого

пострадает или вовсе исчезнет, будет ли это преступлением против личности? И считается ли личностью бесплотный дух?

Из тех книг о призраках, что стояли на полках общей библиотеки Безумия, я не прочитал и десятой части. А по правде говоря, вообще только те, что велел Найтингейл. Ну, и еще несколько, вроде Вольфе и Полидори^[6], которые нужны были в ходе расследования. Из прочитанного я уяснил одно: отношение официальных магов к призракам сильно менялось с течением времени.

Сэр Исаак Ньютон, основатель современной магии, похоже, считал призраков досадным изъяном, портящим прекрасный облик его чистой, уютной вселенной. В семнадцатом веке все оголтело принялись классифицировать духов, словно животных или растения, а в эпоху Просвещения велись горячие дискуссии на тему свободной воли. Современники же королевы Виктории четко разделились в этом смысле на две партии: одна полагала, что призраки – это души, которые следует спасать, другая же считала их своего рода бестелесными паразитами и призывала искоренять. А в тридцатые годы, когда релятивизм и квантовая теория, ворвавшись в Безумство, нарушили там старые порядки и сорвали вековые покровы, рассуждения о призраках достигли накала. И несчастные духи попали под раздачу, став удобным материалом для всевозможных магических опытов. Ибо все пришли к единому выводу: призрак – это неодушевленный оттиск ушедшей жизни, нечто вроде граммофонной записи. А значит, этический статус у него такой же, как у плодовой мушки в биологической лаборатории.

Я пытался выяснить подробности у Найтингейла – как-никак, он застал этот период. Но он сказал только, что в те времена нечасто появлялся в Безумстве: постоянно колесил туда-сюда по всей Империи и даже ее окрестностям. Я спросил, с какой целью, и он ответил:

– Помню только, что составлял великое множество отчетов. Правда, никогда толком не понимал зачем.

Я не считал, что призраки являются «душами», но решил на всякий случай соблюдать нормы этики, пока не узнаю, чем же они являются. Раскидал носком ботинка мусор там, где показала Эбигейл, и зарыл очки в получившейся неглубокой ямке. Потом записал в блокнот точное время и место обнаружения призрака, чтобы, добравшись до Безумства, внести эти данные в базу. Лесли, в свою

очередь, отметила расположение дыры в заборе, но, поскольку официально все еще числилась на больничном, вызывать транспортную полицию все равно пришлось мне.

Мы купили Эбигейл твикс и банку колы, заставив дать честное слово, что она и близко не подойдет к этой железной дороге, пусть там едут хоть десять Хогвартс-экспрессов. Я надеялся, что, став свидетельницей трагической, хоть и призрачной, кончины Макки, девчонка сама не захочет больше сюда соваться. Мы завезли ее домой и поехали к себе на Рассел-сквер.

– Куртка ей маловата, заметил? – спросила Лесли. – И ты видел, чтоб нормальная девчонка так интересовалась паровозами?

– Думаешь, у нее с родичами проблемы?

Лесли засунула палец под маску, чтобы почесать лицо.

– Ни хрена эта штука не гипоаллергенная.

– Такними, – посоветовал я, – мы почти приехали.

– Думаю, тебе стоит сообщить о своих опасениях в Службу социальной защиты, – сказала Лесли.

– А ты отмечала время?

– Если ее родители – твои знакомые, – не дала себя увести от темы Лесли, – это не повод закрывать глаза на такие вещи. Ты окажешь ей очень плохую услугу, если ничего не сделаешь.

– Хорошо, – сказал я, – поговорю с мамой. Так ты засекала время? Сколько было минут?

– Пять.

– Разве? А по-моему, около десяти.

Лесли можно колдовать всего по пять минут в день. Это одно из условий, на которых доктор Валид разрешил ей поступить в ученицы к Найтингейлу. Кроме того, он обязал ее вести «магический дневник», каждый раз подробно расписывая используемые заклинания. А еще раз в неделю ей надо таскаться в Королевский госпиталь и засовывать голову в магнитно-резонансный томограф: доктор Валид проверяет, не появилось ли у нее в мозгу патологических изменений, первых признаков гипермагической деградации. Если злоупотреблять магией, в лучшем случае можно заработать обширный инсульт. А в худшем – аневризму сосудов головного мозга, которая несет верную смерть. До изобретения МРТ смерть адепта была первым и единственным

признаком передозировки магии – неудивительно, что мало кому хотелось колдовать ради удовольствия.

– Нет, пять, – уперлась Лесли.

В итоге сошлись на шести.

Старший инспектор отдела расследования убийств Томас Найтингейл – мой шеф, наставник и мастер (ну в смысле взаимодействия «мастер – ученик»), и по воскресеньям мы с ним обычно вкушаем ранний ужин в так называемой малой столовой.

Найтингейл чуть ниже меня ростом, худощавый, волосы у него темные, а глаза серые. На вид ему лет сорок, взаправду же гораздо больше. К ужину он обычно не переодевается, но я сильно подозреваю, что это чисто из солидарности со мной.

Сегодня нас ждала свинина в сливовом соусе, вот только Молли почему-то считает, что идеальный гарнир к этому блюду – йоркширский пудинг с тушеной капустой. Лесли, как обычно, ушла есть к себе в комнату. Нисколько ее не осуждаю: трудно есть йоркширский пудинг, сохраняя достоинство.

– Мне надо, чтобы вы завтра совершили небольшую вылазку за город, – сообщил Найтингейл.

– В самом деле? Куда же на этот раз?

– В Хенли-он-Темз.

– А что там такое?

– Возможно, очередной Крокодилчик. Профессор Постмартин провел кое-какую работу и нашел еще нескольких членов клуба.

– Все метят в сыщики, – усмехнулся я.

Хотя это я зря – профессор Постмартин, хранитель университетских архивов и оксфордский старожил, как никто другой годился для поиска студентов, которых подпольно учили магии. Нам уже известно минимум о двух: из них выросли черные маги – и мерзавцы – очень высокого пошиба. Один действовал в Лондоне еще в шестидесятые, а другой и сейчас жив-здоров. Нынешним летом он пытался скинуть меня с крыши. До земли было целых пять этажей, так что я обиделся.

– Думаю, Постмартин всегда числил себя сыщиком-любителем, – сказал Найтингейл, – особенно если говорить о сборе университетских слухов. Теперь он уверен, что обнаружил одного Крокодилчика в Хенли, а другого – в нашей богоспасаемой столице. Аж в Барбикане,

представляете? Словом, поезжайте завтра в Хенли и проверьте, действительно ли профессор обнаружил адепта магии. Если что, порядок действий вам знаком. А мы с Лесли тем временем навестим второго.

Я промокнул с тарелки сливовый соус последним кусочком пудинга.

– Боюсь, Хенли лежит за границами моей территории.

– Что ж, это прекрасный повод их расширить, – ответил Найтингейл. – Кроме того, вы сможете заодно навестить Беверли Брук в ее... сельском уединении. Думаю, она по-прежнему живет в верхнем течении Темзы.

Интересно, подумал я, он это в переносном смысле или в прямом?

– Был бы рад.

– Я так и думал, – улыбнулся Найтингейл.

Лондонская полиция почему-то не удосужилась разработать специальную форму для отчетов по призракам. Пришлось самому состряпать ее в экселе. В прежние времена в каждом полицейском участке был сверщик, в чьи обязанности входило поддерживать порядок в архиве и сортировать каталожные карточки согласно тематике: местные правонарушители, старые дела, всяческие слухи и тому подобное. То есть делать все, чтобы облаченные в синюю форму герои закона и порядка могли пойти и сразу постучать в нужную дверь. Или хотя бы в соседнюю. В Хендоне даже сохранился кабинет сверщика: запыленная каморка, полностью забитая ящиками каталожных карточек. Курсантам показывают это помещение и вполголоса рассказывают о далеких днях прошлого столетия, когда данные вручную писали на клочках бумаги.

В наши дни, имея соответствующий уровень доступа, получить информацию можно в считанные минуты. Просто заходите в терминал AWARE и выбираете нужную базу: в CRIS хранятся заявления о преступлениях, в CRIMINT – оперативная информация, в NCALT – библиотека учебных программ, а в MERLIN – данные по преступлениям против несовершеннолетних.

Но Безумство, официальное хранилище таких материалов, о которых добропорядочные копы предпочитают не говорить, не доверяет электронным базам данных: до них могут добраться все, кому не лень, хоть репортеры из «Дейли мейл». Нет, Безумство пользуется

старым добрым средством передачи информации – живым словом. Основная часть этой информации поступает Найтингейлу, а он все записывает – надо признать, исключительно разборчивым почерком – на листах обычной бумаги. Эти листы я потом складываю в нужные папки, после того как перенесу краткое содержание на карточку размером 5 на 3 дюйма и помещу ее в соответствующую секцию каталога общей библиотеки.

В отличие от шефа я набираю отчеты на ноутбуке, на специальном бланке. Потом распечатываю и прячу в соответствующую папку. В общей библиотеке таких папок, наверно, тысячи три или даже больше. И это не считая тетрадей с описанием призраков – с тридцатых годов они нигде не учитывались. Когда-нибудь я и их внесу в базу, но для этого, наверно, придется научить Молли печатать.

Покончив с бумагами, я на полчаса – предел моих возможностей – погрузился в творчество Плиния Старшего, который прославился в веках тем, что его, во-первых, угораздило написать первую в мире энциклопедию, а во-вторых, плыть мимо Везувия, когда тот учинил свое показательное выступление.

Закрыв книгу, я взял Тоби и пошел гулять с ним вокруг Рассел-сквер. Заглянул в «Маркиз», выпил пинту пива и, вернувшись в Безумство, завалился спать.

Если отдел состоит из одного старшего инспектора и одного констебля, то угадайте, кто из них отвечает на ночные звонки. Угробив три мобильного подряд, я завел привычку в стенах особняка отключать телефон. Но это означало, что, если будут звонить по работе, Молли возьмет трубку внизу, в атриуме. А потом придет за мной, встанет в дверях спальни и будет стоять до тех пор, пока я не проснусь от чистого животного ужаса. Я уже и табличку «Стучите» вешал, и дверь изнутри закрывал, и стулом ее подпирал – бесполезно. Нет, я очень люблю стряпню Молли, но как-то раз она меня самого чуть не съела. Потому одна только мысль о ней, беззвучно вплывающей туда, где я мирно сплю, почти лишила меня этого самого сна. Понадобилось два дня тяжелого труда и помощь эксперта из Музея науки, чтобы провести, наконец, ко мне в спальню добавочную телефонную линию.

И вот теперь, когда могучему воинству закона и порядка, именуемому лондонской полицией, бывают нужны мои особые услуги,

мне шлют вызов по изолированному медному проводу. Вызов этот достигает моих ушей посредством электромагнитного звонка, который издает телефонный аппарат в бакелитовом корпусе. Он лет на пять старше моего папы и издает звук, по музыкальности равный грохоту отбойного молотка. Но это все равно лучше, чем Молли.

Лесли называет это приспособление «горячей линией Супермена».

Оно-то и разбудило меня в три с лишним часа ночи.

– Вставай, Питер, – раздался в трубке голос инспектора Стефанопулос, – пора немножко поработать как нормальный коп.

Понедельник

2. Бейкер-стрит

Мне не хватает общества других полицейских. Нет, поймите меня правильно: поступив на службу в Безумство, я получил возможность дорасти до констебля криминальной полиции года на два раньше, чем это обычно бывает. Но поскольку весь личный состав отдела – я, старший инспектор Найтингейл и, в перспективе, констебль Лесли Мэй, то на задания мы толпой не ездим. Есть вещи, к которым привыкаешь исподволь и не замечаешь, пока они не исчезнут из твоей жизни. А потом начинаешь понимать: чего-то не хватает. Запаха мокрых клеенчатых плащей в раздевалке, ажиотажа у терминала в кабинете для работы с документами в пятницу утром, когда в систему загружают новые задания. Сонного ворчания и шуток на планерке в шесть утра. В общем, чувства, что ты не один, а вас много и вы вместе делаете общее дело.

Вот почему при виде моря голубых мигалок около метро «Бейкер-стрит» я словно вернулся в каком-то смысле домой. Трехметровый бронзовый Шерлок Холмс – как полагается, в шляпе с двойным козырьком и с трубкой – возвышался над ними и неусыпно следил, чтобы сыскная работа велась в строгом соответствии с высокими стандартами детективной литературы. Металлические решетчатые двери метро были закрыты, и двое констеблей из транспортной полиции прятались внутри, словно желая скрыться от сурового взгляда Шерлока. Хотя, скорее всего, просто зашли погреться, потому что холод был собачий. Они впустили меня, толком и не глянув на удостоверение, – рассудили, видимо, что, кроме копов, в такую рань шататься дураков нет.

Я спустился по лестнице к кассам. Створчатые дверцы всех турникетов были зафиксированы в открытом положении для легкого доступа. Рядом тусовалась компания парней в ярких куртках с люминесцентными полосками и тяжелых ботинках. От нечего делать они пили кофе, трепались друг с другом или играли в игры на мобильных. Стало быть, ночных путевых работ сегодня не будет – значит, утром поезда пойдут с задержкой, подумал я.

Станция «Бейкер-стрит» открылась в 1863 году, в двадцатые годы ее отделали деревянными панелями, кованным железом и кремовой плиткой, но теперь это все почти полностью скрыто под кабелями, распределительными щитками, динамиками и камерами видеонаблюдения.

На месте серьезного преступления, даже таком непростом, как станция метро, легко понять, где находится жертва. Достаточно найти самое большое скопление людей в защитных костюмах. Их количество в дальнем конце третьей платформы наводило на мысль о вспышке сибирской язвы. И явно недаром: полиция не станет проявлять такого интереса к самоубийце или одному из пяти-десяти бедолаг, каждый год случайно погибающих под колесами метро.

Платформу номер три строили открытым способом – это когда пара тысяч рабочих сначала роют здоровенную глубокую траншею, затем по ней прокладывают рельсы, после чего тоннель сверху закрывают. Но поскольку дело было еще во времена паровозов, добрую половину платформы оставили под открытым небом, чтобы паровозный чад мог свободно выходить наружу, а осадки – проникать внутрь.

Попасть на место преступления не проще, чем в клуб для избранных: амбал на входе пустит вас, только если обнаружит в списке. В нашем случае это был список официальных лиц, допущенных к месту преступления, а в роли амбала выступал сурового вида констебль из транспортной полиции. Я сообщил свое имя и звание, и он оглянулся назад: чуть поодаль стояла и хмуро взирала на нас невысокая женщина с коренастой фигурой и унылым плоским бюстом. Это была шеф-инспектор Мириам Стефанопулос, которой, как я понял, предстояло первое расследование в новом, свежеполученном звании. Нам уже доводилось работать вместе – возможно, потому она и помедлила, прежде чем кивнуть констеблю-транспортнику. Вот вам еще один способ получить доступ на место преступления: надо иметь знакомых среди большого начальства.

Я отметил себя в журнале регистрации и взял со спинки складного стула один из защитных костюмов. Облачившись в него, направился туда, где Стефанопулос контролировала работу ответственного за вещдоки офицера. Который, в свою очередь, внимательно следил за криминалистами, снующими туда-сюда по платформе.

– Доброе утро, босс, – поздоровался я. – Звонили?

– Привет, Питер, – кивнула она.

По столичной полиции ходят слухи, что она якобы хранит коллекцию человеческих тестикул в банке на прикроватном столике – на память о мужчинах, которым хватило глупости над ней подшучивать. И еще, представьте, я слышал, будто у нее есть большой дом в какой-то несусветной глуши, где она разводит кур. Но спросить ее прямо духу у меня никогда не хватало.

Парень, чье бездыханное тело лежало на дальнем краю платформы, был красавчиком – пока был живой. Лежал он на боку, щекой на выброшенной вперед руке, сторбив спину и согнув ноги в коленях. Не совсем то, что патологоанатомы называют «позой боксера»^[7], – скорее «спасительное положение», которое нам показывали на курсах первой помощи.

– Тело двигали? – спросил я.

– Нет, зритель нашел его в таком виде, – ответила Стефанопулос.

На трупке были голубые тертые джинсы и темно-синий пиджак поверх черной кашемировой водолазки. Очень хороший пиджак, судя по крою и качеству ткани, явно шитый на заказ. Но вот на ногах были «Мартенсы» классической модели 1490, то есть не легкие туфли, а настоящая рабочая обувь. Странное сочетание. От подошвы до третьей снизу пары дырочек их покрывала грязь, но выше шла гладкая кожа, чистая, жесткая, без единой царапинки. Почти новые, подумал я.

Парень был белым, на бледном лице выделялся прямой нос и волевой подбородок. Действительно, красавчик. Длинная светлая эмочка свисала на лоб и ниже, рассыпаясь по щеке. Глаза были закрыты.

Все эти подробности уже наверняка задокументировали люди Стефанопулос. И сейчас, когда я сидел на корточках возле тела, за моей спиной стояло полдюжины криминалистов, готовых взять образцы всего, что не приколочено, а за ними еще одна толпа, вооруженная режущими инструментами – чтобы так же поступить со всем остальным.

Моя же задача состояла в другом.

Надев защитную маску и очки, я наклонился к телу как можно ближе и закрыл глаза. Трупы людей очень плохо держат *вестигии*, но если магический импульс (допустим, это был именно он) оказался

достаточно силен, чтобы убить человека, то не мог не оставить следа. Однако сейчас я если что и почуял, то в рамках обычного восприятия: запахи крови, пыли и мочи, на этот раз уж точно не лисьей.

Насколько я мог судить, никаких *вестигиев* это тело не хранило. Я выпрямился и обернулся к Стефанопулос. Она нахмурилась.

– Зачем вы меня вызвали? – спросил я.

– С этим делом что-то не так, – бросила она. – Я подумала, лучше позвать тебя сразу, чем привлекать потом.

Утром, например, когда удалось бы выспаться и позавтракать, добавил я про себя. Вслух нельзя: в должностных обязанностях офицера полиции четко указано «режим готовности в любое время суток».

– Я ничего не чувствую, – сказал я.

– Тогда не мешай. – Она жестом велела мне отойти. Коллегам из других отделов мы, как правило, не объясняем, как работает наш, – в основном потому, что все руководства и процедуры приходится выдумывать по ходу дела. В итоге офицеры высокого ранга, вроде Стефанопулос, обычно знают, что мы что-то делаем, – но не знают, что именно.

Я отошел от трупа, и заждавшиеся криминалисты бросились дальше терзать место преступления.

– Кто такой? – спросил я.

– Пока не знаем, – ответила Стефанопулос. – Одиночная колотая рана в нижней части спины, кровавый след уходит в тоннель. Трудно сказать, притащили его сюда или сам дополз.

Я глянул вниз, на рельсы. В тоннелях, построенных открытым способом, пути идут совсем рядом, как в наземном железнодорожном полотне. Значит, на время работы следственной группы перекрыли обе линии – и туда, и обратно.

– Это какое направление? – спросил я, ибо слегка потерял ориентацию в пространстве.

– Восточное, – отозвалась Стефанопулос.

То есть в сторону Юстона и Кингс-Кросса, подумал я.

– Но это еще ладно, – добавила она и кивнула в противоположную сторону. – Вон там, сразу за поворотом, она пересекается с линиями Дистрикт и Хэммерсмит, так что перекрывать придется всю развязку.

– Транспорт Лондона будет в восторге, – заметил я.

– Да у них уже счастья полные штаны, – усмехнулась старший инспектор.

Метро должно открыться на вход меньше чем через три часа, и если к этому времени станция «Бейкер-стрит» будет перекрыта, движение полностью встанет. И это в начале последней рабочей недели перед Рождеством!

Но все же Стефанопулос не ошибалась: что-то в этом деле было странное. И не только смерть несчастного парня. Скользнув взглядом по черному провалу тоннеля, я ощутил на миг... нет, даже не *вестигий*, а отголосок чего-то гораздо более древнего. Нутряного инстинкта, который мы пронесли через все века эволюции, с момента, когда покинули вершины деревьев, и до того, как взяли в руки «большую дубинку»^[8]. Который приобрели еще в те времена, когда в царстве высших хищников были стаей голых прямоходящих обезьян, эдаким обедом на ножках. Инстинкта, который безошибочно предупреждает: кто-то следит за тобой из темноты.

– Хотите, чтобы я осмотрел тоннель? – поинтересовался я.

– Ну наконец-то, – фыркнула Стефанопулос, – я уж и не чаяла дожждаться.

Люди как-то странно представляют себе работу полицейских. Они, например, уверены, что мы с восторгом бросаемся разруливать любую, сколь угодно опасную ситуацию, ни на секунду не задумавшись об угрозе собственной жизни. Да, действительно: мы, подобно солдатам или пожарным, часто встречаем опасность лицом к лицу, но всегда помним о возможных сложностях и препятствиях. В данном случае – о контактном рельсе и о том, как легко можно расстаться с жизнью, если его потрогать. Краткий инструктаж о чудесах электрификации провел мне, а заодно и криминалисту, жизнерадостный сержант-транспортник по имени Джагет Кумар. Редкая птица: офицер транспортной полиции, прошедший пятинедельный курс по безопасности в подземке, который позволяет лазить по путям, даже когда контактный рельс под напряжением.

– По правде, не очень-то хочется, – пояснил Кумар. – Первое правило работы при включенном контактном рельсе – не выходить на пути.

Я направился вслед за ним, а криминалисты остались. Они, может, и не в курсе, чем именно я занимаюсь, но зато четко знают

правило: место преступления загрязнять нельзя. К тому же теперь у них появилась возможность проверить, не убьет ли нас ток, и только потом лезть на пути самим.

Когда мы отошли достаточно далеко, чтобы нас никто не услышал, Кумар спросил, правда ли, что я из охотников за привидениями.

– Что? – переспросил я.

– Ну, защищаете общество от тварей, что бродят в ночи?

– Вроде того, – кивнул я.

– И что, вы правда занимаетесь... – он замялся, подыскивая нужное слово, – необычными случаями?

– С НЛО не работаем, похищения пришельцами тоже не расследуем, – сказал я, предвосхищая уже привычные вопросы.

– А кто же тогда их расследует? – поднял брови Кумар, и, глянув на него, я понял: стебется.

– Давайте ближе к делу.

– Кровавый след хорошо виден, – послушно сменил тему сержант. – Потерпевший держался за стену, подальше от контактного рельса.

Он посветил фонариком на углубление в щебне – явный след ботинка.

– На шпалы не наступал, значит, что-то знал из техники безопасности.

– Откуда такой вывод? – удивился я.

– Если уж ты оказался на путях при включенном контактном рельсе, держись подальше от шпал. Они скользкие. Человек поскользывается, падает, хватается руками за что попало и – жаж!

– Жаж, – повторил я. – Это у вас официальная терминология? А тех, кого жахнуло, вы как называете?

– Хрустиками, – ответил Кумар.

– Неужели ничего лучше не придумали?

– Ну, – пожал плечами сержант, – как-то не задавались такой целью.

За поворотом мы потеряли платформу из виду, зато нашли место, откуда начинался кровавый след. Досюда он был совершенно сухой, поскольку вся кровь впиталась в грунт, но здесь в луче моего фонарика блестела неровно растекшаяся темно-красная лужа.

– Я пойду дальше, осмотрю ту часть тоннеля. Может, выясню, как он вообще сюда проник, – сказал Кумар. – Вы тут как, справитесь?

– Да-да, все будет в порядке, – отозвался я, – не волнуйтесь.

Присев на корточки, я внимательно осмотрел лужу по периметру. Примерно в метре от нее ближе к платформе заметил какой-то коричневый прямоугольник и посветил туда фонариком. Луч блеснул на дисплее телефона в кожаном футляре – сломанного либо отключенного. Я протянул было за ним руку, но вовремя одумался.

Перчатки я, конечно, надел, и пакеты для вещдоков тоже лежали в карманах. Если бы это была кража, или грабеж, или другое не очень тяжкое преступление, я бы забрал телефон сам и промаркировал как положено. Но речь шла об убийстве – и горе тому копу, который таким образом нарушит цепь доказательств! Его усадят перед монитором и станут подробно объяснять, что пошло не так во время следствия по делу О. Джея Симпсона^[9]. Долго и мучительно, со слайдами.

Я вынул из кармана гарнитуру «Эйрвейв», на ощупь вставил аккумулятор и связался с криминалистом, ответственным за вещдоки, – сказал, у меня для него кое-что есть. В ожидании принялся снова осматривать лужу крови, и внезапно что-то в ней мне показалось странным. Кровь гуще, чем вода, особенно если уже начала сворачиваться, и разливается по поверхности совсем иначе. И она не позволяет разглядеть предмет, лежащий посреди лужи. Пришлось наклониться пониже, но так, чтобы не испортить улику. И тут меня вдруг обдало жаром, в нос ударил запах угольной пыли и такая едкая вонь дерьма, словно я ничком рухнул в навоз на скотном дворе. Аж глаза заслезились.

Вот это уже были *вестигии*.

Я опустился на четвереньки и пригнул голову к полу, чтобы разглядеть, что там все-таки, в этой луже. Увидел нечто треугольное, цвета горшечной глины. Сначала показалось, что камень, но присмотревшись, я увидел острые края и понял: это осколок чего-то керамического.

– Что-то еще нашли? – спросили вдруг у меня над головой. Я поднялся и увидел одного из криминалистов. Показал ему телефон и осколок и отошел в сторону, чтобы фотограф заснял их на месте обнаружения. Направил фонарик в тоннель, и луч выхватил из

темноты люминесцентные полосы на защитной куртке Кумара: он стоял метрах в тридцати. Помигал мне в ответ, и я осторожно подошел.

– Ну как?

Сержант осветил фонариком стальные двухстворчатые двери в заложенной кирпичом арке, однозначно Викторианской эпохи.

– Я подумал, он проник сюда через старый служебный вход, но эти двери наглухо закрыты. Если надо, можете проверить их на отпечатки пальцев.

– А что у нас наверху? – спросил я.

– Мэрилебон-роуд, восточное направление. Там, подальше, есть пара старых вентиляционных шахт, и я хочу их осмотреть. Пойдете со мной?

Отсюда до следующей станции, «Грейт-Портленд-стрит», оставалось семьсот метров. Но мы дошли только до того места, с которого уже было видно платформу. Проверив все точки доступа, Кумар объявил, что, если бы наш паренек спрыгнул на пути с этой платформы, камеры круглосуточного наблюдения обязательно бы его засекли.

– Но тогда как он сюда попал? – удивился сержант.

– Может, есть еще какой-то вход? – предположил я. – Которого нет на планах? И который мы могли пропустить?

– Вызову обходчика, – решил Кумар. – Он точно знает все входы и выходы.

Ночные обходчики патрулируют тоннели и следят, чтобы все было в рабочем состоянии. Они, по словам сержанта, являются хранителями Тайных Знаний Подземки.

– Или вроде того, – добавил он.

Оставив его дожидаться туземного проводника, я направился обратно, в сторону станции «Бейкер-стрит». Где-то на середине пути крупный кусок щебня вывернулся у меня из-под ноги, я потерял равновесие и упал на живот. Чтобы не удариться лицом, машинально выбросил вперед руки – и левой ладонью как раз приложился к контактному рельсу. Ну зашибись, подумал я: коп с хрустящей корочкой!

Залезая обратно на платформу, я обливался потом. Вытер лицо салфеткой и увидел на ней черные пятна угольной пыли, которая тонким слоем покрывала мои щеки. И, как оказалось, ладони тоже.

Пыльный налет на щебне, подумал я. А может, вековая сажа, осевшая еще в те времена, когда паровозы влекли по этим тоннелям вагоны с мягкими сиденьями, в которых ехали чопорные лорды и леди Викторианской эпохи.

– Ради бога, дайте парню салфетку! – прогремел надо мной голос с акцентом, выдававшим уроженца Севера. – А мне объясните, какого хрена он тут делает.

Старший инспектор Сивелл – очень крупный джентльмен из очень маленького городка неподалеку от Манчестера. По словам Стефанопулос, именно в таких городках как-то сразу начинаешь понимать, откуда в творчестве Моррисси^[10] столько дружелюбия и позитива. Я уже работал с Сивеллом: он пытался повесить меня на сцене Королевской оперы, и мне пришлось вкатить ему пять кубиков транквилизатора для слонов. Поверьте, все эти действия были абсолютно оправданны! Я бы сказал, нам даже удалось выпутаться из той ситуации почти без потерь – если не считать того, что старшему инспектору пришлось провести несколько месяцев на больничном. Большинство нормальных копов на его месте только порадовались бы такому отпуску.

Однако теперь Сивелла выписали, и он вернулся на службу, руководить отделом расследования убийств. Явившись сюда, занял стратегически выгодную позицию на лестнице, откуда мог следить за работой криминалистов, не приближаясь к ним. Соответственно, ему не пришлось снимать пальто из верблюжьей шерсти и шитые на заказ ботинки «Тим Литтл». Подошла Стефанопулос, и Сивелл отозвал нас с ней в сторону.

– Рад, что вам уже лучше, сэра, – не подумав ляпнул я.

– Что он тут забыл? – кивнул на меня старший инспектор.

– Да дело это какое-то странное, – пояснила Стефанопулос.

Сивелл вздохнул.

– Что, успел сбить мою бедную Мириам с пути истинного? Но теперь-то я снова в строю и надеюсь, старое доброе следствие, основанное на фактах и доказательствах, скоро возьмет верх над вашей паранормальной хренотенью.

– Конечно, сэра, – согласился я.

– Да, коли уж зашла речь – в какую паранормальную хренотень вы меня втянули на сей раз?

– Сэр, вряд ли здесь имело место какое-то магич...

Сивелл поднял руку, обрывая меня на полуслове:

– Чтобы я не слышал от тебя слова на букву «м», парень!

– Не думаю, что в его гибели было что-то странное, – поправился я, – вот только...

– Причина смерти? – спросил Сивелл у Стефанопулос, снова не дав мне договорить.

– Тяжелое ранение в нижнюю часть спины, возможно с повреждением внутренних органов. Но смерть наступила от потери крови, – ответила она.

Дальше Сивелл спросил про орудие убийства, и Стефанопулос подозвала ответственного за вещдоки криминалиста. Он протянул ей прозрачный пакет, в котором лежала моя находка: треугольный кусок чего-то светло-коричневого.

– Это что за фигня? – нахмурился Сивелл.

– Кусок тарелки вроде бы, – сказала Стефанопулос, медленно поворачивая пакет так, чтобы можно было как следует разглядеть треугольный осколок разбитого блюда или миски.

– Похоже, керамической, – добавила она.

– И они уверены, что это орудие убийства?

Стефанопулос ответила, что до вскрытия патологоанатом не может предложить другой версии.

Мне очень не хотелось рассказывать Сивеллу о маленьком, но концентрированном сгустке *вестигиев*, который исходил от орудия убийства. Но поразмыслив, я пришел к выводу, что, если промолчать, проблем потом будет еще больше.

– Сэр, – тихо сказал я, – вот это и есть источник... «паранормальной хренотени».

– С чего это вдруг?

Я подумал, не пора ли уже рассказать ему, что такое *вестигии*, но Найтингейл говорил, что коллегам нужны простые, естественные объяснения, на которые можно опираться.

– От него исходит своего рода свечение, сэр, – сказал я.

– Свечение? – подозрительно сощурился Сивелл.

– Именно.

– Которое, конечно, видишь только ты? – язвительно добавил он. – С помощью своих таинственных суперспособностей?

– Да, – твердо ответил я, не опуская взгляда, – с помощью моих суперспособностей.

– Ладно, – сдался Сивелл. – Значит, картина такая: в тоннеле потерпевшего пырнули в спину волшебным глиняным черепком. Он вышел на пути искать помощь, дошел до платформы, влез на нее, потерял сознание и скончался от потери крови.

Благодаря камерам видеонаблюдения мы узнали точное время смерти: 1:17 пополуночи. В 1:14 ближайшая к платформе камера зафиксировала бледное, смазанное пятно его лица, когда он залезал вверх. На записи было видно, как парень безуспешно пытается встать, как в конце концов бессильно заваливается на бок и больше уже не двигается.

Смотритель выбежал к нему спустя всего несколько минут после того, как увидел на мониторах камер. И, по его словам, застал уже абсолютно бездыханным. По-прежнему непонятно было, как убитый оказался в тоннеле и как оттуда выбрался убийца, но, когда криминалисты закончили с бумажником, удалось хотя бы установить личность.

– Вот черт, – буркнул Сивелл. – Американец!

Он протянул мне пакет для вещдоков, в котором лежала пластиковая карточка. Первая строчка на ней гласила «ШТАТ НЬЮ-ЙОРК», ниже значилось «ВОДИТЕЛЬСКОЕ УДОСТОВЕРЕНИЕ», затем шли имя, дата рождения и адрес. Джеймс Галлахер, двадцать три года, приехал из некоего Олбани, что в штате Нью-Йорк.

После недолгого спора о том, сколько времени сейчас в Нью-Йорке, Сивелл поручил одному из подчиненных, работающих с родственниками жертв, связаться с полицейским управлением города Олбани. Это, оказывается, столица штата Нью-Йорк – а я и не знал, пока Стефанопулос не сказала.

– Степень твоего, Питер, невежества, – покачал головой Сивелл, – прямо-таки пугает.

– А нашего бедолагу снедала жажда знаний, – заметила Стефанопулос, просматривая документы. – Он учился в колледже Святого Мартина.

В бумажнике обнаружилось удостоверение члена Национального союза студентов, несколько визитных карточек, на которых стояло имя

Джеймса Галлахера, а также (как мы надеялись) его лондонский адрес: бывшие конюшни рядом с Портобелло-роуд.

– Как я люблю, когда нам облегчают жизнь, – довольно ухмыльнулся Сивелл.

– Итак, Питер, что дальше? – спросила Стефанопулос. – Обыск дома, допрос родственников и знакомых? С чего начать?

До этого момента я в основном помалкивал и сейчас вообще-то больше всего хотел смыться отсюда и отправиться домой. Но Джеймса Галлахера прикончили магическим оружием. Ну, то есть черепком от магического горшка. И вот этот-то факт я никак не мог оставить без внимания.

– Надо бы заглянуть к нему на хату, – наконец выразил я свое мнение. – На случай, если он сам был адептом.

– Адептом, значит? – хмыкнул Сивелл. – Это у вас терминология такая?

Я снова умолк, и Сивелл бросил на меня взгляд, полный скупого одобрения.

– Значит, решили, – подытожил он. – Сначала обыск, затем найдите всех знакомых и родственников и составьте расписание их допроса. Транспортники пришлют сюда еще несколько человек – надо прочесать тоннель в обе стороны.

– Транспорт Лондона нам за это спасибо не скажет, – заметила Стефанопулос.

– Ну что ж, я им сочувствую.

– Надо сказать криминалистам, что орудие убийства, возможно, является археологическим артефактом, – сказал я.

– Археологическим артефактом? – переспросил Сивелл.

– Возможно.

– Это твое экспертное мнение?

– Да.

– И как обычно, – усмехнулся Сивелл, – толку от него как от козла молока.

– Если хотите, можем подключить моего шефа, – предложил я.

Сивелл промолчал, брюзгливо поджав губы, а я потрясенно осознал, что он реально подумывает привлечь Найтингейла. Это бесило, ибо значило, что сам я, по его мнению, не справлюсь. И немного выбивало из колеи: раньше как-то спокойно было оттого, что

Сивелл вечно сопротивляется вмешательству «магической херни» в работу его отдела. И если он теперь всерьез прислушался ко мне, то мне за все и отвечать.

– Я слышал, к вашей братии присоединилась Лесли, – сказал он вдруг.

В корне менять тему разговора – излюбленный прием всех копов. Но со мной это не прокатило: я отработывал нужный ответ с тех самых пор, как Найтингейл и Комиссар заключили соответствующее «соглашение».

– Неофициально, – сказал я. – У нее бессрочный лист нетрудоспособности.

– Какая потеря, – покачал головой Сивелл. – Прямо до слез жаль.

– Так как будем действовать, сэр? – спросил я. – ЭйБи займется убийством, а я – прочими... вопросами?

ЭйБи – радиожаргонное название участка Белгравия, где базируется отдел Сивелла. Мы, полицейские, предпочитаем не использовать нормальные слова, если можем заменить их никому непонятным сленгом.

– Чтобы опять было как в прошлый раз? – отозвался Сивелл. – Хрена с два. Будешь у нас работать, в нашей диспетчерской. В моей, мать ее так, команде, у меня под присмотром!

Я глянул на Стефанопулос.

– Добро пожаловать в убойный отдел, – пожала она плечами.

3. Лэдброк-Гроув

Столичная полиция славится простым и незатейливым подходом к расследованию убийств, равно презирая и нутряное, интуитивное чутье матерых следователей, и затейливые цепочки логических заключений гениальных сыщиков. Что здесь любят, так это припахать чертову тучу народу, которая будет методично долбить все мало-мальски возможные версии, пока те не иссякнут или же убийцу не найдут. Или, как вариант, пока руководитель следственной группы не умрет от старости. Вот поэтому дела об убийствах в основном ведут отнюдь не психи следователи, изнуренные алкоголем / семейными неурядицами / умственными расстройствами, а толпа констеблей, только начинающих карьерный путь и оголтело рвущихся к успеху. Так что влился я весьма удачно.

К четверти шестого на станции «Бейкер-стрит» нас таких собралось уже больше тридцати человек, поэтому мы все дружно отправились в Лэдброк-Гроув. Стефанопулос поехала на своем «Фиате Пунто» пятилетней давности, а я предложил подбросить двоих констеблей из отдела убийств. Среди них была моя знакомая – Сара Гулид, мы пересекались по поводу очередного трупа в Сохо. Плюс она участвовала в обыске в «Стрип-клубе Доктора Моро», поэтому как нельзя лучше подходила для «странных дел».

– Я отвечаю за связь с семьей жертвы, – сказала она, усаживаясь на заднее сиденье.

– Сочувствую.

Второй констебль из отдела убийств – упитанный, светловолосый, в мятом костюме от «ДиСи» – сел рядом с Гулид и представился:

– Дэвид Кэри. Тоже связь с семьей.

– На случай, если семья у него большая, – добавила Гулид.

Очень важно связаться с семьей жертвы как можно скорее. Во-первых, чисто по-человечески нужно известить родственников, что случилась беда, до того как они узнают о ней из новостей по телевизору. Во-вторых, надо создать иллюзию, что полиция работает как часы. А в-третьих и главных, мы должны оценить реакцию

родственников, посмотреть им в глаза. Искреннее удивление, шок и горе невозможно сымитировать.

Лучше уж Гулид и Кэри, чем я.

Ноттинг-Хилл находится в трех километрах от Бейкер-стрит, поэтому минут через пятнадцать мы были на месте. Могли бы еще быстрее доехать, если бы мне не пришлось разворачиваться перед Портобелло-роуд. В свое оправдание должен заметить, что все эти поздневикторианские особняки в стиле «под Регентство», выглядят, черт их дери, абсолютно одинаково. К тому же я редко бываю в Ноттинг-Хилле иначе как на карнавале^[11].

У Гулид и Кэри был ДжиПиЭс в телефонах, но мне это мало помогло: по очереди сверяясь с навигатором, они то и дело указывали диаметрально противоположные направления. Наконец места пошли знакомые, и я остановился у местной церкви, которая и послужила мне ориентиром. Это здешний оплот пятидесятничества, и прихожане – люди истово верующие и ужасно шумные. Именно такие места любит посещать моя матушка в те редкие дни, когда вспоминает, что вообще-то христианка.

Что до папы, то он и вовсе ходил в церковь только в тех случаях, когда ему нравилась музыкальная часть службы. То есть, как вы понимаете, почти никогда. В детстве я, помнится, очень любил надевать по воскресеньям нарядный костюмчик, и к тому же в церковь все приводили детей, и мне было с кем поиграть. Но посещения воскресных служб быстро заканчивались. Мама вдруг находила подработку по уборке офиса в выходные, или успевала внезапно разругаться с пастором, или же просто теряла интерес к религии. И все возвращалось на круги своя: по воскресеньям я снова сидел дома и смотрел мультики или менял пластинки на папином проигрывателе.

Я вышел из машины и погрузился в жутковатую тишину. Желтые лучи уличных фонарей отражались в темных стеклах витрин. Ветра не было, и ни один звук сюда не долетал. Вся картина выглядела как-то искусственно, словно декорация для кино. Низкие, тяжелые облака, подсвеченные снизу фонарями, зловеще нависали над пустыми улицами. Холодный сырой воздух глушил даже хлопанье дверей моей машины.

– Наверно, снег пойдет, – заметил Кэри.

Запросто, по такой-то холодрыге. Руки я мог погреть в карманах, но вот уши, казалось, уже заледенели. Гулид надела поверх хиджаба меховую ушанку и весело глянула на нас, замерзающих без головных уборов.

– Вот так вот: надежно и практично!

Она ждала, что мы ответим, но никто не стал доставлять ей такого удовольствия.

Все втроем мы двинулись к бывшим конюшням.

– Где ты взяла эту шапку? – поинтересовался я.

– У брата стащила, – ответила Гулид.

– А я слышал, – вклинился Кэри, – в пустыне бывает холодно и без такой шапки точно не обойтись.

Мы с Гулид молча переглянулись – что тут скажешь?

Ноттинг-Хилл десятилетиями героически ведет тяжелые арьергардные бои с превосходящими силами денег, волны которых периодически захлестывают его с тех самых пор, как Мейфэйр отдали на откуп толстосумам. Невооруженным взглядом видно: тот, кто проектировал перестройку старых конюшен в жилые дома, несомненно, проникся духом этого места, ибо ничто так не отражает принадлежность к оживленному и шумному району, как здоровенные кованые ворота, воткнутые на въезде в улицу. Мы с Гулид и Кэри глядели сквозь их толстые прутья, словно нищие дети Викторианской эпохи.

Перед нами были классические конюшни старого Ноттинг-Хилла: по обе стороны мощного булыжником тупика тянулись здания, в которых когда-то давно богачи держали лошадей и ставили кареты. Теперь это были жилые дома, местами даже поделенные на несколько квартир. В таких домах, подальше от чужих глаз, высокопоставленные геи из кабинета министров селили своих бойфрендов в те времена, когда это вызывало общественное порицание. Теперь же здесь наверняка жили сплошь одни банкиры и их ближайшие родственники. Свет ни в одном окне не горел, но небольшая парковка была забита «БМВ», «Рейндж Роверами» и «Мерседесами».

– Ну что, будем дожидаться Стефанопулос? – спросил Кэри.

Мы какое-то время обдумывали эту перспективу, но очень недолго – те из нас, кто чужд религии и оттого не носит головные уборы, рисковали напрочь отморозить себе уши. На воротах висела серая

коробочка домофона, и я без колебаний набрал номер дома Галлахера. Никто не ответил. Я позвонил еще пару раз – та же история.

– Наверно, сломан, – предположила Гулид. – Может, позвоним к соседям?

– Нет, соседям пока знать рановато, – возразил Кэри.

Я внимательно осмотрел ворота. Их железные прутья в виде пик с тупыми концами располагались довольно далеко друг от друга. Но рядом очень кстати лежал бетонный ограничитель въезда, который я и использовал как ступеньку. Холодный металл обжигал руки, но уже через пару секунд мне удалось подтянуться, поставить ногу на перемычку между пиками и, перемахнув ворота, спрыгнуть вниз. При соприкосновении с обледенелой брусчаткой ноги у меня поехали, и я чуть не упал, но все-таки удержал равновесие.

– Девять и пять десятых балла, – прокомментировал Кэри. – Ваша оценка, коллега?

– Девять и два, – ответила Гулид. – Приземлился не очень чисто.

На стене рядом с воротами обнаружилась кнопка выхода, как раз на высоте поднятой руки. Я нажал и впустил остальных.

Будучи лондонцами, мы задержались на несколько мгновений, чтобы соблюсти обязательный ритуал «оценки имущества». Я предположил, что, учитывая расположение, дом наверняка стоит миллион с хвостиком.

– Полтора, не меньше, – высказал свое мнение Кэри.

– Может, и больше, – отозвалась Гулид, – если он в свободном владении^[12].

Над входной дверью, в ознаменование того, что вкус за деньги не купишь, висел самый что ни на есть старинный каретный фонарь. Я нажал кнопку, и звонок оглушительно зазвонил внутри. А я не спешил убирать палец с кнопки – прелесть работы в полиции в том и состоит, что копу не обязательно быть тактичным в пять утра.

Наконец мы услышали шаркающие шаги на лестнице и гневный вопль: «Да вашу мать, иду уже!» А потом дверь открылась.

Он был высокий, белый, небритый, лет двадцати, с густой копной спутанных темных волос и в одних трусах. Стройный, но без болезненной худобы. Ребра немного выпирали, но пресс был накачанный, чуть ли не с кубиками. Руки и ноги тоже выглядели

вполне мускулистыми. На узком лице выделялся большой рот, который при виде нас изумленно открылся.

– Э! – сказал он. – Вы кто, на хрен, такие?

Мы достали удостоверения и показали ему. Он пялился на них несколько долгих секунд, затем спросил:

– Дадите пару минут форы, припрятать заначку?

Мы дружно ломанулись в дом.

Первый этаж, очевидно, перестроили из гаража и чисто номинально поделили на две части: впереди «гостиная» со свободной планировкой, за ней кухня, отделанная искусственным кирпичом. От левой стены наверх шла лестница без боковой панели. Свободная планировка – это, конечно, хорошо, но когда у вас в доме нет обычного узкого коридора, в котором можно застрять, трое энергичных копов играючи нейтрализуют кого угодно.

Я занял позицию между парнем и лестницей. Гулид, скользнув мимо меня, стала подниматься на второй этаж: следовало удостовериться, что в доме больше никого нет. Кэри же подошел к незнакомцу близко-близко, умышленно нарушая личное пространство.

– Мы – уполномоченные по связям с семьями жертв, – сообщил он, – так что при обычном раскладе нас бы не очень интересовало ваше увлечение наркотиками. Но сейчас это полностью зависит от того, насколько усердно вы будете помогать следствию.

– И угостите ли нас кофе, – добавил я.

– У вас же есть кофе?

– Кофе есть, – кивнул парень.

– Хороший? – донесся сверху голос Гулид.

– Нормальный. Который в кофеварке варят. Ну, в зернах. Реально клевый.

– Ваше имя? – спросил Кэри.

– Зак. Закари Палмер.

– Это ваш дом?

– Я здесь живу, но хозяин – мой приятель. Мой друг, Джеймс Галлахер. Он американец. Вообще дом принадлежит какой-то конторе, а Джеймс его снимает, и я живу тут вместе с ним.

– Вы состоите в близких отношениях с мистером Галлахером? – спросил Кэри. – В каких? Гражданский брак, сожительство... или как?

– Не-не, мы просто друзья, – ответил Зак.

– В таком случае, мистер Палмер, предлагаю переместиться в кухню и выпить кофе.

Я отошел в сторону, чтобы Кэри мог сопроводить слегка ошалевшего Зака в кухню. Теперь он узнает имена и адреса друзей Джеймса Галлахера и, если повезет, его родственников. А еще спросит, где сам Зак находился в момент убийства. Этот вопрос надо задавать сразу, чтобы никто не успел ни с кем сговориться насчет алиби. Гулид наверху, выискивает улики – дневники, записные книжки или даже ноутбук, – которые помогут определить круг знакомых Джеймса Галлахера и восстановить хронологию событий в последний день его жизни.

Я оглядел гостиную. Дом, похоже, сдавали вместе с мебелью, и его атмосфера позволяла предположить, что оную мебель заказывали по каталогу. И, судя по ее добротности и полному отсутствию деталей из ДСП, каталог был покруче тех, которые выбрала бы моя мама. Большой телевизор с плоским экраном поставили года два назад, рядом с ним стояли блюрей-плеер и игровая приставка «Икс Бокс». Однако ни проводов, ни спутникового приемника я не нашел. Рядом с телевизором стоял деревянный стеллаж с дисками, цветом «под дуб». Подборка фильмов была показушно иностранной, сплошное «кино не для всех»: реставрированные ленты Годара, Трюффо, Тарковского. Диск с «Телохранителем» Куросавы кощунственно бросили рядом с проигрывателем поверх футляра: видимо, достали из плеера и, судя по второму пустому футляру, вставили вместо него одну из частей «Пилы».

Настоящий камин – большая неожиданность, учитывая, что это бывший каретный сарай, – заложили кирпичами и заштукатурили. Но каминная полка сохранилась, и на ней стояла навороченная акустическая система «Сони» с выходом для айпода. Самого айпода нигде не было – значит, его еще предстояло найти. Кроме стереосистемы я обнаружил на каминной полке некрашеную статуэтку из глины, колоду карт, упаковку папиросной бумаги «Ризла» и грязную чашку.

Кэри тем временем усадил Зака за кухонный стол, а сам принялся варить «нормальный кофе», попутно заглядывая во все шкафы и ящики, чисто на всякий случай.

Если вы, подобно моей маме, профессионально занимаетесь уборкой помещений, то с пылью в углах поступаете так: берете швабру, мочите в воде и проходите вращательными движениями вдоль плинтуса. Пыль скатывается в комочки, потом надо немного подождать, пока они высохнут, и собрать пылесосом. После такой чистки остаются характерные круговые следы, которые я и нашел на ковре за телевизором. Это означало, что Джеймс и Зак не убирались здесь сами. А еще – что мне в гостиной ловить нечего. Поэтому я отправился на второй этаж.

Ванная комната сияла столь же идеальной чистотой. Однако я надеялся, что неведомая домработница все же не стала переступать последнюю черту приватности и заходить в спальни. И был прав, судя по запаху грязных носков и марихуаны, который я ощутил в меньшей из двух спален. Принадлежала она, видимо, Заку. Одежда, разбросанная по комнате, в основном была отечественных брендов, а под кроватью обнаружился бульбулятор – хитрая конструкция, сделанная из плексигласовой трубки при помощи паяльника. Сумку для вещей я нашел одну-единственную – спортивную, с потрепанными лямками и в пятнах на дне снаружи. Осторожно понюхал. Похоже, недавно стирали, но, помимо запаха стирального порошка, от нее едва заметно тянуло чем-то противным. Папа сказал бы, что бомжом.

Но чем здесь не пахло ни в каком смысле, так это магией. Я развернулся и вышел. И столкнулся на лестнице с Гулид.

– Ни дневника, ни записной книжки, – пожаловалась та, – видно, у него все было в телефоне. Нашла пару писем, присланных авиапочтой. Наверно, от матери – там тот же адрес, что и на правах.

Она сказала, что свяжется с полицией штата Нью-Йорк, попросит позвонить родственникам. Я спросил, где она возьмет контакты.

– А интернет на что?

– Нет, так не пойдет, – возразил я, но она не среагировала. – Думаю, владелец дома захочет познакомиться с Заком поближе, особенно если выяснится, что алиби у него нет.

– Почему это?

– Я сомневаюсь, что он где-то учится. Похоже, он вообще какое-то время жил на улице.

Гулид криво усмехнулась.

– Ну все, тогда однозначно злодей.

– А ты уже пробила его по общей базе?

– Питер, это мое дело. А твое – искать магические вещюки, или что вы там ищете?

Она улыбнулась, желая показать, что это наполовину шутка. Но только наполовину. Так что я оставил ее заниматься своим делом и пошел в спальню Джеймса, надеясь хоть там обнаружить какую-нибудь сверхъестественную фигну.

Увы, меня ждало разочарование.

На стенах не висело никаких плакатов, что мне сначала показалось странным. Но Джеймсу Галлахеру было двадцать три – возможно, он уже вышел из того возраста, когда увешивают стены плакатами. А может, собирался повесить что-то более серьезное: у стены пачкой стояли несколько картин в рамках. В основном городские пейзажи, причем местные: я узнал на одной из картин Портобелло-роуд. На сувенирный ширпотреб они совсем не походили, и я понял, что, возможно, их написал сам Джеймс, хотя стиль был малость старомодным для современного студента-художника. Смятая постель выглядела свежей, край одеяла без пододеяльника был отогнут. На прикроватном столике высилась стопка книг по искусству, но не альбомов с картинками, а серьезных фундаментальных трудов: искусство соцреализма, сборник агиток тридцатых годов, историческая подборка плакатов с лондонским метро, а также фолиант под названием «Наше Время – искусство и мысль с девяностых годов». Только две книги не касались искусства: объемистая «Лондонская трилогия» Колина Макиннеса и справочник «Пятьдесят признаков психического расстройства». Я взял его в руки, перевернул корешком вверх и несколько раз встряхнул, но он упорно не раскрывался на одних и тех же страницах и не выдавал, соответственно, наиболее зачитанные места.

Что Джеймс искал в этом справочнике? Темы для работ? Или опасался за свое – а может, чье-то еще – психическое состояние? Страницы были совсем свежие, незамусоленные, значит, книгу купили недавно. Может, это Зак его так встревожил?

Я еще раз оглядел комнату. Ничего оккультного, никаких намеков на мистику. Ни малейшего отголоска *вестигиев*, кроме обычного городского фона. Классический пример того, что я в последнее время привык называть обратным законом магической пользы. То есть

вероятность обнаружить какие-либо магические предметы или явления обратно пропорциональна пользе, которую они, мать их, могли бы принести, если б их нашли.

А вообще магический отголосок убийства, каким бы он ни был, запросто мог прицепиться не к жертве, а к преступнику. Лучше б я остался в тоннеле метро, с сержантом Кумаром и поисковой группой.

И конечно, стоило подумать об этом, как искомое нашлось – пять минут спустя, когда мы спустились побеседовать с Заком.

Тот к моему возвращению уже успел облачиться в футболку и штаны от спортивного костюма. Сидел, слегка сгорбившись, за кухонным столом и давал показания Кэри. Гулид заняла стратегическую позицию, прислонившись к кухонному шкафчику в деревенском стиле, и наблюдала за Заком, оставаясь в поле его бокового зрения. Внимательно вглядывалась в его лицо и хмурилась – наверняка тоже видела в спальне психиатрический справочник.

На столе меня ждал кофе. Я сел рядом с Кэри и расслабился: откинулся на спинку, взял чашку и сделал большой глоток. Мы попросили Зака перечислить все свои действия за последние сутки. У него тряслись руки, и он неосознанно раскачивался на стуле. Полезно, когда свидетель немного нервничает, но все хорошо в меру.

На столе стояла керамическая миска с двумя яблоками, пятнистым перезрелым бананом и пачкой визиток такси. Того же сочного цвета горшечной глины, что и осколок, который я нашел в тоннеле метро. Только осколок был от гораздо более плоского сосуда.

Я глотнул еще кофе – действительно очень неплохого – и, ставя чашку на стол, как бы невзначай задел кончиками пальцев край миски. И снова, хоть и слабее, чем тогда, в тоннеле: жар и запах угольной пыли, вонь дерьма (видимо, свиного) и еще... не понял толком что.

Выложив фрукты и карточки на стол, я медленно провел пальцами по внутренней поверхности миски. Гладкой, приятно скругленной. Я не мог понять, чем она мне так нравится – круг он и есть круг. Но она была прекрасна, как... как улыбка Лесли. Я имею в виду, той поры, когда Лесли могла улыбаться.

Тут я заметил, что вокруг воцарилась полная тишина.

– Откуда взялась эта миска? – спросил я у Зака.

Судя по его взгляду, он решил, что у меня не все дома. Гулид и Кэри смотрели так же.

– Эта миска? – переспросил он.

– Да, эта миска. Где вы ее взяли? – повторил я.

– Миска как миска, самая обычная.

– Я знаю, – терпеливо сказал я. – Вам известно, откуда она здесь появилась?

Зак в ужасе воззрился на Кэри, явно решив, что мы придерживаемся малоизвестной схемы допроса «добрый коп / ненормальный коп».

– Джеймс вроде на рынке купил.

– На Портобелло?

– Ага.

Рынок Портобелло в длину простирается минимум на километр, и ларьков там не меньше тысячи. Не считая сотни с лишним магазинчиков, теснящихся по обеим сторонам Портобелло-роуд, а местами выползающих и на соседние улицы.

– А если малость поподробнее? – спросил я.

– Кажется, в верхнем конце, – ответил Зак. – Ну вы поняли, не в пафосном, а там, где нормальные ларьки. Больше ничего не знаю.

– Надо ее упаковать, – сказал я. – Есть у кого-нибудь пузырчатая пленка?

4. Арквей

Ответ был, как ни странно, «да». Видимо, студентам-художникам нередко приходится возить в транспорте свои работы, а они бывают хрупкие. Поэтому в кухонном шкафу обнаружилось не только просроченные макароны и сомнительные супы в пакетиках, но и пузырчатая пленка, оберточная бумага и клейкая лента.

Здесь же, в шкафу, Зак хранил свою записку – в небольшой сумочке на молнии мы обнаружили какие-то желтоватые листики. Кэри предложил считать их скорее пряными травами, нежели запрещенным веществом. Но сумочку тем не менее изъял – правда, неофициально. На случай, если нужен будет предлог для ареста Зака.

Миска теперь лежала в пакете для вещдоков, края которого были намертво склеены стикером с моим именем, званием и табельным номером. На том же стикере я нацарапал число, время, адрес и обстоятельства изъятия улики. Мелким, неразборчивым почерком – всегда считал, что в Хендоне очень не хватает соответствующего спецкурса.

Я прямо-таки разрывался: хотелось скорее выяснить, откуда взялась эта миска, и одновременно надо было проверить, не оставил ли Джеймс Галлахер каких-то магических штуквин в колледже – в шкафу, в мастерской, или где там они хранят свои работы. Поразмыслив, я решил ехать сначала в колледж, поскольку было восемь утра, а рынок полностью заработает не раньше одиннадцати. По негласным правилам городских рынков раннее утро принадлежит зеленщикам, а не торговцам посудой, ибо на сложный участок пути между метро «Ноттинг-Хилл» и пересечением с Пембридж-роуд у туристов уходит часа два.

Кто-то должен был остаться сторожить Зака до приезда Стефанопулос с командой. Зак пока не считался подозреваемым, но своим поведением здорово на него смахивал. Гулид с Кэри решили выяснить, кто же станет счастливым, и сыграли в «камень, ножницы, бумага». Кэри проиграл.

Гулид я обещал подбросить до Белгравии, ей надо было передать показания Зака коллегам из отдела обработки сведений для загрузки во

всезнающую систему ХОЛМС. Эта система создана, чтобы сопоставлять и анализировать данные, что, как мы надеемся, помогает полицейским не выглядеть полными идиотами в глазах общества. Самый блеск, если еще и настоящего преступника удастся поймать.

Мы вышли на улицу, в тускло-серую утреннюю мглу. Из-за нее, казалось, стало еще холоднее, но пейзаж, по крайней мере, перестал напоминать декорации к фильму. Пакет с волшебной миской я держал обеими руками и осторожно ступал по обледенелой брусчатке. Все машины, включая мой «Форд», покрывал толстый слой инея. Я завел мотор, откопал в бардачке скребок и минут десять чистил лобовое стекло, а Гулид, устроившаяся на переднем пассажирском сиденье, все это время давала мне ценные советы.

– А у вас тут обогреватель лучше, чем у нас, – заметила она, когда я наконец уселся за руль. Я сердито зыркнул на нее. Руки совсем онемели, и пришлось несколько секунд побарабанить пальцами по рулю, чтобы вернуть им чувствительность и без опаски вести машину.

Выруливая на Кенсингтон-парк-роуд, я подумал, что надо бы добавить в список пожеланий на Рождество новые перчатки для вождения.

Когда я сворачивал на Слоун-стрит, пошел снег. Я надеялся, что это будет меленькая крупа и припорошит совсем чуть-чуть – в детстве я очень расстраивался, если так бывало. Однако вскоре снег повалил огромными мокрыми хлопьями. Ветра не было, они спокойно опускались на землю, быстро покрывая все вокруг, даже проезжую часть. «Форд» начало заносить на поворотах. Я сбросил скорость и вздрогнул от неожиданности: какой-то придурок на «Рейндж Ровере», остервенело сигналя, пролетел мимо меня и въехал в зад «Ягуару XF».

Осторожно объезжая этих двоих, я, несмотря на холод, опустил стекло и популярно объяснил, что полный привод и великолепная маневренность не спасут, если толком водить не умеешь.

– Не заметила, пострадавшие есть? – спросил я Гулид. – Может, остановимся?

– Не-а, – мотнула она головой. – Это не наша забота, а день жестянщика только начался.

И точно: на пути к Слоун-сквер нам попались еще два небольших ДТП. Снег уже лежал небольшими сугробами на крышах машин, на тротуарах и даже на головах и плечах пешеходов. К тому моменту, как

я припарковался перед отделом в Белгравии, монументальным зданием из красного кирпича, движение сократилось до тоненькой цепочки машин: лишь самые отчаянные и упрямые водители еще пытались форсировать пробку. Снегом покрылась даже Бакингом-Пэлес-роуд, а на моей памяти такого еще не случалось. Я не стал выключать мотор, когда Гулид выходила из машины. Она предложила забрать миску, но я отказался:

– Сначала пусть мой шеф ее посмотрит.

Я подождал, пока она войдет в здание и закроет за собой дверь. И только потом вылез из машины, открыл багажник и извлек оттуда форменную куртку со светоотражателями и бордово-фиолетовую шапку с помпоном, которую мне связала одна из тетушек: при определенной температуре даже я готов пожертвовать шиком в угоду комфорту. Утепившись, я сел обратно и медленно-медленно порулил в западную часть города.

Джеймс Галлахер учился не в новом ультрасовременном кампусе в Кингс-Кроссе, а в отделении имени Байама Шоу^[13], небольшом здании на выезде с Холлоувэй-роуд, рядом с Арквеем. И это, по мнению Эрика Хьюбера, куратора Джеймса и директора мастерской, было хорошо и правильно.

– Слишком уж там все новенькое, – отозвался он о главном здании, – слишком приспособленное. Полная инфраструктура, все блага цивилизации, а еще здоровенный офис, где сидит руководство. Все равно что пытаться творить за столиком в Макдоналдсе.

Хьюбер оказался невысоким мужчиной среднего возраста, в дорогой лиловой рубашке с воротником на пуговицах и коричневых слаксах. Насколько я понимал, гардероб ему нынче подбирал спутник жизни, какой-нибудь молодой натурщик. Это угадывалось по встрепанным волосам и байкерской косухе в качестве «зимней одежды». Косуха была старая и потрескавшаяся, похоже, ее извлекли из закровов по случаю внезапного снегопада.

– Гораздо полезнее заниматься творчеством в помещении, которое оптимизируешь своими силами, – пояснил Хьюбер. – Так сразу чувствуешь свой вклад.

Он встретил меня в приемной и провел внутрь. Колледж занимал два здания красного кирпича – корпуса бывшего завода, построенного

еще в конце девятнадцатого века. Хьюбер с гордостью поведал о том, что во время Первой мировой войны здесь производили боеприпасы и поэтому стены очень толстые, а потолки высокие. Студенческая мастерская располагалась в огромном помещении – бывшем производственном цеху. Когда здание передали колледжу, этот цех от пола до потолка разделили белыми перегородками на несколько отсеков.

– Как можно заметить, у нас тут нет никакого личного пространства, – сказал Хьюбер, пока мы петляли между этими перегородками. – Мы хотим, чтобы каждый студент мог видеть, как работают другие. Зачем поступать в колледж, чтобы потом затвориться в какой-нибудь каморке?

Странное дело, я как будто вернулся в школьный кабинет рисования. Те же самые пятна краски, рулоны ватмана и стеклянные банки из-под варенья, полные мутной воды, из которой торчат недомытые кисти. Незаконченные работы висят на стенах, и горьковато пахнет льняным маслом. Только, конечно, все это в гораздо большем масштабе. На одной перегородке лепились друг к другу наросты из искусно сложенной цветной бумаги. А то, что я сначала принял за шкаф со стеклянными дверцами и старыми ламповыми телевизорами внутри, оказалось недособранной инсталляцией.

В основном, насколько я мог судить, нам попадались по пути абстрактные скульптуры и инсталляции из природных материалов. Поэтому, добравшись до закутка, в котором работал Джеймс Галлахер, я так удивился, обнаружив множество картин. Очень хороших картин. Те, что я нашел в Ноттинг-Хилле, действительно написал он.

– Эти работы отличаются от других, – заметил я.

– Вопреки ожиданиям, – пояснил Хьюбер, – мы не чураемся реализма.

Картины изображали улицы Лондона, Кэмден Лок, собор Святого Павла, Велл Уок в Хэмпстеде и прочие подобные места. На каждой – теплый солнечный день и веселые люди в яркой цветной одежде. Не знаю, как насчет реализма, но мне эти картины подозрительно напомнили фуффло, которое впаривают в «антикварных» лавках наряду с портретами клоунов и собачек в шляпах.

Я спросил, не считает ли он их слегка похожими на ширпотреб для туристов.

– Скажу вам откровенно, – ответил он, – когда Джеймс при поступлении сдавал конкурсные работы, они показались нам э-э-э... несколько простоватыми. Нужно абстрагироваться от их тематики, и тогда становится очевидна блестящая техника.

Ну и взнос за учебу, конечно, сделал свое дело: иностранный студент уплатил его одним куском, да еще и добавил немного для лояльности.

– Так что же случилось с Джеймсом? – поинтересовался Хьюбер. Осторожно и как-то неуверенно.

– Его нашли мертвым сегодня утром, и мы считаем обстоятельства смерти подозрительными. Больше ничего не могу сказать.

Это стандартный ответ на такие вопросы. Хотя труп, найденный на станции метро «Бейкер-стрит», наверняка пойдет в дневных новостях вторым номером после «пассажиров, возмущенных транспортным коллапсом в Лондоне после снегопада». Если только телевизионщики не сумеют как-то увязать оба этих события вместе.

– Он покончил с собой?

Очень интересно.

– У вас есть основания полагать, что он мог это сделать? – спросил я.

– Качество его работ в последнее время стало меняться к лучшему, – сказал Хьюбер, – они стали очень непростыми с точки зрения идеи.

С этими словами он отошел в дальний угол, где у стены стояла большая плоская кожаная папка для рисунков. Открыл ее, некоторое время перебирал лежавшие там работы. Наконец выбрал одну. И не успел еще целиком извлечь ее из папки, как я уже понял: она кардинально отличается от всех остальных картин Джеймса. Тона были мрачные и какие-то злые. Хьюбер перевернул картину и поднял на уровень груди, чтобы я мог как следует ее рассмотреть.

Темно-синие и бордовые изгибы олицетворяли свод тоннеля, из тьмы которого выходил кто-то со странными, нечеловечески вытянутыми руками и ногами, нарисованный размашистыми мазками черного и серого. Лицо было гораздо выразительнее, чем у персонажей других картин: широкая щель рта, кривящаяся в злобной ухмылке, круглые как блюдца глаза и большая, абсолютно безволосая голова.

– Как видите, – сказал Хьюбер, – в последнее время он стал писать гораздо лучше.

Я снова глянул на картину с подоконником в солнечных бликах: для полной слащавости на нем недоставало только кота.

– Как давно у него изменился стиль? – спросил я.

– Нет-нет, стиль не менялся, – поправил меня Хьюбер. – Техника в высшей степени напоминает предыдущие картины Джеймса. Однако перед нами значительно более глубокая работа. Радикально изменилась, я бы так сказал, тематика, но полагаю, надо вникать даже глубже. Стоит только взглянуть на эту работу, и видишь эмоции, даже страсть, которых не было ни в одной из предыдущих. Он не просто стремился выйти из зоны комфорта в плане техники...

Хьюбер внезапно умолк.

– Такое уже бывало, – после долгой паузы сказал он. – К вам приходят учиться молодые люди, вы думаете, что понимаете их, а потом они вдруг сводят счеты с жизнью, и становится ясно: все это время вы принимали за их успехи нечто совершенно противоположное.

Я не совсем лишен сострадания к ближнему, а потому сообщил, что самоубийство все же маловероятно. У Хьюбера явно свалился с души такой камень, что он даже не спросил, как именно погиб его ученик. Что само по себе повод заполнить квадратик на уже упомянутой «карточке бинго».

– Вы сказали, он решил выйти из зоны комфорта, – напомнил я. – Что вы имели в виду?

– Он хотел поработать с новым для себя материалом: заинтересовался керамикой, к сожалению.

Я спросил, почему к сожалению, и Хьюбер пояснил, что им пришлось перестать использовать печь для обжига здесь, в колледже.

– Каждый обжиг стоит очень дорого, и мы должны продавать много готовой керамики, чтобы окупать работу печи, – сказал он, явно досадуя, что и сюда, в обитель искусства, добралась реальность и ее финансовые проблемы.

А я вспомнил об оружии убийства – том осколке горшка, который нашли в тоннеле. И спросил, есть ли печь для обжига в новом здании и мог ли Джеймс Галлахер работать с керамикой там?

– Нет, – покачал головой Хьюбер. – Если бы он попросил, я мог бы это устроить, но он не просил.

Нахмурившись, он извлек из папки еще одну «позднюю» работу. Бледное лицо женщины с большими глазами, а вокруг пурпурно-черная тьма. Некоторое время смотрел на нее, потом вздохнул и осторожно убрал на место.

– Знаете, – сказал Хьюбер, – он часто где-то пропадал подолгу...

И снова пауза. Я тоже помолчал, надеясь, что он скажет что-то еще. Но ничего не дождался, а потому задал следующий вопрос: были ли у Джеймса шкаф для личных вещей.

– Пойдемте, – кивнул Хьюбер, – это там, дальше.

На одном из многочисленных шкафчиков серого металла висел дешевый замок. Я сбил его при помощи резца, который прихватил из ближайшего «рабочего отсека». Хьюбер поморщился, когда замок с глухим стуком упал на пол, но, похоже, его больше волновала сохранность резца, нежели шкафа. Натянув резиновые перчатки, я принялся исследовать содержимое. Обнаружил две коробки карандашей, набор кистей в футляре (половины не хватало), небольшую книжку «Глаз в пирамиде»^[14] в мягкой обложке с ценником из «Оксфэма»^[15] и путеводитель по городу. Туда была вложена рекламная брошюрка о выставке художника по имени Райан Кэрролл, в галерее «Тейт Модерн». Она служила закладкой на соответствующей странице, и «Тейт Модерн» в Саутворке была обведена в кружок карандашом.

Значит, он точно туда собирался, подумал я. А торжественное открытие выставки как раз завтра. Я записал данные, сложил в пакет и промаркировал все, что нашел в шкафу, опечатал его изолентой, оставил мистеру Хьюберу визитку и двинул домой.

Счистив с лобового стекла трехсантиметровый слой снега, я сел за руль и двадцать минут спустя наконец поставил свой «Форд» в гараж, где стихия ему больше не грозила. Потом, набравшись храбрости, форсировал обледенелую лестницу, которая вела на второй этаж бывшего каретного сарая. Там, в моем логове, стоит телевизор, хорошая стереосистема, ноутбук и прочие атрибуты двадцать первого века, олицетворяющие связь с внешним миром. Это оттого, что сам особняк Безумство полон тайных защитных сил (не мои слова), которые могут ослабеть, если протянуть внутрь нормальные

современные провода. Вайфай я предлагать не стал, потому что сам не очень дружу с информационной безопасностью. И потом, хотелось иметь какой-то угол лично для себя.

Первым делом я включил масляный обогреватель, который нашел однажды на цокольном этаже особняка, когда от старого, электрического, три раза подряд выбило пробки на его допотопном щитке. Потом проверил запас вкусняшек в шкафу и отметил, что пора его пополнить. А еще пора либо вымыть свой мини-холодильник, либо плюнуть уже и признать его биологически опасным объектом. Но когда все же нашелся кофе и пол-упаковки печенок – «Маркс и Спенсер», со вкусом натуральных печенок, я решил сперва разобраться с документами, а потом уж наведаться к Молли на кухню.

Следующие два часа я оформлял показания мистера Хьюбера, попутно отмечая, что резкая смена тематики в работах Джеймса Галлахера может говорить о вероятных изменениях его личности. Потом, чтобы немного взбодриться, решил погуглить Райана Кэрролла и выяснить, чем таким необычным он заинтересовал погибшего американца. Информации нашлось немного: родился и вырос в Ирландии, до недавнего времени жил и работал в Дублине. Известен главным образом благодаря своей инсталляции в виде фермерских домов из деталей лего в четверть натуральной величины. Крыши у них из библиотечных томов классической ирландской литературы, покрытых сверху слоем конского навоза. Для раннего Джеймса Галлахера недостаточно слащаво, для позднего не хватает извращенности. В онлайн-журналах нашлось несколько обзоров выставок Кэрролла, все за последние два месяца. И даже одно интервью, в котором он утверждал, что промышленную революцию важно воспринимать как раскол между человеком – высокодуховной личностью и человеком – грубым потребителем. Родившись в Ирландии, собственными глазами увидев и расцвет, и последующее угасание феноменального «кельтского тигра»^[16], Райан Кэрролл имеет совершенно уникальный взгляд на разобщение человека и машины. Так, по крайней мере, он сам считает. Новая же работа должна, по его замыслу, пошатнуть взгляды общества на взаимодействие людей и машин.

– Мы и есть машины, – сказал он в интервью, – мы перерабатываем еду в дерьмо. И создали другие машины, которые

помогают нам повышать производительность труда: перерабатывать еще больше еды в большее количество дерьма.

У меня сложилось впечатление, что на этого Кэрролла было бы любопытно посмотреть, но лучше не во время еды. Я не знал, насколько важно, что студент художественного колледжа собирался посетить художественную выставку, но на всякий случай внес эту информацию в отчет. Золотое правило современной полиции гласит: фиксируй все, мало ли что пригодится. Сивелл – хотя скорее Стефанопулос – просмотрит отчет и решит, что с этим делать дальше.

Я позвонил в Белгравию, в отдел обработки данных, который отвечает за ввод информации в систему, и сказал, что направляю показания свидетеля по электронной почте. Они сказали, что это, конечно, хорошо, но им нужны правильно оформленные оригиналы, и как можно скорее. А еще напомнили, что, если Безумство не располагает безопасным хранилищем вещдоков, я должен немедленно передать ответственному за улики все, что нашел в шкафу Джеймса Галлахера.

– Не волнуйтесь, хранилище у нас есть, – заверил я. – И весьма надежное.

Еще полчаса я корпел над бланками, а потом наконец отправил все это в Белгравию. Как раз в этот момент позвонила Лесли – напомнить, что мы сегодня должны побеседовать с предполагаемым Крокодилчиком. Найтингейл уехал в Хенли еще утром, когда стало ясно, что я занят и вернусь нескоро.

Съездил, называется, к Беверли. Теперь в этом году уже не увидимся.

Лесли поинтересовалась, ждать ли сегодня Найтингейла.

– Нет, – ответил я, – не в его правилах рулить в такую погоду.

Мы встретились у служебной лестницы, притулившейся сбоку в передней части особняка, и Лесли спустилась со мной в подвал, где у нас было специальное секретное хранилище и по совместительству оружейный склад. После того как я весьма эмоционально пообщался с Безликим на крыше дома в Сохо, Найтингейл на пару с Кэффри, нашим знакомым бывшим десантником, целую неделю развлекались вывозом оружия и боеприпасов, которые лежали и ветшали здесь шестьдесят лет с хвостиком. А веселее всего было, когда я случайно открыл ящик с осколочными гранатами, который валялся в луже аж с

1946 года, и Кэффри рявкнул мне медленно отойти в сторону, и голос у него был на пару октав выше обычного. Пришлось вызывать парочку взрывотехников, чтобы они забрали этот ящик и увезли подальше. Мы с Лесли наблюдали за ними из кафе в сквере по другую сторону улицы.

Все вооружение, которое Кэффри счел пригодным для использования, привели в порядок и сложили на новенькие стеллажи вдоль одной стены и на металлические полки вдоль другой. Именно они предназначались для хранения вещдоков. Я выписал перечень всего, что принес, на листе бумаги, зажатом в планшет, и мы с Лесли свалили в Барбикан.

5. Барбикан

После Второй мировой войны от английского магического сообщества почти ничего не осталось. Только раненый Найтингейл и еще несколько магов, слишком старых или недостаточно хороших, чтобы полечь в последней отчаянной битве в лесах под Эттерсбергом. Я точно не знаю, за что они там сражались, но догадки есть: нацистские идеи, концлагеря, потусторонние силы... словом, предположений хватает. Один Найтингейл да еще пара магов постарше, ныне давно покойных, продолжали свою деятельность после войны. Все остальные умерли от ран, сошли с ума либо отказались от своего призвания, выбрав обычную жизнь. Преломили посох, по выражению Найтингейла.

Сам он согласился «уйти в режим ожидания»: затаился в Безумстве и появлялся, только когда у столичной или региональной полиции возникали проблемы по части потусторонних сил. Вокруг теперь был новый, незнакомый мир скоростных магистралей и атомных бомб. Найтингейл, как и большинство посвященных, полагал, что магия угасает, ее свет уходит из мира и он – последний практикующий маг.

Как выяснилось, он был не прав. Но, когда это стало очевидно, было уже поздно: кто-то другой взялся обучать людей магии еще в пятидесятые годы. Не понимаю, почему мой наставник так удивился – сам я успел выучить от силы четыре с половиной заклятия и ни за что на свете не остановился бы на достигнутом. Хотя то и дело оказываюсь на волосок от смерти: мне грозят то вампиры, то петля, то злонамеренный дух и озверевшие погромщики, то человек-тигр. А еще постоянный риск переборщить с магией и заработать аневризму сосудов головного мозга.

Цепочка событий, насколько мы смогли ее восстановить, выглядит так: Джефффри Уиткрофт, маг, по общему мнению, не слишком выдающийся, после войны оставил это поприще и стал преподавать теологию в Оксфорде, в колледже Магдалины. Через некоторое время, в середине пятидесятых, он организовал там обеденный клуб «Крокодильчики». Университетские обеденные клубы – это сборища,

популярные в пятидесятые и шестидесятые годы у богатеньких старшекурсников. Они проводили там все время, свободное от роковой любви, шпионажа в пользу русских или оттачивания современной британской сатиры.

Джеффри Уиткрофт, стремясь разнообразить клубные вечера, взялся обучать некоторых своих молодых друзей основам ньютоновой магии, чего ему делать не следовало. И, по определению Найтингейла, довел минимум одного из них до «уровня магистра», чего делать *совсем* не следовало. Потом – мы не смогли установить, когда именно, – этот его ученик поселился в Лондоне и перешел на темную сторону. То есть Найтингейл, конечно, никогда не говорит «на темную сторону», но мы с Лесли не можем удержаться.

Он творил с людьми ужасные вещи. Я знаю это наверняка, сам видел ожившую голову Ларри Жаворонка. Видел и других... обитателей «Стрип-клуба Доктора Моро». Найтингейл видел гораздо больше, но не хочет об этом рассказывать.

Благодаря показаниям очевидцев мы знаем, что наш герой при помощи магии скрывал лицо. Похоже, он отошел от дел где-то в конце семидесятых и, насколько мы можем судить, его эстафету долго никто не принимал. До тех пор, пока три или четыре года назад на сцену не вышел тот, кого мы называем Безликим. Осенью, в октябре, он был *настолько* близок к тому, чтоб снести мне голову с плеч, что я отнюдь не жажду новой встречи. По крайней мере, один на один.

Но пока адепт магии с ограниченными понятиями об этике все же не бродил у нас под окнами. В связи с чем мы решили избрать тактику его ареста, основанную на оперативно-аналитических данных. А такая тактика в работе полиции означает следующее: вы *сначала* все просчитываете, разрабатываете план, а потом уж бросаетесь на преступника, и он сносит вам голову с плеч. И вот мы стали исследовать список возможных сподвижников Безликого, надеясь отыскать информацию, которая поможет выяснить, кто он такой. Неспроста же он так тщательно это скрывает.

Шекспировская башня – один из трех жилых высотных корпусов архитектурного комплекса Барбикан в Сити. Построили ее в шестидесятые годы те же самые приверженцы стиля оружейных площадок острова Гернси, которые проектировали нашу школу. Это еще один образчик английского брутализма, башня из шершавого

бетона, которой даже дали Вторую категорию^[17] – иначе пришлось бы публично признать, что она страшная как смертный грех. Однако, хоть Шекспировская башня и так себе с точки зрения эстетики, есть в ней одна очень редкая для лондонских зданий черта, за которую я был очень благодарен, когда с трудом дополз сюда на своем «Форде» по скользким заснеженным улицам. А именно – подземная парковка.

Мы въехали туда, показали удостоверения типу в кабине у шлагбаума, и он выделил нам машино-место. И даже объяснил, где вход, но мы все равно минут пять нарезали круги по парковке, пока Лесли не заметила маленькую табличку, которую загоразивали от глаз многочисленные трубы и перекрытия.

Мы позвонили в дверь, и консьерж впустил нас в холл.

– Мы пришли побеседовать с Альбертом Вудвилл-Джентлом, – сообщил я.

– И предпочли бы, чтобы вы ему об этом не сообщали, – добавила Лесли, заходя следом за мной в лифт.

– Мы просто хотим с ним поговорить, – заметил я, как только двери закрылись.

– Питер, мы же копы, – напомнила Лесли. – Наш приход всегда должен быть неприятным сюрпризом, так труднее что-либо скрыть.

– Логично, – кивнул я.

Лесли в ответ только вздохнула.

Лифтовые холлы на всех этажах были одинаковые: в форме усеченного треугольника, с голыми бетонными стенами, серым ковровым покрытием на полу и аварийными выходами, по форме и размерам напоминающими гермолюки подводных лодок.

Альберт Вудвилл-Джентл жил на тридцатом этаже, это две трети высоты башни.

Там оказалось очень чисто. Когда я вижу в общественном месте столько чистых бетонных поверхностей, мне становится не по себе.

Мы подошли к двери, и я нажал кнопку звонка.

На практике весь смысл полицейской работы в том, что нужную информацию не надо искать тайком. А надо внезапно заявиться к человеку, ввергнуть его в трепет масштабами своих полномочий и задавать нескончаемые вопросы. До тех пор, пока он не скажет то, что вам нужно узнать. К сожалению, Безумство придерживается несколько других правил (в рамках соглашения, не иначе): факт, что в мире есть

сверхъестественное, следует если не скрывать, то хотя бы не подчеркивать.

По этой причине не годилось начинать беседу с вопроса: «Эй, а вы, случайно, не изучали магию в университете?» И мы разработали хитрый план. Ну, то есть Лесли разработала.

Дверь открылась сразу же: консьерж все-таки предупредил хозяев. На пороге стояла женщина средних лет, с усталым лицом, голубыми глазами и волосами цвета грязной соломы. Увидев Лесли в маске, она непроизвольно шагнула назад. Неудивительно – все так реагируют.

Я представился и показал удостоверение. Она подозрительно сощурилась на него, затем на меня. На ней была простецкая коричневая юбка и такого же цвета блузка, а поверх нее – шерстяной жакет. Но из нагрудного кармана торчали механические часы, перевернутые вверх ногами. Видимо, сиделка с проживанием.

– Мы бы хотели видеть мистера Вудвилла-Джентла, – сказал я. – Он дома?

– Он сейчас должен отдыхать, – ответила женщина. С явным славянским акцентом. Русская, подумал я. Или украинка.

– Можно узнать, кто вы?

– Я Варенька, – сказала она, – сиделка мистера Вудвилла-Джентла.

– Мы можем войти? – спросила Лесли.

– Не знаю, – ответила Варенька.

Я вынул блокнот.

– Назовите, пожалуйста, вашу фамилию.

– Мы ведем официальное расследование, – сообщила Лесли.

Варенька еще помедлила, потом – очень неохотно, на мой взгляд, – посторонилась и впустила нас.

– Пожалуйста, – сказала она, – заходите. Я сейчас посмотрю, может быть, мистер Вудвилл-Джентл уже проснулся.

Очень интересно, подумал я. Ей проще впустить нас, чем назвать свое полное имя.

Квартира представляла собой длинный прямоугольный коридор с гостиной и кухней по правой стороне. По левой размещались спальни и, как я понял, ваннные комнаты. Все стены занимали книжные полки. Было душно из-за задернутых штор, едва заметно пахло дезинфектантом и плесенью. Варенька повела нас в гостиную, и я по

пути успел глянуть на книги. Похоже, все они были куплены в благотворительном секонд-хенде: твердые переплеты сверкали дырами в суперобложках, а у мягких были потертые и выцветшие корешки. И при этом все они были тщательно отсортированы сначала в тематическом, а затем в алфавитном порядке. Аж две полки занимали книги Патрика О'Брайана – видимо, все, что есть, включая «Желтого адмирала». Целая этажерка была отведена под книги в мягкой обложке, вышедшие в пятидесятые годы в издательстве «Пенгуин букс».

Для моего папы такие книги – настоящий предмет культа. Он говорит, тогда пенгвиновские издания были жутко популярны: стоило только сесть за столик в нужном кафе в Сохо, открыть такую книжку, притвориться, будто читаешь, – и готово. Не успеешь заказать вторую чашку эспрессо, как вокруг тебя уже будут виться эффектные юные дамы.

Лесли тайком пихнула меня под локоть, чтоб собрался и сделал суровое лицо. Мы вошли в гостиную, и Варенька, оставив нас, отправилась нарушать отдых Альберта Вудвилла-Джентла.

– Он колясочник, – шепнула Лесли.

Судя по тому, где стоял обеденный стол и как располагались другие предметы мебели, квартиру действительно обставляли с учетом нужд инвалида-колясочника. Лесли носком ботинка поковыряла следы на ковре – там, где узкие колесики кресла протерли две светлые полосы на темно-красном плюше.

С другого конца коридора донеслись приглушенные голоса. Варенька свой пару раз повышала, но, очевидно, не смогла переспорить мистера Вудвилла-Джентла, ибо уже через несколько минут вкатила его коляску в гостиную, чтобы он мог поприветствовать нас.

Всегда ожидаешь, что человек в инвалидном кресле будет выглядеть слабым и измученным. И мы поразились, увидев пухлого и розовощекого пожилого джентльмена с радостной улыбкой. По крайней мере, на левой половине лица – справа явно угадывался парез лицевого нерва. Возможно, последствие инсульта, но обе руки, как я заметил, двигались вполне нормально, хотя и заметно тряслись. Ноги до самого пола скрывал клетчатый плед. Вудвилл-Джентл был гладко выбрит, аккуратно подстрижен и, похоже, искренне рад нас видеть.

Последнее, если хотите знать, заполняет очередное поле на нашей «карточке бинго».

– Бог ты мой! – воскликнул он. – Это же надо – копы!

Заметив, что Лесли в маске, он нарочито внимательно взгляделся ей в лицо.

– Вам не кажется, юная леди, что вы слишком буквально понимаете термин «работа под прикрытием»? Может быть, хотите чаю? В плане чая на Вареньку можно положиться. При условии, что вы любите пить его с лимоном.

– О, я бы как раз хлебнул чайку, – сказал я. Если Вудвилл-Джентл решил изображать вальяжного представителя высшего общества, то мне отнюдь не слабо прикинуться копом из низов.

– Садитесь, садитесь! – Он махнул рукой в ту сторону обеденного стола, где стояла пара стульев. Сам же объехал его с другой стороны и устроился прямо напротив нас, сцепив пальцы в замок, чтоб не дрожали.

– Ну а теперь будьте добры объяснить, чего ради ворвались в мой дом.

– Не знаю, известно ли вам, мистер Вудвилл-Джентл, что Дэвид Фейбер недавно пропал, но мы как раз ведем расследование и занимаемся его розыском, – сказал я.

– Не припомню, чтобы когда-либо слышал это имя, – покачал головой старик. – Он чем-то известен?

Я открыл блокнот и стал листать, вроде как сверяясь с данными.

– Он учился Оксфорде, в колледже Магдалины, с 1956 года по 1959-й. Тогда же, когда и вы.

– Не совсем так, – ответил Вудвилл-Джентл. – Я учился там с 1957 года и, хотя память у меня уже не та, могу сказать наверняка, что фамилию Фейбер не забыл бы. А фотографии у вас нет?

Лесли достала из внутреннего кармана куртки цветную фотографию, явный репринт со старой черно-белой. На ней был молодой человек в твидовом пиджаке и со стрижкой, модной в пятидесятые годы. Он стоял возле какой-то кирпичной стены, увитой плющом.

– Узнаете? – спросила Лесли.

Вудвилл-Джентл близоруко сощурился на фото.

– Боюсь, что нет, – покачал он головой.

Я бы сильно удивился, если бы он сказал «да», – учитывая тот факт, что мы с Лесли распечатали ее с одной из страниц шведской соцсети. Дэвида Фейбера мы придумали сами, а шведа выбрали, чтобы никто из клуба его уж точно не узнал. Все это был предлог, чтобы разузнать, как поживают бывшие Крокодильчики, причем если кто-то из них практикует магию, то не должен заподозрить, что мы ищем его.

– По нашим данным, вы с ним состояли в одном общественном клубе. – Я снова «сверился» с блокнотом: – Он назывался «Крокодильчики».

– В обеденном клубе, – поправил меня Вудвилл-Джентл.

– Простите?

– Такие клубы назывались обеденными, – сказал он, – а не общественными. В них вступали, просто чтобы есть и пить сверх всякой меры, хотя, должен сказать, мы и благотворительностью там занимались, и еще всяким разным.

Варенька принесла чай. Действительно по-русски: черный, с лимоном и в стеклянных стаканах. Поставила на стол и встала позади нас с Лесли, так, чтоб мы не могли видеть ее, не поворачиваясь. Это наш, полицейский прием, и мы очень не любим, когда его используют против нас.

– Увы, боюсь, в доме совсем нет ни печенья, ни кексов, – вздохнул Вудвилл-Джентл. – Доктор запрещает. А то я, если захочу найти вкусненькое, которое мне нельзя, могу быть очень изобретательным и подвижным.

Я молча прихлебывал чай, а Лесли задавала гостеприимному хозяину стандартные вопросы. Он припомнил имена нескольких сокурсников, которые тоже состояли в клубе. И еще нескольких, которые могли, по его мнению, там состоять. Большинство этих имен уже были у нас в списке, но всегда полезно, когда твои данные подтверждает свидетель. Было еще несколько студенток, их он упомянул как «непостоянных участниц» – тоже дело.

Спустя еще пять минут я сказал, что слышал, будто из этой башни открывается великолепный вид на город. Вудвилл-Джентл велел чувствовать себя как дома, а Варенька показала, как открывается балконная дверь. Поднимаясь со стула, я как бы непроизвольно хлопнул себя по нагрудному карману. Там лежал коробок спичек – на

всякий случай, чтобы ни у кого не осталось сомнений, что я иду покурить. Это тоже входило в хитрый план Лесли.

Вид и правда впечатлял. Облокотившись на балконное ограждение, я устремил взгляд на юг. На собор Святого Павла и дальше, за реку, на Элефант энд Касл, где высотка, нежно именуемая лондонцами «Электробритвой», соперничает в оригинальности с детищем Штромберга, бездарной одой бетону и нищете – Скайгарден Тауэром. А за всем этим, несмотря на низкую облачность, сияли огни Лондона аж до самой гряды холмов Норт Даунс. Развернувшись направо, я увидел остроконечные готические шпили Парламента: уменьшенные расстоянием, они вписывались в кольцо Лондонского глаза, а под ними шумел неугомный центр. Все его улицы пестрели рождественскими украшениями, еще более яркими на фоне свежесвыпавшего снега. Я мог бы еще несколько часов так стоять, но боялся отморозить задницу, а кроме того, должен был разнюхать, что здесь к чему.

Балкон имел форму буквы Г. Длинная сторона располагалась вдоль гостиной, видимо, чтобы летом можно было греться на солнышке, попивая чай, а короткая, не сильно меньше, но гораздо уже, шла по ширине квартиры. Благодаря риэлтору, на сайте которого был поэтажный план здания, мы знали, что все комнаты, кроме ванных и кухни, имеют выход на балкон. А благодаря полицейскому опыту – что люди, живущие на тридцатом этаже, вряд ли запирают балконные двери. В ширину балкон не дотягивал даже до трети метра. Ограда высотой была по пояс, и все равно я почувствовал себя как-то нехорошо, засмотревшись налево и вниз. Рассудив, что спальня сиделки – меньшая из двух, я двинулся в конец балкона, к очередному запасному выходу в форме гермолюка. Затем, натянув перчатки, толкнул створки окна. Они распахнулись легко и беззвучно, что было мне на руку. Я шагнул через порог.

Открытая дверь вела из спальни в коридор, но свет там не горел, поэтому в самой комнате невозможно было ничего разглядеть. А я и не за этим пришел. Воздух был спертый, пахло больничной палатой и немного тальковым порошком. А еще, как ни странно, духами «Шанель номер пять». Глубоко вдохнув, я постарался ощутить *вестигий*.

Тщетно – никаких *вестигиев* тут не было, по крайней мере явных.

Я, конечно, отнюдь не так опытен, как Найтингейл, и все же готов был поспорить, что в этой квартире за всю ее историю не происходило ничего магического.

Досадно. Я стал медленно, осторожно продвигаться вперед, к двери в коридор. Наконец выглянул из нее, встав так, чтобы видеть вход в гостиную и какую-то ее часть. Лесли продолжала расспрашивать Вудвилл-Джентла. Ей, оказывается, удалось полностью завладеть его вниманием – старик даже чуть подался вперед, с интересом рассматривая... ее лицо без маски, с изумлением понял я. Варенька тоже смотрела как зачарованная. Я не расслышал, что она спросила, но увидел, как изуродованные губы Лесли шевельнулись, произнося ответ. Она по дороге сюда шутила – мол, придется снять маску, если не будет другого варианта их отвлечь, но я не верил, что она реально это сделает. Вудвилл-Джентл медленно, осторожно протянул руку, намереваясь коснуться щеки Лесли, но она резко отстранилась и тут же надвинула маску на лицо.

Вдруг я заметил, что Варенька, которая держалась чуть в стороне, тоже глядя на Лесли, обернулась и смотрит теперь на коридор. На дверь хозяйской спальни. Я стоял в тени, к тому же совершенно неподвижно. И был полностью уверен, что, если не буду шевелиться, она меня не заметит.

Вот она повернула голову, что-то сказать своему подопечному, и я молниеносно шагнул назад в комнату, за предел ее видимости. Один – ноль в пользу храброго ниндзя из Кентиш-тауна!

– Видишь, чем я жертвую ради тебя, – сказала Лесли, когда мы спускались на лифте. Она имела в виду маску, которую сняла. – Оно хоть того стоило?

– Ничего я там не почувствовал, – сознался я.

– Интересно, почему его хватил инсульт, – задумчиво протянула Лесли.

Инсульт, повлекший за собой паралич, – одно из возможных последствий магической практики. Последствий этих бывает великое множество, и все они весьма впечатляют.

– Понимаешь, когда кучка мажоров начинает изучать магию, рано или поздно кто-нибудь из них нарушит технику безопасности. Наверно, надо попросить доктора Валида собрать статистику по инсультам и тому подобному в рамках нашего круга подозреваемых.

– Как же ты любишь возиться с бумажками.

Двери лифта открылись, и мы пошли искать нашу машину на выстуженной парковке.

– А тебе, Питер, лишь бы побегать. Твой любимый способ ловить преступников.

Я рассмеялся, и она двинула меня кулаком в плечо.

– Чего ржешь?

– Мне правда тебя очень доставало, пока ты болела, – признался я.

– Хм, – сказала она и всю дорогу до Безумства хранила молчание.

В особняке нас не удивило ни отсутствие Найтингейла, ни то, что Молли, поджидая его, расхаживала по атриуму. Я направился в малую столовую, где Молли накрыла стол на двоих в надежде, что Найтингейл вернется. Тоби прыгал вокруг и путался у меня под ногами. В камине столовой горел огонь – впервые с того дня, как я тут поселился. Я вышел обратно, на маленький внутренний балкон, и увидел, как Лесли поднимается по лестнице к себе в комнату.

– Лесли! – окликнул я ее. – Погоди-ка!

Она обернулась. Лицо, как всегда, скрывала грязно-розовая маска.

– Поужинай со мной. Ты ведь тоже голодная, а мне одному много, потом все равно придется половину выкидывать.

Лесли глянула вверх, на свою дверь. Потом снова на меня. Я понимал, что кожа у нее под маской чешется и что ей, наверно, до смерти охота как можно скорее закрыться у себя и снять ненавистную штуквину.

– Я видел твое лицо, – сказал я, – и Молли тоже видела. А Тоби вообще все пофиг, покуда есть сосиски.

Тоби согласно твякнул.

– Так что снимай эту хрень и пошли. Терпеть не могу есть один.

– Окей, – кивнула Лесли и двинулась вверх по лестнице.

– Куда? – возмутился я.

– Кремом намажусь, дурачок, – отозвалась она.

Я глянул на Тоби – тот увлеченно скреб лапой за ухом.

– Смотри-ка, кто будет с нами ужинать! – сказал я ему.

Должно быть, Молли в какой-то момент обиделась, что мы так часто заказываем в техкаморку доставку еды, и с тех пор увлеклась

экспериментами. Но сегодня, видно, решила от них отдохнуть и вернулась к классике. К самой что ни на есть старой и доброй Англии.

– У нас сегодня оленина в сидре, – объявил я. – Всю ночь мариновалась. Сам видел – зашел вчера вечером в кухню чего-нибудь зажевать, и алкогольные пары чуть дух из меня не вышибли.

На гарнир Молли подала жареную картошку с грибами, кресс-салатом и зеленой фасолью. Все это красиво лежало в большой форме для запекания. Оленина же представляла собой порционные стейки, чему лично я был очень рад. Ведь Молли, задавшись целью готовить традиционное, может дойти и до «сладкого мяса»^[18], а это, должен сказать, не совсем то, что вы себе представляете. Посмотрев на парутройку автоаварий со смертельным исходом, начинаешь прохладнее относиться к блюдам из субпродуктов. Даже странно, что я до сих пор могу есть кебабы.

Лесли сняла маску, и я замучился отводить взгляд. На лбу у нее блестела испарина, кожа на щеках и обрубке носа была ярко-розовая, воспаленная.

– Я могу нормально жевать только левой стороной, – предупредила она. – Имей в виду, зрелище не ахти.

Оленина, запоздало сообразил я. Вкусно, конечно, но жевать замучаешься. Ну ты молодец, Питер.

– Типа как если ешь спагетти? – спросил я.

– Я ем спагетти так, как это делают итальянцы.

– А, нырнув лицом в тарелку, – понимающе кивнул я. – Просто шик.

Оленина оказалась вовсе не жесткой – напротив, она резалась легко, как сливочное масло. Но Лесли не лукавила: было действительно странно видеть, как она запихивает еду за щеку и жует ее только одной стороной. Словно бурундук, у которого болят зубы.

Она сердито зыркнула на меня, и я ухмыльнулся.

– Ну чего опять? – спросила она, дожевав и проглотив. Шрамы после очередной операции на нижней челюсти все еще были ярко-красные.

– Хорошо, что я снова вижу выражение твоего лица, – пояснил я.

Лесли словно застыла.

– Ну, должен же я как-то определять, издеваешься ты надо мной или нет, – сказал я.

Ее ладонь дернулась к лицу и замерла в воздухе. Лесли скосила на нее глаза, словно не понимая, почему она там оказалась. Рука опустилась, пальцы сжали стакан с водой.

– Просто считай, что я всегда издеваюсь, – предложила она.

Я пожал плечами и решил сменить тему:

– Так что скажешь о нашем отшельнике из башни?

Лесли нахмурилась. Не ожидал, что она в нынешнем состоянии на это способна.

– Любопытный тип, – ответила она. – А сиделка у него какая страшная, да?

– Надо было взять с собой кого-то из Рек, – вздохнул я. – Они могут отличить адепта магии по запаху.

– Seriously? И чем же мы пахнем?

– Я не стал спрашивать.

– Беверли Брук наверняка нравится, как ты пахнешь, – заметила Лесли.

И верно: даже без маски непонятно, издевается или нет.

– Интересно, только Реки обладают этой способностью или вообще все... – Я поймал себя за язык, с которого чуть не сорвалось «волшебные существа». Надо же соблюдать какие-то нормы.

– Твари? – подсказала Лесли. – Или, может, монстры?

– ...все, кто наделен магией, – нашелся я.

– Уж Беверли-то еще как наделена, – сказала Лесли.

Нет, точно издевается.

– А этому можно научиться, как думаешь? – спросила она. – Если мы сможем их чуют, искать будет в разы легче.

Всегда заметно, когда человек выстраивает в сознании *форму*. Это как с *вестигием*: почуять может любой. Штука в том, чтобы распознать, что именно ты почуял. Найтингейл говорит, можно научиться распознавать мага по его *сигнаре*, своего рода «почерку» – индивидуальному характеру магии. Когда Лесли влилась в наши ряды, я провел что-то вроде слепого опыта и понял, что вообще не могу разобрать, кто колдует. А у Найтингейла получилось десять раз из десяти.

– Это приходит с опытом, – сказал он тогда, – нужно тренироваться.

И еще добавил, что может по заклинанию не только определить адепта магии, но и понять, кто его учил. И даже иногда вычислить автора заклинания. Ну уж в это я почти совсем не поверил.

– Я тут придумал один эксперимент, – сказал я. – Чтобы его провести, надо заставить кого-нибудь из Рек сидеть спокойно и принохиваться, в то время как мы по очереди будем колдовать. А Найтингейл пусть проверяет.

– Вряд ли он будет в ближайшее время что-то у нас проверять, – возразила Лесли. – Разве что в библиотеке. Как поживает твоя латынь?

– Да уж получше, чем твоя – *aut viam inveniam, aut faciam*.

Эта фраза означает «Либо найду дорогу, либо проложу ее сам», принадлежит Ганнибалу и очень нравится Найтингейлу.

– *Vincit qui se vincit*, – парировала Лесли. Она питала к латыни столь же нежную любовь, как и я. «Побеждает тот, кто властвует над собой», еще одно любимое высказывание нашего шефа. И девиз главного героя диснеевского мультика «Красавица и чудовище», но этот факт мы от него пока скрываем.

– Надо говорить не «вин-сент», а «вин-кит», – поправил я.

– Ой, не умничай, – отмахнулась Лесли.

Я расплылся в улыбке, и она улыбнулась в ответ. Вроде бы.

Вторник

6. Слоун-сквер

Оперативное подразделение отдела расследования убийств занимает просторное помещение на первом этаже Белгравии. По соседству с одной стороны сидит подразделение обработки сведений, а с другой – аналитический отдел, чей девиз: «Работаем головой так, чтобы другим копам не приходилось». Зал оказался действительно большой, с бледно-голубыми стенами и темно-синим ковролином на полу. Там стояло штук двенадцать столов и множество крутящихся стульев. Некоторые были повернуты спинками друг к другу и стянуты скотчем. В былые времена здесь пахло бы дешевым куревом, а сейчас я сразу уловил знакомый дух полицейского аврала. Не знаю даже, что хуже.

Мне было велено явиться к семи утра на планерку, и я, нарисовавшись без пятнадцати, обнаружил, что буду сидеть за одним столом с Гулид и констеблем Кэри. В отделе расследования убийств около двадцати пяти человек, и к четверти восьмого почти все уже подтянулись. Кто-то шумно прихлебывал кофе, кто-то жаловался на погоду. Я кивнул паре человек, которых помнил по делу Джейсона Данлопа, и мы все расселись (кое-кто даже на столах) в той части зала, где Сивелл пафосно стоял рядом с маркерной доской. Прямо как в телепередаче.

Что ж, иногда мечты и правда становятся реальностью.

Сивелл в общих чертах напомнил нам картину убийства. Стефанопулос вкратце рассказала о жертве, Джеймсе Галлахере, и, указав на фото Закари Палмера, приклеенное скотчем к доске, добавила:

– Исключен из круга подозреваемых.

Я вздрогнул: мне ведь даже *не сказали*, что он туда входил. Да уж, с этими боссами надо держать ухо востро.

– У нас есть записи камер наблюдения над обоими выходами из дома в Кенсингтон-Гарденс, – сказала она. – До нашего приезда Палмер его не покидал.

Она стала перечислять все возможные нити будущего расследования. Какой-то констебль, сидевший с рядом, пробурчал себе

под нос:

– Копать будем до посинения.

Пошел второй день, а у нас до сих пор нет главного подозреваемого. Констебль прав, теперь предстоит рыть во всех направлениях, пока не нароем что-нибудь важное. Если, конечно, нет более простого пути – какой-то сверхъестественной разгадки. А если есть, то это должно стать моим звездным часом. Возможностью проявить себя, заслужить уважение и благодарность...

По морде бы дать себе за такие мысли.

Сивелл тем временем представил нам худощавую белую брюнетку в дорогом костюме с юбкой, хотя и слегка помятом из-за долгой дороги. На поясе у нее висел золотистый металлический значок.

– Спецагент Кимберли Рейнолдс, ФБР, – сказал он, и мы дружно издали многозначительное «ооооо!». Ну не могли удержаться. Ничего хорошего в плане международного сотрудничества это не сулило: теперь все будут вынужденно вести себя нарочито грубо, чтобы скрыть неловкость.

– Отец Джеймса Галлахера – сенатор, и посольство США требует, чтобы агент Рейнолдс получила разрешение следить за ходом расследования в качестве их официального представителя, – сообщил Сивелл. И, кивнув на сержанта за соседним с нами столом, добавил: – А Боб будет курировать вопросы безопасности по данному делу, если они будут касаться сенатора.

Боб приветственно поднял руку, и агент Рейнолдс кивнула в ответ – как-то нервно, на мой взгляд.

– По моей просьбе агент Рейнолдс поделится с нами дополнительной информацией о жертве, – сказал Сивелл.

Говорила она, впрочем, абсолютно спокойно, без всякой нервозности. Произношение, изначально характерное то ли для Юга, то ли для Среднего Запада, изменилось за время работы в ФБР, став более четким и отрывистым. Агент Рейнолдс коротко прошлась по детским годам Джеймса Галлахера: родился в Олбани, был третьим, самым младшим, сыном сенатора штата. Она неспроста так сказала: «член сената» звучало бы гораздо менее значительно. Учился в частной школе, тяготел к изобразительному искусству, поступил в колледж Нью-Йоркского университета. В возрасте семнадцати лет был

единственный раз оштрафован за превышение скорости. За год до выпуска фигурировал в расследовании инцидента с наркотиками: один его приятель перебрал. В целом, по отзывам сокурсников, был приятным, обаятельным парнем, хотя и довольно замкнутым.

Не зная, как еще привлечь к себе внимание, я поднял руку.

– Да, Питер? – заметил меня Сивелл.

По-моему, сзади кто-то хихикнул. А может, это просто подала голос моя паранойя.

– У членов его семьи отмечались психические заболевания? – спросил я.

– По нашим данным, нет, – покачала головой агент Рейнолдс. – Никаких записей к психоаналитику, никаких особых назначений, только обычные рецепты на средства от простуды и гриппа. А у вас есть причины полагать, что его гибель как-то связана с психическим состоянием?

Даже не глядя на Сивелла, я понял, какого ответа он ждет.

– Нет-нет, это так, просто пришло в голову.

Она пристально посмотрела прямо на меня – в первый раз. Глаза у нее были зеленые.

– Идем дальше, – скомандовал Сивелл.

Я как бы невзначай благоразумно переместился подальше, на галерку.

Каждому делу об убийстве, как и вообще любому крупному делу, отдел по борьбе с серьезными преступлениями присваивает специальное кодовое название. Раньше это всегда делал административный ассистент: брал словарь и вычеркивал все слова, какие уже использовали для названий. Но теперь процесс слегка усовершенствовали, дабы в прессу не просачивались ужасы вроде «ТОПЬ81» или «МОЛОДЦЫ». Убийство Уильяма Скермиша проходило под названием «ОПЕРАЦИЯ БИРЮЗА», гибель Джейсона Данлопа значилась как «ОПЕРАЦИЯ КОЛЕСО», и вот теперь печальная кончина Джеймса Галлахера будет навечно занесена в здешний архив как «ОПЕРАЦИЯ СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК». Так себя эпитафия, но, по словам Лесли, это лучше, чем в Штатах. Там любое дело называется «ПОИМКА МЕРЗАВЦА» в том или ином варианте.

Вернувшись, я обнаружил, что за время планерки в зал наверняка пробрались эльфы и оставили на моем пятачке стола две фиолетовые картонные папки. На каждой в верхнем углу был приклеен стикер: дата, «ОПЕРАЦИЯ СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК» и мое имя. А ниже – задание: *узнать происхождение керамической миски из-под фруктов, важность – высокая.* Стикер на второй папке требовал «*выяснить, как часто Джеймс Галлахер посещал Галерею искусств, по необходимости допрашивать свидетелей, важность – высокая.*»

– Первое задание, – заметила Стефанопулос, – наверно, ужасно гордишься.

Она помогла мне залогиниться в систему, что со стороны начальства подозрительно любезно, и разъяснила градацию приоритетности.

– Низкая важность означает, что задание должно быть выполнено в течение недели, – сказала она. – Средняя – что на него отводится пять дней, а высокая – что три.

– Это формально, – кивнул я. – А фактически?

– А фактически – «сегодня», «сейчас» и «мать твою, вчера!».

Я уже выходил из системы, когда ко мне подошла агент Рейнолдс.

– Прошу прощения, констебль Грант, – сказала она, – можно задать вам вопрос?

– Зовите меня Питером.

Она кивнула.

– Констебль, не могли бы вы поделиться соображениями, которые позволяют вам предполагать, что кто-то из родственников погибшего страдал психическими расстройствами?

Я рассказал ей, как нашел в колледже Святого Мартина картины Джеймса с резко изменившейся тематикой. И как заподозрил, что это может быть признаком начальной стадии психического заболевания. Или наркотической зависимости. Или того и другого сразу. Рейнолдс, похоже, не слишком поверила. Наверняка судить было трудно – она избегала смотреть мне в глаза.

– Объективные доказательства есть?

– Есть картины Джеймса Галлахера, показания его преподавателя, справочник по психическим заболеваниям, найденный в доме, а также сосед, который увлекается травкой. Других доказательств нет.

– Значит, нет никаких, – отрезала она. – Вы вообще изучали когда-нибудь расстройства психики?

Я подумал было о своих родителях, но они явно не считаются, поэтому сказал «нет».

– В таком случае лучше не строить безосновательные предположения, – сухо бросила она. Тряхнула головой, словно желая выбросить из нее эту чушь, развернулась и ушла.

– Похоже, – проворчала Стефанопулос, – кое-кто не в курсе, что у нас тут не Канзас.

– Какая-то она злая, а? – заметил я.

– Я уж думала, она сейчас потребует у тебя свидетельство о рождении, – ответила сержант. – Загляни к нам перед уходом, Сивелл просит на пару слов.

Я пообещал зайти.

Когда она ушла, я воспользовался случаем немного понаблюдать за агентом Рейнолдс: она стояла возле кулера и пила из пластикового стаканчика. Вид у нее был усталый и нервный. Я прикинул: полдня она здесь пашет на родное ведомство, стало быть, прилетела ночным рейсом из Вашингтона или Нью-Йорка. И сразу из аэропорта поехала сюда. Немудрено, что так хреново выглядит.

Она поймала мой взгляд. Моргнула, узнала, нахмурилась и отвела глаза.

А я двинулся вниз, узнать, насколько сильно влип.

Логово Сивелла и Стефанопулос располагалось на первом этаже. Рабочее пространство там поделено на четыре части: одна, побольше, – для самого Сивелла, а остальные три – для непосредственных подчиненных. Это всех устраивает: нам, рядовым копам, гораздо спокойнее заниматься своими делами не под наздором начальства. А оно, соответственно, наслаждается внизу тишиной и покоем, зная наверняка, что мы рискнем туда спуститься только по очень срочному делу.

Сивелл ждал меня в своем кабинете, за рабочим столом. С кофе и вроде бы спокойным лицом. Очень подозрительно, подумал я.

– Будешь прорабатывать все, что связано с тем горшком и картинной галереей, раз уж думаешь, что это источник непонятной херни, – сказал старший инспектор, – только чтоб был у нас на глазах,

черт тебя дери! А то привык неотложки с вертолетами крушить – вряд ли тебе сойдет с рук, если что-нибудь еще грохнешь.

– С вертолетом я вообще ни при чем, – возразил я.

– Не строй тут дурачка, парень, – сказал Сивелл. Взял из лотка скрепку и принялся машинально разгибать и сгибать.

– Если хоть что-то разнюхаешь, мигом передаешь информацию мне. В виде отчета, понял? Если будет такое, что нельзя писать в отчете, тогда сообщаем лично мне или Стефанопулос.

– Отец жертвы – сенатор, – напомнила та. – Думаю, нет нужды говорить, как важно, чтобы ни он, ни агент Рейнолдс, ни тем более американская пресса не прознали хоть о чем-то... странном?

Сивелл наконец сломал несчастную скрепку.

– Сегодня утром мне позвонил Комиссар, – сказал он, доставая из лотка еще одну. – И однозначно дал понять: если вдруг журналисты обратят на тебя свой цепкий взгляд, ты должен немедленно вырыть глубокую-глубокую нору, забиться туда и сидеть, твою мать, смиренно, пока мы не скажем, что можно вылезать. Понятно?

– Делать, что говорят, докладывать вам обо всем, не рассказывать ничего американцам и не попадать в объективы, – перечислил я.

– Ну наглец, – покачал головой Сивелл.

– Еще какой, – согласилась Стефанопулос.

Старший инспектор бросил обратно в прозрачный пластиковый лоток сломанную скрепку: будет теперь служить страшным предупреждением остальной канцелярской мелочи.

– Вопросы есть?

– Вы уже закончили с Закари Палмером? – спросил я.

7. Найн Элмс

Закари Палмер мне совсем не обрадовался. Это было странно, если учесть, что я не только вытащил его из-под стражи, но и предложил подбросить до дома.

– С какой стати меня вообще замели? – спросил он по пути.

Я объяснил, что это был не арест и что он в любой момент мог попросить, чтобы его отпустили. Зак, похоже, сильно удивился. Значит, либо не успел стать матерым преступником, либо мозгов не хватило стать даже начинающим.

– Я хотел прибраться в доме, – сказал он. – Чтобы было чисто. Ну, к приезду его родителей.

Вчера вечером снег перестал, и его остатки уже почти исчезли с центральных улиц благодаря трафику. Но в переулках по-прежнему следовало соблюдать осторожность – не в последнюю очередь из-за подростков, которые кидались снежками в проезжающие машины.

– У вас же вроде уборщица есть, – заметил я.

– Ой, да, – ответил Зак, как будто сам только что вспомнил. – Но сегодня она вряд ли придет. И потом, это уборщица Джима, а не моя. Теперь, когда его нет, она вообще, наверно, не придет. А я не хочу, чтобы они, то бишь его родители, думали, будто я лентяй. Хочу, чтобы они знали, что у него был друг.

– Как вы познакомились с Джеймсом Галлахером? – спросил я.

– Зачем ты каждый раз это делаешь?

– Что «это»?

– Называешь его полным именем, – пояснил Зак. Он сидел, уныло опустив плечи. – Ему больше нравилось, когда его называли Джимом.

– Мы в полиции всегда так говорим, – ответил я, – чтобы избежать путаницы и одновременно выразить уважение. Так где вы с ним познакомились?

– С кем?

– С твоим другом Джимми.

– Мы можем заехать куда-нибудь позавтракать?

– А ты, кстати, в курсе, что именно от меня зависит, попадешь ли ты под суд? – солгал я.

Зак рассеянно забарабанил пальцами по боковому стеклу.

– Я был другом друга одного из его друзей, – сказал он через некоторое время. – Мы как-то сразу нашли общий язык. Ему понравилось в Лондоне, но сам он был какой-то нерешительный. Ему нужен был кто-то, кто покажет ему город и будет везде с ним ходить. А мне надо было где-то перекантоваться.

Это соответствовало показаниям, которые он дал Гулид и затем Стефанопулос, – значит, могло оказаться и правдой. Стефанопулос спросила насчет наркотиков, но Зак поклялся жизнью матери, что Джеймс Галлахер не употреблял. Осуждать не осуждал, но самому ему не хотелось.

– Куда ходить? – спросил я, с трудом вписываясь в коварный поворот возле Ноттинг-Хилл Гейт. Опять пошел снег. Не такой сильный, как вчера, но его хватило, чтобы на дорогах снова стало скользко и любая неосторожность могла обернуться аварией.

– По всяким клубам, пабам, – ответил Зак, – ну, там, музеи посмотреть он хотел, галереи картинные. В общем, пошататься по Лондону.

– Это ты показал ему, где купить ту миску, что была у вас на столе?

– Не понимаю, чего она вам так далась. Обычная миска.

Я почему-то не стал объяснять, что миска, возможно, волшебная. Наверно, потому, что не хотел выставлять себя на посмешище.

– В нашей работе мелочей не бывает, – сказал я.

– Я знаю, где он ее купил, – признался Зак, – но, может, сначала позавтракаем?

Портобелло-роуд – длинная узкая улица, которая тянется, изгибаясь, от Ноттинг-Хилла до Вествея и дальше. Со времен свингующих шестидесятых, когда на Лэдброк-Гроув вместе с поп-звездами и кинорежиссерами пришли большие деньги, здесь не прекращается джентрификация. Портобелло-роуд была и остается передовой линией этого фронта. Здешний рынок стоит еще с тех пор, когда к северу отсюда лежали поля, а в речке Каунтерс-крик ловилась рыба. Антикварная же барахолка, которая каждое воскресенье притягивает сюда туристов, открылась только в сороковые, но именно она первым делом приходит на ум всякому, кто слышит название Портобелло-роуд.

Когда в восьмидесятые сытая богема уступила место истинным толстосумам, Портобелло-роуд стала индикатором перемен в жизни общества. Начиная от Ноттинг-Хилла, все небольшие викторианские особнячки прибрали к рукам те, чьи зарплаты измеряются шестизначными числами. Дорогие сетевые магазины возникали там и тут, вытесняя антикварные лавки и ямайские кафе. И только последний оплот старой жизни, муниципальные жилые дома из красного кирпича, еще стоят, как скала, на пути безжалостного потока денег. Они мрачно взирают сверху на дельцов и медиамагнатов и одним своим присутствием снижают стоимость здешнего жилья.

Яркий пример – жилой комплекс Портобелло Корт. Он, словно крепость, защищает перекрестки с Элгин-кресент, а также переход между антикварным и овощным рынками. И держит там оборону, позволяя, как в прежние времена, позавтракать в кафе всего за пять фунтов, взяв двойную порцию сосисок, яичницу, фасоль, тост и картошку. И при этом наблюдать за торговой площадкой лавки, где, как божился Зак, Джеймс Галлахер купил свою керамическую миску. Зак выбрал полный английский завтрак, а я взял омлет с грибами – кстати, неплохой – и чашку чая. На столике кто-то оставил газету «Сан», Зак взял ее, скользнул взглядом по заголовку первой полосы, гласившему «Кишечная палочка в Лондоне – данные подтвердились», и развернул на последней странице. Я же, неотрывно глядя в окно, за которым снег продолжал заметать ту самую площадку, достал телефон и позвонил Лесли.

– Как выяснить, кому принадлежит лавка на Портобелло?

Зак перестал жевать и уставился на меня.

– Звони в обработку данных, – сказала Лесли. – Им как раз платят за ответы на такие идиотские вопросы.

На заднем плане слышался уличный шум.

– Ты где? – спросил я.

– На Гауэр-стрит, – ответила она, – опять надо к доктору.

Пожелав ей удачи, я полез в записную книжку искать телефон отдела обработки данных. И тут Зак протестующе замахал рукой.

– В чем дело? – спросил я.

– Мне надо кое-в чем признаться, – сказал он, – я немного солгал.

– Да неужели?

– На самом деле не этот ларек, а вон тот, – сообщил он, указывая на лавку чуть подальше от нашей. Там продавались кастрюли, горшки, сковородки и всякие хитрые прибабасы для кухни. Причем полчаса назад, когда мы сели завтракать, она еще работала.

– У меня к тебе один философский вопрос, – задумчиво протянул я. – Сознаешь ли ты, что, продолжая врать, сильно подрываешь мое доверие и это может повлечь негативные последствия в будущем? Скажем, минут через пять?

– Неа, – ответил Зак с полным ртом картошки, – я считаю, надо жить сегодняшним днем. Я не муравей, я стрекоза. А что будет через пять минут?

– Я допью чай.

Живя в Лондоне, никак не ожидаешь, что наступит Белое Рождество. Вот и хозяин ларька подготовился к празднику как положено: украсил все внешние стойки мишурой и поставил рядом маленькую пластмассовую елочку с табличкой: «Финальные Рождественские Скидки!» вместо звезды на верхушке. Однако теперь ему приходилось то и дело скидывать снег с навеса, чтобы тот не обвалился. Вот почему он обрадовался мне гораздо больше, чем мог бы. Его не напугало даже мое удостоверение.

– О, здравствуй, брат, здравствуй, – улыбнулся лавочник. – Правосудие, конечно, никогда не дремлет, но сегодня ты ищешь подарок для кого-то особенного, верно?

– Я ищу керамическую миску для фруктов. Вот такую. – Я показал фото на телефоне.

– А, такую, – кивнул торговец, – да, я их помню. Тот, кто мне их продал, сказал, они не бьются.

– И что, правда?

– Не бьются-то? Вроде бы да.

Торговец подышал на ладони, а затем сунул их под мышки, зябко ежась.

– Он сказал, эта посуда сделана по древней технологии, секрет которой хранится в тайне с начала времен. Не знаю уж, как по мне – обычная керамика.

– А кто вам их продал?

– Один из братьев Ноланов, – ответил торговец. – Самый младший – Кевин.

– Кто такие Ноланы?

Лавочник глянул на Зака.

– Заки, сынок, уж ты-то их знаешь, а?

Зак неопределенно дернул головой.

– Нолан и сыновья, торговцы-оптовики, – пояснил лавочник. – Точнее, теперь уже братья Ноланы, отец-то у них умер.

– Местные?

– Нет, приезжие, – ответил он и махнул рукой в южном направлении. – Сейчас обретаются где-то в Ковент-Гардене.

Я сказал спасибо и дал в знак благодарности десятку. Налаживать контакты всегда полезно, а я рассудил так: независимо от того, что мы раскопаем, к Портобелло надо приглядеться попристальней. Интересно, когда Найтингейл последний раз был здесь – уж не в сороковые ли?

– Если я тебе больше не нужен, – напомнил о себе Зак, – то, может, отпустишь?

– Ни в коем случае, – ответил я. – Давай-ка прокатимся до Ковент-Гардена.

Зак понуро опустил плечи.

– И зачем?

Затем, что ты туда не хочешь, мысленно ответил я. А еще потому, что твоя карточка уже заполнена настолько, что впору кричать «бинго!».

– Пошатаешься со мной по Лондону.

Новый Ковент-Гарден находится там, куда переместился старый, когда из главного зеленого и цветочного рынка Лондона превратился в красиво отделанную ловушку для туристов с довеском в виде оперного театра. Это на противоположном берегу, около Найн-Элмслейн, так что я выбрал для переправы Челси-бридж – меньшее из двух зол, ибо на Воксхолл-бридж утром рискуют соваться только те, кто либо совсем не знает города, либо работает в МИ-6^[19].

Тяжелые снеговые тучи нависли над рекой, из-за чего она казалась свинцово-серой. Проезжая по мосту, я обратил внимание, что кирпичный монолит электростанции Баттерси постепенно начинают окружать вагончики-бытовки. Весь этот район, включая рынок, обречен в ближайшие годы полностью потерять свой облик в

результате перепланировки городского ландшафта. И я подозревал, что в новой планировке будет господствовать архитектура в стиле «пачки пластиковых контейнеров для еды», который и так уже в изобилии встречается на обоих берегах Темзы.

Свернув с Найн Элмс, я проехал по подъездной дороге и остановился возле шлагбаума. И даже выложил установленную плату за въезд, иначе пришлось бы показывать удостоверение. А этого делать не стоило, чтобы никто никого не успел обо мне предупредить. Соответствующий мудрый совет поступил вместе с «кратким отчетом» из отдела обработки данных. За час, который я потратил на дорогу сюда, эти ребята умудрились собрать исчерпывающую информацию о «Нолане и сыновьях». Подъездная дорога ныряла под железнодорожный мост, и я, следуя указателям, въехал на территорию самого рынка. Он строился в шестидесятые, и здания внешне представляли собой увеличенную копию настоящей аркады Ковент-Гардена, только до отвратности практичную, из бетона и шлакоблоков. Теперь основная часть рынка – это два ряда сводчатых арок, в каждой из которых прячется магазин. В передней части каждой такой арки торговцы выставляют свой товар, а сзади есть разгрузочная зона для транспорта. Думаю, в рабочие часы рынок действительно впечатляет, но поскольку он зеленой, то закрывается в семь утра. Когда я доехал, все навесы были уже опущены и разгрузочные площадки толстым слоем покрывал свежий пушистый снег. Но, к счастью, Нолан и сыновья держали свою лавку не в основных рядах, а в небольшой аркаде рядом с железнодорожными путями. Их навес был поднят, а снаружи стоял выдавший виды микроавтобус «Форд Транзит». Над входом виднелась надпись: «Нолан и сыновья», и она же украшала бок «Форда», правда, там краска уже потускнела и облупилась.

– Вот жадные ублюдки, – проворчал Зак, – отец двадцать лет как помер, а они все вывеску никак не поменяют!

Я припарковался за три арки от Ноланов, там, где рельсы проходили по мосту. Оттуда можно было наблюдать за лавкой, не опасаясь, что лобовое стекло залепит снегом.

Я спросил Зака, почему он не хотел сюда ехать.

– Я в том году попал в один переплет... и теперь мне сюда нельзя.

– Но ты же со мной, – напомнил я, – а я из полиции. Считай это официальным визитом.

– Ха! – бросил он. – Из полиции! Ну и дальше что? Извини, приятель, но ни фига вы там у себя в полиции не знаете, что происходит на самом деле.

– Серьезно? И что же происходит на самом деле?

– То, во что вы никогда не поверите, – ответил Зак.

– Это кто такой? – спросил я про тощего парня в синей толстовке, который вышел из лавки и побежал, то и дело спотыкаясь, в сторону основных рядов.

В такую погоду в одной толстовке на улицу выходят только те, у кого желание пофорсить возобладало над здравым смыслом. А он еще и худой, кожа да кости, – наверняка совсем задубел.

– А это и есть Кевин, – ответил Зак. – Он малость туповат.

– Так во что я никогда не поверю? – вернулся я к предыдущему вопросу.

– Может, замнем эту тему?

– Ты же сам начал.

– Скажем так, есть многое на свете, что и не снилось нашим мудрецам, – сообщил Зак и добавил: – Это Шекспир сказал, если что.

– Уж не пришельцев ли ты имеешь в виду?

– Не пори ерунды. Но вот единорога в лесу Эппинг я видел.

– Когда?

– Давно, еще подростком, – сказал Зак задумчиво, словно и правда вспомнив. – А еще я знаю точку на одном чердаке, там самое лучшее пиво и самые клевые пиратские диски с комедиями по эту сторону от Гудзона. И знаю одну девицу, она живет на канале в Маленькой Венеции и выращивает коку под водой.

– Да ну? Может, все-таки водоросли? – переспросил я, а про себя подумал: для простого лондонского проныры этот Зак действительно многовато знает. Однако не собирался давать ему понять, что я это просек. Золотое правило полицейского: ты должен знать больше, чем все подозреваемые, свидетели и старшие офицеры до суперинтенданта включительно.

– Нет, волшебную траву, – сказал Зак. – Как-то я взял пакетик на продажу, но в итоге сам выкурил.

У него как будто вылетело из головы, что он разговаривает с копом. По моим наблюдениям, с белыми парнями такое бывает. И временами сильно облегчает работу.

Кевин Нолан шел обратно к лавке, таща за собой пару мешков с мусором. Он свалил их позади грузовичка, потом снял со стеллажа несколько деревянных ящиков, в которые стал высыпать содержимое мешков, вроде бы какую-то зелень. Делал он это нарочито небрежно и с очень хмурым видом, как ребенок, которого заставили убираться у себя в комнате.

– Как по-твоему, что это у него? – спросил я.

– Остатки товара, – ответил Зак, – можно очень дешево закупиться, если подождать до конца дня и не сильно привередничать.

Опустошив мешки, Кевин принялся загружать ящики в кузов «Форда». Гоняться за ним по городу в такую погоду мне совсем не хотелось, а потому я вышел из машины.

– Сиди тут и жди меня, – велел я Заку.

– Поверь, – сказал он, – у меня нет никакого желания выходить.

У полицейского есть множество способов обращения к гражданину. Они варьируются от ненавязчивого приглашения к беседе до превентивного удара по голове телескопической дубинкой. Я выбрал манеру бесцеремонную и властную: на таких хлюпиков, как Кевин, это всегда действует безотказно.

Расправив плечи, я подошел к Кевину, держа удостоверение в вытянутой руке.

– Кевин Нолан, – сказал я, – можно вас на минутку?

Сработало идеально. Он как раз доставал очередной ящик и, осознав, что перед ним полицейский, испуганно дернулся и прямо забегал глазами вправо-влево, словно собираясь драпануть. Потом взял себя в руки и угрюмо набычился – тоже вполне предсказуемо.

– Слушаю.

– Не надо так нервничать, – сказал я, – я не стану вас штрафовать за неправильную парковку.

Крякнув, он загрузил ящик, который держал, в машину.

– А тогда в чем дело?

Я спросил его о керамической миске, которую он вроде бы продал хозяину ларька на Портобелло-роуд.

– Глиняная миска? – переспросил он. – Типа некрашенная?

Я ответил, что да, она самая.

– А что с ней не так? – спросил Кевин. Он сунул палец в ухо и несколько раз провернул. Мне показалось, верхняя часть черепа у него

сейчас откроется, как крышка.

– Где вы ее взяли?

– Не знаю, – сказал он. – Не надо на меня так смотреть. Ну не помню я, честно! Купил в пабе у какого-то чувака. С пьяных глаз, не иначе. Еле сбагрил потом.

– Слушайте, меня не волнует ее провенанс.

– Ее что?

– Провенанс. То есть краденая она или нет.

– Краденая? Да кому она нужна, это ж фуфло.

Я попросил сообщить, если к нему в руки попадет еще что-то подобное, и дал свою визитку. Он не стал демонстративно выкидывать ее у меня на глазах, и это слегка обнадеживало. Когда я сел обратно в машину, Зак поинтересовался, узнал ли я, что хотел.

Включив мотор и пытаюсь вспомнить, где здесь выезд, я вслух пожаловался, что расследование не двигается с мертвой точки.

– А я не знаю, чего вам так далась эта миска, – пожал плечами Зак. – Это ж даже не предмет искусства. И цветом так себе.

И вот тут я вспомнил, что у Джеймса Галлахера на каминной полке видел статуэтку. И она была такого же тусклого рыжеватокоричневого цвета, что и миска. Я, конечно, не сильно разбираюсь в викторианских цацках, однако, на мой взгляд, тогдашние статуэтки все-таки выглядят иначе.

– А фигурку на камине Джеймс купил вместе с миской? – спросил я.

– Не знаю, – ответил Зак после долгой паузы.

То есть «да, но не хочу говорить». Это могло означать, что Зак знает о связи между миской и статуэткой – либо что он просто не умеет врать, когда его спрашивают в лоб. И то и другое вполне вероятно.

– Ладно, – вздохнул я, – подброшу тебя до дома.

– С чего бы это? – недоверчиво спросил Зак.

– Трансфер включен в пакет услуг, сэр.

8. Саутворк

В полиции дела делаются так: из пункта А едешь в пункт Б, где выясняешь нечто такое, что заставляет тебя ехать обратно в пункт А, задавать вопросы, которые не задал сразу, потому что не знал, что это важно. А если совсем не повезет, то в оба конца ты потащишься во время сильнейшего снегопада за всю историю метеонаблюдений в компании Закари Палмера, который будет давать ценные советы по вождению.

Барахолка на Портобелло-роуд из последних сил сопротивлялась стихии. Половина ларьков была закрыта, а хозяева тех, что работали, притопывали ногами и стучали зубами от холода. Одно хорошо: по дороге к бывшим конюшням Кенсингтон Парк Гарденс проехало сегодня столько служебных машин, что снега там совсем не осталось.

Фигурка стояла именно там, где я ее видел, – на камине в гостиной. Ее обработали дактилоскопическим порошком, но не сочли нужным забирать. А домработница по имени Соня все-таки пришла. Она оказалась итальянкой и была занята: под бдительным взглядом констебля Гулид ликвидировала раздраз, оставшийся после толпы криминалистов.

– Вообще-то мы не обязаны этим заниматься, – проворчала Гулид.

Это правда: даже офицеры по связям с родственниками не обязаны контролировать уборку дома, куда вот-вот придут эти самые родственники, убитые горем. Хотя, наверно, для семьи американского сенатора сделали исключение.

– Ее допрашивали? – спросил я.

– Конечно, нет, – фыркнула констебль. – Мы же не умеем работать, вот и забыли расспросить ее о перемещениях жертвы.

Я очень нехорошо на нее посмотрел. Она вздохнула и сказала:

– Ладно, извини. Из аэропорта звонил его отец. По-моему, он совсем плох.

– Тяжко было, да?

Зак тем временем рылся по кухонным шкафам – искал, чего бы пожевать. Гулид, кивнув на него, сказала:

– Вряд ли твоему приятелю понравится, если сенатор застанет его здесь.

– А это уже не моя забота, – ответил я.

– Ну конечно! Сбагрил его мне и рад? – возмутилась она. – Можешь забирать свою статуэтку.

– Это очень необычная статуэтка, – заметил я.

На самом деле ничего необычного в ней не было. По крайней мере, внешне. Вечная классика: Венера-Афродита, смущенная вниманием скульптора, одной рукой прикрывает грудь, а другой поддерживает ткань, обернутую вокруг бедер. Сюжет, любимый ценителями искусства в те далекие унылые дни, когда еще не придумали интернет и порнографию. Высотой она была всего-то сантиметров двадцать.

Лишь когда я взял фигурку в руки, стало ясно, что не только материал тот же самый, но и магия тоже немного чувствуется. Не так сильно, как от миски, но если б речь шла об уровне радиоактивности, мой счетчик Гейгера уже зашкалил бы.

Интересно, подумал я, чувствовал ли это Джеймс Галлахер? Мог ли он все же заниматься магией? Найтингейл говорил, в Америке была собственная магическая традиция, и даже не одна, но он полагает, вся тамошняя магия после Второй мировой тоже угасла. Однако он мог и ошибаться: до сих пор его осведомленность по этому вопросу оставляла желать лучшего.

Соня приехала в Лондон из деревеньки рядом с Бриндизи. Она сказала, что хорошо помнит эту статуэтку. Джеймс купил ее у кого-то неподалеку отсюда. Я спросил, имеет ли она в виду рынок Портобелло. Оказалось, нет – он ее купил на частном аукционе в доме на Повис-сквер. Я переспросил, не путает ли она чего.

– Конечно, нет, – ответила Соня, – он спрашивал меня, как туда проехать.

Повис-сквер – типичная поздневикторианская площадь. Прямоугольник, где разбит небольшой парк, а по периметру стоят таунхаусы. Сегодня снег бесформенным белым одеялом лежал на клумбах, полностью их скрывая. Из-за тяжелых туч темнеть начало еще раньше, чем обычно. Я припарковался на углу с западной стороны, вышел и стал считать дома, пока не добрался до двадцать пятого.

Фасад дома скрывали леса – основательные такие, с навесами из полиэтилена, чтобы не сыпалась пыль и строительный мусор. Это означало, что большие деньги поглотили еще один старинный особняк. Раньше сначала выносили первые этажи, но нынче у богачей в моде ломать сразу все внутри.

Учитывая снегопад, было странно, что из-под навесов на лесах пробивался свет. Там даже кто-то переговаривался на польском или румынском. На каком-то восточноевропейском, в общем. Наверно, подумал я, у них на родине это не считается за непогоду.

Пройдя под лесами, я поднялся по ступенькам к парадной двери. За ней обнаружился узкий коридор, уже местами разрушенный. На мои шаги обернулся мужчина в каске, рабочем комбинезоне и с планшетом в руках. Под комбинезоном у него был толстый черный свитер с широким воротом, а на запястье – многофункциональные электронные часы. Из тех, что носят люди, которые регулярно ныряют в море с самолета с аквалангом. Ну или, по крайней мере, искренне мечтают об этом.

Должно быть, проектировщик, подумал я.

– Я могу вам помочь? – спросил он таким тоном, словно сомневался в утвердительном ответе.

– Меня зовут Питер Грант, я из полиции.

– Правда? – явно обрадовался он. – Так чем вам помочь?

Я сказал, что мы проверяем сообщение о «нарушениях общественного порядка» по этому адресу, и спросил, не замечал ли он чего-нибудь такого.

Проектировщик, а это и правда был он, спросил, когда произошли эти самые «нарушения». И облегченно улыбнулся, когда я сказал, что на прошлой неделе.

– Тогда это не мы, офицер, – покачал он головой, – на прошлой неделе тут никого не было.

Значит, работают они чертовски быстро, судя по тому, какие возвели леса и как успели разнести все внутри. Я сказал это вслух, но инженер в ответ только усмехнулся:

– Да если бы! Мы с марта тут торчим. А на прошлой неделе вообще не работали. Ждали мрамор – белый, Каррару, а его взяли и не привезли. А без мрамора что прикажете делать?

Делать было нечего, и он распустил на неделю свой объединенный корпус поляков, румын и хорватов.

– Но плату не стал удерживать, – добавил он, – я же не изверг какой.

– И не было признаков, что сюда кто-то вламывался за это время?

Нет, ничего такого он не заметил и запросто разрешил побеседовать с рабочими. Так я и сделал, невзирая на языковой барьер. Рабочие ничем не могли мне помочь, и только один сказал, что вроде бы какие-то вещи здесь стояли не так, как они оставили. Я спросил, хорошо ли они отдохнули, и выяснил, что каждый нашел себе подработку на эту неделю.

Перед уходом я попросил разрешения осмотреть дом, и главный сказал, чтобы я не стеснялся. Первые два этажа лежали в руинах. Я видел остатки гипсовой лепнины там, где раньше был потолок. Грязная линия кирпичной кладки смотрелась как отметка уровня прилива. Я прошел к центру здания, и тут вдруг меня накрыла волна ощущений. Обрывок мелодии на замученном пианино в пабе: «Давай выкатывай бочонок, выше коленки, мамаша Браун, сегодня пляшем до упаду»^[20]. Запахи пороха и масла пачули и тихое щелк-щелк-щелк старинного кинопроектора.

Это был *вестигий*. Даже не просто *вестигий*, а почти лакуна – очаг остаточной магии. Или, как говорит Лесли, чувство, когда кто-то ходит по твоей могиле. Здесь явно вершилась магия. Либо совсем недавно, либо какое-то время назад, но очень мощная.

Выйдя из дома, я по-быстрому заглянул в таунхаусы справа и слева от него. Большинство соседей не заметили ничего странного, только один вспомнил, что как будто слышал фортепьяно позапрошлым вечером. Я спросил, что за музыка это была.

– Что-то старое, – ответил сосед – белокожий, худой и нервный. Все богачи в таких ситуациях нервничают. – Похоже на кабаре. Да, вспомнил – там вроде даже кто-то пел.

Я написал в блокноте «есть свидетельства, что неизвестный (неизвестные) проникли в здание неделю назад». Это можно было смело включать в отчет, в отличие от «повышенного фона магической активности». Потом вернулся в машину, завел мотор и принялся составлять черновую версию. Это нужно делать по возможности сразу,

чтобы в голове не перемешалось то, что надо написать, и то, как в действительности обстоят дела.

Я как раз описывал статуэтку, одновременно пытаюсь вспомнить, куда записал присвоенный ей код, когда в кармане зазвонил телефон. Номер был скрыт.

– Констебль Грант? – раздался в трубке мужской голос.

– Он самый, – сказал я. – А кто это?

– Саймон Киттредж, АТГ. Куратор агента Рейнолдс.

АТГ – это пятнадцатый отдел, антитеррористическая группа. Но, вопреки названию, они в столичной полиции отвечают за контакты с агентами иностранных спецслужб. В том числе прикрепляют опытных кураторов к дружественным зарубежным «обозревателям», чтобы те не обозрели случайно чего-нибудь, что может им не понравиться. Я понятия не имел, зачем этот Киттредж мне звонит, но понимал, что хорошего ждать не приходится.

– Чем могу помочь? – спросил я.

– Мне нужно узнать, связывалась ли с вами в последнее время агент Рейнолдс.

Уж если он начал обзванивать всех подряд, это могло означать только одно: агент Рейнолдс от него смылась.

– А зачем бы ей со мной связываться?

Последовала солидная пауза: Киттреджа снедало желание отыскать строптивую американку и досада, что приходится просить у меня помощи.

– Она спрашивала о вас, – наконец ответил он.

– Неужели? А она как-то объяснила свой интерес?

– Нет, – признался Киттредж, – но она уже выяснила, что в отделе убийств вы не числитесь.

Ничего себе. Только с самолета – и уже знает такие подробности.

– Как действовать, если она со мной свяжется? – спросил я.

– Сразу же звоните мне, – ответил Киттредж и продиктовал свой телефон. – И заговаривайте ей зубы, пока я не подъеду.

– Хорошо, – пообещал я, – это я умею.

– Да, мне говорили, – сказал он и положил трубку.

Говорили ему... Интересно, кто?

Глянув на часы, я понял, что настало время приобщиться к культуре.

Итак, на очереди пункт В, то есть Саутворк. В прежние времена здесь располагались медвежьи ямы, потом бордели, потом Елизаветинский театр, а нынче эстафету приняла галерея «Тейт Модерн». Изначально это было здание мазутной электростанции, которое спроектировал тот же странный тип, что придумал известную на весь мир красную телефонную будку. Одно из последних монументальных строений красного кирпича, возведенных до того, как архитекторы-модернисты сменили веру и стали возжигать свой огонь на бетонном алтаре брутализма. В восьмидесятые годы власти закрыли электростанцию и оставили в покое, рассчитывая, что она развалится сама. Когда стало ясно, что проклятущая громадина построена на века, в ней решили разместить коллекцию современного искусства галереи «Тейт».

Припарковавшись поближе к главному входу, я медленно, увязая в снегу по самые лодыжки, поплелся по дорожке, ведущей от здания к Темзе. На другом берегу, за мостом Миллениум, красиво подсвеченный собор Святого Павла возвышался над красно-белым нагромождением бывших складов, царапая шпилем тяжелые тучи. По мосту бежали два человека, издалека они казались маленькими, как на картинах Лоури.

Главная труба электростанции – стометровый кирпичный монолит, в основании которого расположены два центральных входа, по одному с каждой стороны. Дорожку к зданию явно чистили, но ее уже снова начинало заметать. На свежем снегу было много следов: очевидно, не только Джеймс Галлахер обладал буклетом о выставке и тягой к прекрасному.

Если снаружи зуб на зуб не попадал, то внутри было просто прохладно и тающий снег растекался лужами по полу. Перед входом в зал повесили веревочный барьер, и благообразный охранник пропустил меня, даже не спросив приглашения. Они тут, видно, радовались, что вообще кто-то пришел.

Болезненно худая белая девушка в коротеньком шерстяном ярко-розовом платье и такой же меховой шапочке встретила меня милой улыбкой и приветственным бокалом вина.

Бокал я взял, а улыбку проигнорировал: следовало быть серьезным – как-никак при исполнении. Стал рассматривать

посетителей. Мужчины в основном были одеты гораздо проще дам. Исключение составляли геи и те, кому одежду покупает вторая половинка. Мой папа не устает повторять, что настоящий стиль ценят только истинные представители рабочего класса вроде него самого. Звучит забавно, если учесть, что всю одежду ему покупает мама. А здесь собралась публика формата «Гардиан» или «Индепендент»: светские манеры, дорогие квартиры, хорошая репутация, дети в частной школе.

Я даже огляделся проверить, не сидит ли где в укромном уголке Леди Тай.

Над комплексом «Тейт Модерн» угрюмо высится главная его часть, турбинный цех бывшей электростанции. По габаритам он не уступит кафедральному собору, и даже самым большим творческим амбициям не бывает здесь тесно. В школе мы как-то приезжали сюда на экскурсию, смотреть гигантский, размером с дирижабль, арт-объект Аниша Капура – что-то вроде хищного растения. Эта штука занимала весь бывший цех, от края до края. Райану Кэрроллу так много места не требовалось, но промежуточный этаж над центральной частью зала ему выделили.

Толпа мешала как следует разглядеть экспонаты, пришлось подойти ближе.

Это были обычные магазинные манекены, только в их пластиковые тела было впаяно что-то типа деталей паровых механизмов. Тела корчились от боли, а лиц и вовсе не было: автор начисто стесал их резцом. Это зрелище неприятно напоминало маску Лесли. Или голову Безликого. У каждого на груди крепилась медная табличка с одним-единственным словом. На одной – «Промышленность», на другой – «Прогресс». Стимпанк для богатых, подумал я. Хотя богатые как-то не очень заинтересовались.

Я стал высматривать девушку с игристым, намереваясь выпить еще бокал, как вдруг почувствовал чей-то взгляд. Глядел, как выяснилось, молодой китаец с копной непослушных черных волос и бородкой, которая раньше была эспаньолкой, но теперь отросла и потеряла всякую форму. На нем был добротный кремовый костюм слегка мешковатого покроя. Мягкий, но так и было задумано. На носу – темные очки с квадратными стеклами. Поняв, что я заметил его взгляд, китаец неуклюже пробрался сквозь толпу и подошел.

– Меня зовут Роберт Шу, – сказал он с канадским акцентом. – Если не возражаете, я хотел бы представить вас моей патронессе.

Он указал на пожилую китайку в дымчато-сером костюме: либо дорожный «Алекс энд Грейс», либо подделка, но такая качественная, что все отличия абсолютно иллюзорны.

– Питер Грант, – представился я и пожал ему руку.

Мы подошли к китайке. При седых волосах и согбенной спине у нее было абсолютно гладкое лицо без единой морщинки и потрясающе яркие зеленые глаза.

– Позвольте представить: моя патронесса, мадам Тенг, – сказал Роберт.

Я согнулся в неловком полупоклоне. Мало того, щелкнул каблуками, как будто недостаточно глупо выглядел.

– Рад знакомству.

Она кивнула, усмехнулась и что-то сказала Роберту по-китайски. Тот, похоже, смутился, но все равно перевел:

– Моя патронесса хотела бы знать, кто вы по профессии.

– Я офицер полиции, – сообщил я.

Мадам Тенг смерила меня недоверчивым взглядом и спросила что-то еще.

– Она интересуется, кто ваш босс, – сказал Роберт. – Ваш истинный босс.

«Истинный» он выделил так, что я сразу понял: речь не о полиции, а о магии.

– У меня много боссов, – ответил я, и мадам Тенг раздраженно хмыкнула, услышав перевод. А я вдруг уловил нечто самым краешком сознания: так бывает во время практики, когда Найтингейл показывает очередную «форму». Так, но не совсем – сейчас я ощутил запах горящей бумаги, он возник и тотчас пропал. Я машинально отпрянул. Мадам Тенг самодовольно улыбнулась.

Чудно, подумал я. То, что надо в конце тяжелого дня. Найтингейл так или иначе захочет узнать, кто это такие, а мы, полицейские, любим заканчивать разговоры, узнав больше, чем сообщив.

И уж если служишь в полиции, то однозначно привык, что тебя считают бесцеремонным грубияном. Ну, значит, и терять нечего.

– Так вы, значит, из Китая? – спросил я.

При слове «Китай» мадам Тенг как-то напряглась. Потом затараторила по-китайски, а Роберт слушал, вымученно улыбаясь. Это продолжалось около минуты.

– Мы из Тайваня, – сказал он, когда его патронесса умолкла. Она сердито зыркнула на него, и он вздохнул.

– Моя патронесса может очень многое об этом сказать. По большей части это мистика и не касается ни вас, ни меня. Поэтому был бы очень благодарен, если бы вы согласились просто кивать время от времени, как будто я объясняю вам сложности тайваньского суверенитета.

Я так и сделал, вопреки желанию не став потирать подбородок с задумчивым «понятно». Потом спросил:

– Что привело вас в Лондон?

– Мы путешествуем, – ответил Роберт. – Были в Нью-Йорке, Париже, Амстердаме. Моя патронесса любит знать, что творится в мире. Это, можно сказать, ее *raison d'être*^[21].

– Тогда вы, получается, кто? Журналисты? Или шпионы?

Одно из этих слов явно было знакомо мадам Тенг – она снова чирикнула что-то сердитое. Роберт виновато пожал плечами.

– Она еще раз спрашивает, кому вы подчиняетесь.

– Найтингейлу он подчиняется, – раздалось у меня за спиной, – тому самому.

Обернувшись, я увидел невысокую коренастую чернокожую женщину в красном платье без бретелек. Достаточно открытым, чтобы сверху обнажать крепкие сильные плечи, а снизу – ноги, способные в туфлях на шпильках пробежать на «золото» олимпийскую стометровку. У нее была очень короткая стрижка, почти под ноль, крупный рот, приплюснутый нос и материнские глаза. На меня обрушился лязг работающих станков, в нос ударили запахи горячего машинного масла и мокрой собачей шерсти. Холода она, похоже, вообще не замечала.

Мадам Тенг поклонилась. Низко и почтительно, как и следует в присутствии богини. Да не какой-нибудь, а богини реки Флит. Роберт поклонился еще ниже, ибо не мог иначе, хотя сам явно не понимал почему.

– Привет, Флит, – улыбнулся я. – Как жизнь?

Не обращая на меня никакого внимания, Флит приветливо кивнула китайке.

– Мадам Тенг! Какая радость снова видеть вас в Лондоне. Вы к нам надолго?

– Мадам Тенг благодарит вас за добрые слова, – перевел Роберт. – И хотя в декабре Лондон – сущий рай, завтра утром она вылетает в Нью-Йорк. Если, конечно, Хитроу не закроют.

– Уверена, если у вас вдруг возникнут какие-то затруднения с вылетом, мы с сестрами готовы оказать вам любую помощь, – медово улыбнулась Флит.

Мадам Тенг бросила еще одну резкую фразу. Роберт достал свою визитку и протянул мне. Я дал ему свою. Он изумленно уставился на герб столичной полиции.

– Полицейский, – сказал он. – Неужели правда?

– Правда, – кивнул я.

Потом была еще одна серия тщательно выверенных поклонов, после чего китайцы удалились. А я взглянул на визитку. Там стояло имя Роберта Шу, номер факса, мобильного телефона, электронный адрес и название должности: *ассистент мадам Тенг*. На оборотной стороне был схематично нарисован традиционный китайский дракон, черный на белом фоне.

– Кто они такие? – спросил я.

– А ты как думаешь?

Вытянув руку, она щелкнула пальцами – и я клянусь, какой-то совершенно незнакомый тип прервал на полуслове разговор со своими спутниками и протолкался через ползала к официантке. Подошел к нам с бокалом белого вина и почтительно вложил его в протянутую руку Флит. А потом как ни в чем не бывало вернулся к друзьям и снова включился в беседу, не обращая внимания на их удивленные взгляды.

Флит пригубила вина и вымученно улыбнулась.

– Только не говори моей маме. Мы не должны выделяться из толпы.

Тут я вдруг понял, что мокрой псиной пахло вовсе не от Флит. Опустив взгляд, я увидел у ее ног собаку, которая как-то умудрилась незаметно сюда просочиться. Это была пятнистая бордер-колли, и она не сводила с меня блестящих глаз. Один был голубой, другой светло-

карий. Псиной-то мокрой пахло, вот только собака оказалась совершенно сухая.

Она решила поиграть со мной в «гипнотические гляделки»: устала тем неподвижным жутковатым взглядом, каким все бордер-колли строят вверенную им скотину. Я ответил «доминирующими гляделками» – мы, полицейские, так смотрим на граждан, когда хотим вызвать в них безотчетное чувство вины. Собака вздернула верхнюю губу, обнажая клыки. Я, в принципе, был близок к тому, чтоб оскалиться в ответ, но Флит скомандовала собаке «лежать», и та подчинилась. Только тут я сообразил, что с собаками, вообще-то, в музей нельзя, однако сказать ничего не успел.

– Это служебный пес, – пояснила Флит.

– Да? И в чем состоит его служба?

– Он предводитель всех моих собак.

– А сколько их у тебя?

– Так много, что я не справляюсь с ними одна, – ответила она и, глотнув еще вина, добавила: – Поэтому нужен предводитель, которого они слушаются.

– Как его зовут?

Флит улыбнулась.

– Зигги, – ответила она.

Надо же, подумал я.

– Будешь звонить мадам Тенг? – спросила богиня.

Не раньше, чем посоветуюсь с Найтингейлом, подумал я, а вслух сказал:

– Не знаю. Посмотрим.

– А что ты здесь-то делаешь?

– Внезапно почувствовал тягу к современному искусству, – ответил я. – А ты?

– У меня завтра вечером эфир на «Радио 4», обзор этой выставки, – сообщила Флит. – Если пропустишь, можешь потом найти на сайте, но ты не ответил на мой вопрос.

– Разве? А мне показалось, ответил.

– Ты на задании?

– Ну не могу я сказать, – покачал я головой. – Допустим, просто хочу слегка расширить свой кругозор.

– Что ж, – улыбнулась Флит, – тогда прогуляйся в дальний конец зала. То, что ты там увидишь, однозначно способствует расширению кругозора.

В дальнем конце зала у голой кирпичной стены размещались всего два экспоната, и народу здесь было ощутимо меньше. Эти экспонаты потрясли меня с первого взгляда. Так перехватывает дыхание при виде прекрасной женщины и изуродованного лица Лесли. Так поражает великолепный закат и зрелище ужасной автокатастрофы. На других посетителей они явно действовали так же: никто не подходил ближе чем на метр, а увидев, все осторожно отступали назад.

Внезапно на меня накатила волна такого ужаса, что захотелось кричать. Словно меня привязали к головному вагону поезда метро, который со страшной скоростью несется по Северной ветке. Неудивительно, что люди инстинктивно отходят подальше. Такого сильного *вестигия* я еще никогда не встречал. В этих экспонатах явно таилась мощнейшая магия.

Я вдохнул-выдохнул, хлебнул вина и только после этого решился рассмотреть манекен вблизи. Точно такой же, как и остальные, только поза другая: руки вытянуты вперед ладонями вверх, словно в молитве. Или, вернее, мольбе. То, что покрывало грудь манекена, сразу узнал бы любой, кто хоть как-то знаком с историей Китая – или игрой «Подземелья и драконы». Это была чешуйчатая броня воина терракотовой армии. Короткий доспех, состоящий из отдельных пластин величиной с игральную карту. Только здесь на каждой пластине было вырезано лицо. Все эти лица были очень схематичные – рот, две точки или щелочки вместо глаз и весьма условный нос – но при этом не повторялись. И на каждом ясно читалось горе и отчаяние. И я чувствовал это отчаяние. А еще – непонятный, необъяснимый ужас.

Худой мужчина лет тридцати, с длинным лицом, коротко стриженными темными волосами и в круглых очках, подошел и встал рядом. Я узнал его, поскольку видел на брошюре, найденной у Джеймса в шкафу. Это был Райан Кэрролл, автор экспозиции. В теплом пальто и перчатках без пальцев – значит, явно не из тех, кто ставит стиль превыше комфорта. Я оценил.

– Вам нравится? – спросил скульптор. С легким ирландским акцентом, который я если бы как-то и определил, то, наверно, как

«дублинский средний класс». И то разве что под дулом пистолета.

– Какой-то ужас, – признался я.

– Еще бы, – кивнул он. – Но мне нравится думать, что еще и жуть крошечная.

– Это уж точно, – сказал я. Кэрролл, похоже, был доволен.

Я представился и протянул ему руку. Он крепко пожал ее испачканными в краске пальцами.

– Вы из полиции? – поднял он бровь. – Пришли по долгу службы?

– Боюсь, да, – кивнул я. – Речь об убийстве студента художественного колледжа. Его звали Джеймс Галлахер.

Никакой реакции.

– Я мог его знать? – спросил скульптор.

– Он был вашим большим поклонником, – ответил я. – А он не пытался с вами пообщаться?

– Как его, еще раз?

– Джеймс Галлахер.

Снова ноль эмоций. Я достал телефон и показал ему фото.

– Нет. Мне жаль.

На этом этапе мы принимаем решение, спрашивать ли про алиби. Уже полвека по телику крутят остросюжетные детективы, и даже самому недалекому гражданину ясно, к чему коп задает вопрос «Где вы были такого-то числа в такое-то время?». Никто не верит в «стандартный опрос свидетелей», даже если это правда. Этот Кэрролл *точно* в чем-то замешан, учитывая, что его скульптуры излучают *вестигии*, равные по мощности сигналу телебашни. Но у меня нет доказательств, что он как-то связан с Джеймсом Галлахером. Я решил: напишу вечером отчет по сегодняшней встрече и пусть Стефанопулос с Сивеллом сами решают, допрашивать Кэрролла или нет. А если им займется кто-то другой из отдела убийств, он забудет про меня и я смогу спокойно копать это дело с магической стороны.

Как же я люблю, когда план действий наконец вырисовывается. Особенно если он подразумевает, что вся рутина достанется не мне.

– Неужели вы их сами смастерили? – спросил я.

– Вот этими вот ручонками.

– В таком случае вы сколотите миллионное состояние.

– Есть такое намерение, – самодовольно ухмыльнулся Райан.

Какая-то блондинка в синем платье энергично замахала ему рукой, а когда он ее заметил, показала на часы.

– Прошу извинить меня, констебль, – сказал он. – Долг зовет.

Кивнув на прощание, он направился к блондинке, которая взяла его под руку и мягко повлекла к толпе поклонников. По пути она то поправляла ему воротничок рубашки, то одергивала пиджак. Его агент, подумал я, или вторая половинка? А может, и то и другое?

Пару окружили спонсоры и меценаты, блондинка начала что-то говорить – несомненно, приветственную речь. Судя по всему, за этим последует гром аплодисментов, а Райан Кэрролл будет благодарно раскланиваться. Я снова скользнул взглядом по его скульптурам. Вот вопрос: он сам умудрился наделить их такими *вестигиями* или они изначально присутствовали в материале, с которым он работал? И если так, понимал ли он, с чем имеет дело?

Телефон в кармане зазвонил. Я взял трубку и услышал голос Зака.

– Ты должен мне помочь, – потребовал он.

– Серьезно? С чего вдруг?

– Его старик вышвырнул меня из дома, – признался Зак. – Мне негде ночевать.

– Загляни в приют «Тернинг Пойнт», – посоветовал я. – Это где-то на западе, у них должны быть места, – сказал я. – Можешь переночевать там.

– Вообще-то, за тобой должок, – заявил он.

– Отнюдь, – возразил я. Служба в полиции учит многому: в частности, что у каждого есть наготове ужасно жалостливая история. Даже у типа, которого ты арестовал за битье жены сковородкой по лицу. Причем явные проходимцы вроде Зака рассказывают сказки гораздо убедительнее тех, у кого реально что-то случилось. Думаю, это приходит с опытом.

– Похоже, они за мной гонятся, – сказал Зак.

– Кто «они»?

Толпа разразилась бурными аплодисментами.

– Заберешь меня – скажу.

Вот черт, подумал я. Если никуда не поеду, а его прикончат, мне светят неприятные вопросы Сивелла и гора бумажной волокиты.

– И где ты сейчас? – без всякого энтузиазма спросил я.

– В Шепердс Буш, около рынка.

– Садись на метро и езжай до Саутворка, там встретимся.

– Не могу на метро, – сказал Зак. – Там опасно. Придется тебе сюда подъехать.

Я уточнил, где именно около рынка, и направился к выходу. Пересекая опустевшее фойе, я заметил пса Зигги, он сидел возле двери в сувенирную лавку. Пес тоже увидел меня, склонил голову набок и неотрывно следил, пока я не вышел на улицу.

9. Шепердс Буш Маркет

Гарнитура «Эйрвейв» тревожно запищала, сигнализируя о СНС, смертельном несчастном случае, на Гайд-парк-корнер. Поэтому я, проехав по мосту, свернул на север, в сторону Мэрилебон. На шоссе Вествей было пусто и как-то жутко, а когда я въехал на эстакаду, то казалось, стоит высунуть в окно руку, и чиркнешь пальцами по низу тяжелых туч. В белесом свете фар мелькали снежинки, неслись над капотом, как шлейфы в аэродинамической трубе. Это была уже почти метель, и я первый раз вел машину в таких условиях. А когда наконец съехал с трассы в Уайт Сити и сбросил скорость, то словно погрузился в белое безмолвие.

Только проехав круговую развязку Холланд-парк и оказавшись в Шепердс Буш, я снова увидел вокруг людей. Они осторожно ступали по скользким тротуарам, магазины были открыты, а идиоты, зачем-то севшие в такую погоду за руль, вынудили меня сбавить скорость до двадцати с небольшим.

«Шепердс Буш Маркет» – станция надземная, и я начал высматривать Зака уже на подъезде к мосту, по которому проходят рельсы. Остановился у запертых свинцово-серых ворот рынка и вышел из машины. Заметил сзади свет фар, обернулся, но автомобиль – древний «Ниссан Микра» – пронесся мимо, разбрызгивая слякоть.

Если два года прослужить, как я, констеблем в общественной поддержке и еще два – патрульным в центре города, то легко станешь экспертом в области уличного насилия. Научишься отличать ссору в подгулявшей компании или скандал на девичнике от безобразной жестокой драки «стенка на стенку». И улавливать тихий, влажный хруст, означающий, что один гражданин нанес-таки другому тяжкие телесные повреждения.

Я услышал яростный рев, потом звонкий удар, потом стон. И не успел опомниться, как уже с разложенной дубинкой в руках мчался через дорогу, к переулку напротив рынка. Там маячили двое в толстых зимних куртках. Они избивали третьего, который скорчился на снегу.

– Стоять! – заорал я. – Полиция! Что здесь происходит?

Традиционное приветствие, без него никуда.

Они развернулись и уставились на меня, один здоровенный, другой маленький и тощий. Опять-таки классическое сочетание. Тощего я узнал, это был Кевин, мать его, Нолан. Будь он один, наверняка бы смылся, но у его дюжего приятеля храбрости оказалось побольше.

Фишка полицейской службы в том, чтобы встречать в такие переделки с некоей долей удовольствия, иначе просто не выйдешь победителем. А фишка таких граждан, как, например, здоровенный туповатый друг Кевина Нолана, рванувшийся мне навстречу, – твердое убеждение, что перед хорошей дракой обязательно надо обменяться «парой ласковых». Но я не собирался действовать в рамках этого убеждения.

Здоровяк только и успел понять, что я не остановлюсь. А больше ничего не успел, поскольку я с налета двинул его плечом в грудь. Он качнулся назад и не удержал равновесия, споткнувшись об типчика, которого они били. Когда здоровяк заорал и свалился, я так шарахнул чертова Кевина Нолана дубинкой по бедру, что нога у него, наверно, онемела по всей длине. Потом просто толкнул в плечо, и Кевин тоже упал.

– Ах ты, ублюдок, – прохрипел верзила, начиная подниматься.

– А ну лежать, а то переломаю к чертям руки! – рявкнул я, а сам подумал: хреново, наручников-то всего одна пара. Но верзила, к счастью, послушно опустился на снег.

– Ты че, правда из полиции? – чуть ли не жалобно спросил он.

– Кевина вон спроси, – ответил я.

Здоровяк вздохнул.

– Тупой ты кусок дерьма, – сказал он Кевину. – Идиот, каких мало.

– Ну откуда ж я знал, что он сюда явится, – ответил Кевин.

– Захлопни пасть! – рыкнул здоровяк.

Я спихнул его ноги с пострадавшего, который все еще лежал лицом вниз. Он перевернулся и одарил меня широкой улыбкой. Это оказался Зак. Ну кто бы мог подумать.

– Знаешь, я так надеялся на помощь святого Бернара^[22], – сообщил он.

– А заслуживаешь хорошей трепки, – отозвался я.

И полез в карман за телефоном, намереваясь включить его и вызвать подкрепление. Вдруг Зак дернул меня за штанину и показал

пальцем на проулок впереди.

– Эй, гляди!

К нам кто-то бежал. Я шагнул, загоразивая этих троих, и заорал:

– Назад!

Бегущий полез за оружием.

Когда человек хочет достать ствол, это видно сразу и безошибочно. Характерным легким движением он отогнул полу куртки, другую руку запустил куда-то под мышку, нашаривая рукоять пистолета. Я не дал ему завершить маневр: воспроизвел в голове нужные *формы*, выбросил вперед левую руку, в которой еще сжимал телефон, и крикнул гораздо громче, чем следовало:

– *Импелло Палма!*

Найтингейл пробивает фаерболом стальную броню толщиной в десять сантиметров. А я способен лишь прожечь картонную мишень, в которую попадаю девять раз из десяти. Но копу, в целях безопасности общества, реально надо иметь в арсенале что-то менее смертоносное. Я дважды применял *импелло*, когда был очень зол, и в первый раз нарушитель получил серьезные травмы, а во второй – погиб. Но, по мнению Найтингейла, хуже то, что я в процессе изменял заклинание: спонтанно создавал новую *форму* и «прицеплял» ее к основной. Он сказал, это называется *turpis vox*, «незримое слово», и является типичной ошибкой всех начинающих магов.

– Вам кажется, что вы изобрели новую *форму*, – говорил он, – а на деле всего лишь искажаете нужную. Если это войдет в привычку, то в дальнейшем при использовании серьезных сложных заклинаний ваши искаженные *формы* не соединятся с другими.

Я опрометчиво заявил, что те немногие заклинания, которые я применяю, действуют как надо. Найтингейл вздохнул.

– Вы, Питер, пока еще осваиваете заклинания первого-второго порядка. То есть несложные и безопасные, поэтому обучение и начинается именно с них. Но когда перейдете к заклинаниям высшего порядка, права на ошибку у вас уже не будет. Поэтому если не научитесь правильно использовать *формы*, они в нужный момент могут не сработать или подействовать самым непредсказуемым образом.

– А вы, кстати, ни разу не показывали мне сложных заклинаний, – заметил я.

– В самом деле? – удивился Найтингейл. – Это нужно исправить.

Он глубоко вздохнул и, странновато, эдак по-театральному взмахнув рукой, продекламировал заклинание – длинное, *форм* в восемь.

Ничего не произошло. Я отметил это вслух, вызвав, что бывает нечасто, улыбку наставника.

– Взгляните наверх, – сказал он.

Подняв глаза, я обнаружил, что над головой сгущается облачко – совсем маленькое, размером с чайный поднос. Состояло оно словно из густого-густого пара, и, когда сформировалось полностью, на мое запрокинутое лицо закапал дождь.

Я шагнул из-под облачка в сторону, но оно последовало мной. Не слишком быстро: если ускорить шаг, можно оторваться. Но если остановиться, зависнет прямо над головой и выдаст индивидуальную порцию настоящего английского лета.

Я поинтересовался, на кой черт оно нужно. Найтингейл ответил, что это заклинание очень любил один преподаватель у них в школе.

– Тогда мне казалось, что он им чрезмерно увлекается, – добавил наставник, – но теперь начинаю понимать, в чем его прелесть.

Если верить секундомеру, на котором я засекаю время, облачко развеялось через тридцать семь минут двадцать секунд.

Найтингейл таки внял моим мольбам и показал еще одну *форму* – «палма». С ее помощью можно дистанционно стукнуть человека спереди, не смертельно, но как следует. Я также уговорил его продемонстрировать это заклинание на мне, в тире. Ощущения были, словно с разбегу впечатался в стеклянную дверь.

Как-то пискляво вскрикнув, нападающий повалился на спину. И снова полез было за пистолетом, но тут я как раз добежал до него и от души треснул по запястью. «Он» взвизгнул от боли, и только тут я понял, что это женщина. А потом увидел ее лицо и узнал агента Рейнолдс.

Она ошеломленно тарасилась на меня.

Сзади послышался шорох шагов, потом раздался вопль Зака:

– Они смываются!

Ну и отлично, подумал я, одной заботой меньше. Кевина Нолана, если понадобится, и так найду.

– Пусть проваливаются.

А вот агента Рейнолдс с вероятным сотрясением мозга и/или переломом запястья нельзя было бросать тут в снег. Поэтому я велел Заку держаться рядом, а сам подошел к ней. Она успела сесть и теперь осторожно массировала руку.

– Вы меня ударили.

– Не я, – покачал я головой. Сел перед ней на корточки и заглянул в глаза – проверить, фокусируется ли взгляд. – Вы, должно быть, поскользнулись на льду и упали на спину.

– Нет, вы ударили меня по руке.

– Вы потянулись за оружием.

– У меня нет оружия, – сказала агент Рейнолдс и распахнула куртку, позволяя мне убедиться.

– Что же вы тогда хотели достать? – удивился я.

Она отвела взгляд, и я понял: дернула рукой машинально. Совсем как я.

– Нет, погодите, – сказала вдруг она, ощупывая нос. – Если я упала на спину, почему болит лицо?

– А голова не болит? – спросил я. – Не кружится?

– Я в порядке, тренер, – ответила Рейнолдс, поднимаясь на ноги, – и готова выйти на поле.

Тут она увидела Зака и шагнула к нему.

– Стойте, – велела она командным голосом, – я должна с вами поговорить.

– А ну прекратите! – сказал я. – И объясните, зачем вы меня преследовали?

– А почему вы решили, что я вас преследовала?

Я подключил импровизированный аккумулятор к телефону. И подумал: хорошо, что сейчас, после заклинания. Телефон бодро пикинул, еще пару минут пришлось ждать, пока он загрузится и на дисплее появится приветственная картинка. Затем я набрал номер.

– Кому звоните? – спросила агент Рейнолдс.

– Киттрэджу, – ответил я, – вашему куратору.

– Подождите, – поморщилась она, – если я все объясню, можете его не привлекать?

– Не обещаю, – покачал я головой. – Давайте для начала где-нибудь присядем.

Мы остановили свой выбор на забегаловке с кебабами, как часто бывает в таких ситуациях. Она по другую сторону моста, откуда просматривался рынок и можно было приглядывать за машиной, которую я там оставил. Правда, сперва пришлось порыться в снегу в поисках мерзкой спортивной сумки Зака. В конце концов нашли, в основном по запаху. Оказавшись на месте, я раскошелился на донер с картошкой для Зака, а себе взял шиш-кебаб. Агент Рейнолдс ограничилась колой: видимо, презирала саму идею вертикального гриля. А может, боялась подхватить европейскую кишечную палочку – ту самую, о которой тут столько писали. Я еще заказал себе кофе. В таких местах он, как правило, дрянной, но парень за стойкой, видимо, распознал во мне копа – здешнее пойло оказалось чуть лучше, чем обычно. Такие забегаловки работают допоздна и занимают очень важную экологическую нишу: служат «кормушкой» для тусовщиков, которые как раз в это время толпами вываливаются из клубов и пабов. Основу клиентуры составляют нетрезвые молодые люди, никого не подцепившие на ночь, и поэтому персонал всегда рад видеть сотрудников полиции в стенах своих заведений.

Под ярким, режущим светом флюоресцентных ламп стало видно, что волосы агента Рейнолдс у корней темно-рыжие. Заметив мой взгляд, она тут же снова натянула свою черную вязаную шапку.

– И зачем вы красите волосы? – спросил я.

– Чтобы меньше выделяться, – ответила Рейнолдс.

– Для конспирации?

– Для удобства. Хочу, чтобы люди видели перед собой агента ФБР, а не рыжую шалаву.

– Так зачем вы меня преследовали?

– Не вас, – возразила она, – мистера Палмера.

– А что я сделал? – спросил Зак, но агент Рейнолдс благоразумно промолчала.

– Он же был главным подозреваемым по вашему делу, – сказала она. – А вы его не просто отпустили, но даже позволили проникнуть в дом жертвы.

– А ничего, что я тоже там жил? – сказал Зак.

– И даже официально зарегистрирован, – добавил я.

– Да – как избиратель, – заметила спецагент. – Таковую регистрацию можно получить, заполняя раз в год, на выборах, одну-единственную форму, причем без всяких подтверждающих документов. Странно, что у вас так несерьезно относятся к безопасности во время выборов.

– А меня больше удивляет, что Зак вообще туда ходил, – усмехнулся я. – За кого голосовал-то хоть?

– За «зеленых», – ответил Зак.

– По-вашему, это смешно? – сердито просипела Рейнолдс. Даже если ей удалось сколько-то поспать в самолете, это все равно было уже почти сутки назад. – Все дело в том, что погибший был гражданином Америки? И вы полагаете забавным убийство американского гражданина?

Меня так и подмывало сказать: все дело в том, что мы англичане и у нас просто есть чувство юмора. Но я стараюсь вести себя гуманно с иностранцами, особенно если они так измотаны. Чтоб подавить это недостойное стремление, я отхлебнул кофе. И спросил:

– Почему вы считаете, что он в этом замешан?

– Он же преступник.

– Мы взяли его за хранение наркотиков, – напомнил я. – Убийство – уже малость другой уровень.

– Мой опыт показывает, что это не так, – возразила Рейнолдс. – Он жил за счет Джеймса Галлахера. Возможно, тому в какой-то момент надоело его содержать.

– Эй, я вообще-то тут сижу! – возмутился Зак.

– А я пытаюсь об этом забыть, – бросила Рейнолдс.

– У него есть алиби, – сказал я.

– Недоказанное, – уточнила спецагент. – Возможно, есть какое-то слепое пятно, которое не попадает в камеры. Черный ход, например.

Да она что, за профанов нас держит?! Стефанопулос вчера весь день пыталась опровергнуть его алиби, и черный ход исследовали очень тщательно.

– А что, в ФБР принято вот так вот злоупотреблять полномочиями? – поинтересовался я.

– Согласно законодательству ФБР отвечает за расследование преступлений, совершенных против граждан Америки за ее

пределами, – оттарабанила она, прикипев взглядом к чему-то слева от моей головы.

– Но на деле не отвечает, верно? – вкрадчиво предположил я. – А жаль, нам бы помощь ох как пригодилась. Особенно как-то раз в Сохо, когда одному парню воткнули в лицо лом. Бедняга приехал из Штатов, и где же было ФБР?

– Возможно, его отец не был сенатором, – пожала плечами Рейнолдс.

– И все же что так тревожит ваше ведомство? – спросил я. – Помимо вопросов безопасности.

– Его отец имеет моральный авторитет, – ответила она. – Нельзя его компрометировать, предавая огласке то, что мог совершить его сын.

– А что он мог совершить?

– Когда Джеймс учился в колледже, – сказала она, – случались... инциденты.

– Какие? – спросил Зак, опередив меня.

Я вздохнул.

– Иди и сядь вон там, – велел я ему, указывая на столик в другом конце зала.

– Это еще почему?

– У нас тут взрослые разговоры.

– Что я вам, мальчик, что ли?

– Куплю тебе пирожное.

Он встрепенулся, как собачонка, которой пообещали лакомство.

– Че, правда?

– Если пересядешь, – сказал я, и он послушно удалился.

– Теперь понимаю, почему вы его подозреваете. Так что за инциденты?

– Наркотики, – ответила Рейнолдс. – Его дважды арестовывали за хранение, но оба раза обвинения снимали.

Ну еще бы, подумал я.

– Он баловался наркотиками в университете? Да все студенты так делают.

– Некоторые, – процедила она, – придерживаются строгих принципов, даже будучи студентами.

– Вы когда-нибудь выезжали за пределы Соединенных Штатов? – спросил я.

– Как это относится к делу?

– Просто любопытно, вы впервые за границей?

– То есть вы банально считаете меня новичком, так?

Значит, угадал, подумал я.

– Нет, хочу понять, почему это задание поручили именно вам.

– Я знакома с сенатором и его семьей, – ответила Рейнолдс. – Мое руководство посчитало, если в расследовании примет участие свой человек, это будет хорошо для сенатора. Особенно если учесть особенности его карьеры и вашей истории.

– Нашей истории? Это какие же особенности?

– Ирландский вопрос. В начале карьеры сенатор активно критиковал британскую оккупацию и нарушения прав человека, имевшие место в Ирландии. И теперь опасается, что ваша полиция, памятуя о его прежних взглядах, будет пристрастна во время расследования этого дела.

Я подумал: неужели сенатор настолько эгоистичный отец, что, узнав о смерти сына, будет в первую очередь думать о таких вещах? Или он просто матерый политик и использует все возможные ресурсы, чтобы способствовать расследованию?

Если второе, тогда я тут ни при чем и запросто могу спихнуть эту работу на тех, кому за нее платят. Иногда жесткая служебная иерархия все-таки помогает. Но вот Сивелл захочет полную информацию насчет ирландских связей сенатора. Особенно если отдел по борьбе с терроризмом ничего ему не сообщил. А заслужить расположение начальства никогда не вредно.

– Думаю, это никак не связано с ирландским вопросом, – сказал я. – В смысле, убийство.

– А Райан Кэрролл?

Значит, все-таки она меня преследовала. И хладнокровно лгала, когда я пытался ее расколоть. Что ж, запомним.

– А что Райан Кэрролл?

Интересно, она всегда задает вопросы, которые отскакивают от основной темы разговора, как бильярдные шары от бортиков? Или это последствия недосыпа и смены часовых поясов? Глядя на нее, я сам все больше хотел спать.

- Он в списке подозреваемых?
- Нет.
- Заинтересованное лицо?
- Вроде нет.
- Тогда зачем вы его допрашивали?

Затем, ответил я мысленно, что некоторые его... произведения излучают *вестигии*, и настолько мощные, что посетители шарахаются от них, сами не понимая почему.

– Джеймс Галлахер был его большим поклонником. Я просто решил выяснить, общались ли они когда-либо. И выяснил: не общались.

– И это все? Как-то вы не слишком рационально используете рабочее время. Да еще на самой важной стадии расследования.

– Агент Рейнолдс, – вздохнул я, – я ведь только констебль в штатском. Простой констебль, не из Департамента уголовных преступлений. В отделе расследования убийств младше меня по рангу были бы только школьники, если б служили там.

- Просто скромный констебль, значит?
- Именно.
- Ну разумеется.

Что-то она про меня разнюхала. Вот не люблю я детективов: это чертовски дотошные сукины дети. Но она не в курсе подводных камней, она не знает и вряд ли догадывается, сколь далеко нас может завести служебный долг.

– Езжайте-ка и ложитесь спать, – посоветовал я. – Но сперва я б на вашем месте позвонил Киттреджу и избавил его от страданий.

- И что, по-вашему, я должна ему сказать?
- Что уснули в машине. Смена часовых поясов, все такое.
- Сотрудник бюро не должен оставлять о себе такое впечатление.
- Да какая разница, что он подумает, этот Киттредж! Вы где остановились?

– В «Холидей Инн», – ответила Рейнолдс и, глянув на магнитный пропуск, который извлекла из кармана, добавила: – Это на Эрлз-Корт.

- Вы на машине?
- Да, взяла напрокат.
- Ну разумеется, иначе как бы она за мной следила?
- Не боитесь садиться за руль в такой снегопад?

Мой вопрос ее здорово развеселил.

– Это, – сказала она, отсмеявшись, – не снегопад. У меня на родине снегопад – это когда вы утром не можете отыскать свою машину.

Меня очень мучил соблазн высадить Зака у ночлежки «Гернинг Пойнт» или даже упечь обратно в Белгравию. И я бы поддался, если бы был уверен, что он не станет болтать лишнего. В итоге махнул рукой и повез его в Безумство. Несмотря на холод, ехать пришлось с опущенными стеклами: только так можно было победить вонь, исходящую от сумки. В какой-то момент я почти решил притормозить и заставить его открыть сумку, дабы убедиться, что там не человеческие органы.

– Куда ты меня, на хрен, приволок? – спросил Зак, когда я подъехал и припарковался рядом с «Ягуаром». – Ух ты, это чья такая?

– Моего начальника, – отозвался я, – а ты не смей на нее даже смотреть.

– Это же «Марк два»?

– Да, и ты все еще пялишься, хотя я запретил.

Неохотно оторвав взгляд от машины, Зак проследовал за мной к выходу из каретного сарая и через двор, к черному входу в особняк.

Сначала я подумывал пустить его к себе в каморку, но отказался от этой мысли, представив, что будет, если оставить его наедине с портативной техникой общей стоимостью в шесть штук моих кровных фунтов стерлингов.

Поэтому, открыв дверь, я пропустил Зака вперед, внимательно наблюдая, как он переступает порог. Найтингейл говорил, магическая защитная система Безумства с некоторыми посетителями «ведет себя враждебно». Но к Заку это, похоже, не относилось.

Холл нашего черного входа – это просто небольшой коридор, стены которого украшают многочисленные медные крючки для шапок – зюйдвесток, дождевиков, накидок с капюшонами и прочей допотопной экипировки.

– Странная, однако, кутузка. В жизни такой не видел, – заметил Зак.

Как только мы вошли в главный атриум, Молли выплыла нам навстречу своей бесшумной скользкой походкой. Это выглядело бы весьма зловеще, если бы не Тоби, который с радостным твяканьем

скакал вокруг нее, цепляясь когтями передних лап за юбку. Но тем не менее Зак, увидев ее, шустро спрятался у меня за спиной.

– Кто это? – прошептал он.

– Это Молли, – ответил я. – Молли, это Зак, он у нас переночует. Можно выделить ему комнату рядом с моей?

Молли ответила долгим пристальным взглядом. Потом склонила голову набок, в точности как пес Зигги, развернулась и заскользила назад к парадной лестнице. Стелить гостю постель – а может, точить разделочные ножи. С ней никогда не знаешь наверняка.

Тоби умолк и теперь крутился под ногами у Зака, который направился к подиуму, где у нас стоит Книга, раскрытая на титульном листе. Ну, не сама Книга, а ее копия – очень качественная, восемнадцатого века.

– *Philosophiae Naturalis Principia Artes Magicis*, – прочитал Зак, абсолютно безграмотно смягчая «с» в *principia* и *magicis*. Плиний Старший, если б услышал, пришел бы в ярость. Найтингейла, во всяком случае, это раздражало.

– Да ты охренел! Издеваешься, что ли? – завопил вдруг мой гость, развернувшись и наставив на меня указательный палец. – Ты не можешь быть отсюда, ты... ты же из простых! А это Безумство, здесь живут одни лощеные богачи да всякая нечисть.

– Ну, что сказать, – пожал я плечами, – времена меняются, уровень падает.

– Чертовы исааковцы, это ж надо, – вздохнул Зак. – Нет, надо было рискнуть, вдруг бы я свалил от Ноланов.

Любопытно, подумал я, знает ли Найтингейл, что у нас есть прозвище. А еще любопытнее, откуда субъект вроде Закари Палмера может знать, что оно означает.

– А ты-то сам кто такой? – спросил я. Попытка не пытка.

– Мой папа был из народа фей, – ответил Зак. – И поверь, это означает не гламурного красавчика в обтягивающих шмотках, а кое-что другое.

Среда

10. Рассел-сквер

Утром меня разбудил дикий вопль. Не успев толком проснуться, я скатился с кровати, схватил дубинку и выскочил в коридор. Сказались ночи, проведенные в страхе, что Молли внезапно нагрянет. Было очень рано и еще темно, так что первым делом я включил в коридоре свет. И стоял там в одних трусах, коченея на зимнем сквозняке. Подумал уже, что просто приснился кошмар, но тут соседняя дверь распахнулась и в коридор вылетел Зак. На нем тоже были только трусы, фиолетовые боксеры. Он отчаянно и громко матерился. Заметил меня и сунул прямо под нос какую-то штуковину.

– Гляди!

Это оказалась та самая грязная сумка, что отравляла воздух у меня в машине, только теперь безукоризненно чистая. Все истрепанные швы были аккуратно подлатаны и обшиты для крепости кусочками кожи, а потертый логотип «Адидаас» освежили новые стежки синих ниток. Зак яростно дернул молнию, сумка раскрылась, и я увидел внутри чистую, аккуратно сложенную одежду, источающую легкий аромат лимона и полевых цветов. Я знаю только одно создание, способное так ювелирно складывать вещи.

– Молли постирала, наверно, – сказал я.

– Какого хрена! – заорал Зак. – Не имела права трогать мои шмотки!

– Зато теперь пахнут приятно, – заметил я.

Зак уже открыл было рот ответить, но тут из-за угла выбежала Лесли с дубинкой в одной руке и мощным фонарем в другой. Она не пожалела времени, чтобы как следует застегнуть маску, но не стала заморачиваться одеждой: на ней были коротенькие шорты с низкой талией, красные в белый горошек, и термомайка без рукавов. Бюст под майкой упруго подпрыгивал, прямо-таки гипнотизируя. Мы оба уставились на нее, как озабоченные подростки, но я все же успел поднять взгляд выше и посмотреть Лесли в глаза, пока она не огрела меня дубинкой.

– Доброе утро! – широко улыбнулся Зак.

Я представил его Лесли и вкратце объяснил, что к чему. А в заключение сказал:

– Ну не мог я оставить его на улице в такой снег.

Лесли сказала, что возвращается в кровать, и потребовала, чтобы было тихо.

Повернулась и пошла к себе. А я, оказывается, забыл, какие округлые у нее бедра и какие аппетитные ямочки играют на ягодицах, когда она идет. Мы стояли и восхищенно молчали, не сводя с нее глаз, пока она не скрылась за углом.

– Офигеть можно, – выдохнул Зак.

– Это да, – согласился я.

– Так, – деловито спросил он, – вы с ней трахаетесь?

Я свирепо зыркнул на него.

– Это значит «нет»?

– Нет, – сказал я. – Она...

– ...просто ходячий секс, – сказал Зак. Украдкой понюхал себя под мышкой и, видимо, остался доволен: уверенно расправил плечи, оттянул резинку трусов так, что она хлопнула его по животу, и изрек:

– Отличненько. Значит, нечего тянуть. Я пошел.

И шагнул вперед, следом за Лесли. Я вытянул руку поперек и остановил его.

– Ты чего? – удивился Зак.

– Даже не думай, – процедил я.

– Ну, чувак, ты давай определяйся. А то как собака на сене, честное слово.

– А ты разве не заметил... – я замялся, – ну, ее травму?

– Некоторым, – многозначительно улыбнулся Зак, – важно не только симпатичное лицо.

– А некоторым – не только сиськи.

– Еще бы, – кивнул он, – видел, какая задница?

– По морде захотел?

– Эй, остынь, – сказал Зак, отступая. – Если скажешь, что у тебя на нее виды, я о ней и думать забуду. Ну, то есть подумаю, конечно, пару раз – тяжело не думать при таких-то раскладах. Ой, да ладно, как можно быть настолько слепым?

– Не твое дело, – буркнул я.

– Значит, так: уважая нерушимые законы гостеприимства, согласен дать тебе неделю на размышления, – сообщил Зак. – Потом буду считать, что поле чисто. Лады?

Можно было спорить на деньги: через неделю он об этом и думать забудет.

– Ладно, – сказал я, – хрен с тобой.

Зак огляделся по сторонам, похлопал себя по накачанному прессу.

– Раз уж мы встали, как насчет позавтракать?

– В этом доме, – процедил я, – к завтраку принято одеваться соответствующим образом.

Найтингейл, во всяком случае, это правило соблюдает неукоснительно. И дает себе одну-единственную поблажку: оставляет расстегнутой верхнюю пуговицу на рубашке и вешает пиджак на спинку стула. Он как раз принялся за тост с джемом, когда следом за мной в утреннюю столовую вошел Зак, чья одежда стараниями Молли все еще благоухала свежестью. При виде серебряных подносов с едой он издал ликующий вопль и принялся накладывать себе все подряд: соленого лосося, яичницу, кеджери, грибы, поджаренный хлеб и почки со специями.

Я сел за стол и принялся разливать кофе.

– Закари Палмер, – сообщил я.

– Бывший квартирант Джеймса Галлахера, – кивнул Найтингейл. – Лесли ввела меня в курс дела вчера вечером, пока мы смотрели регби.

– У него есть какая-то тайна. По крайней мере, он так говорит.

– Дайте-ка угадаю, – сказал Найтингейл. – Он демифейри?

– Если это значит «полуэльф», то да. Но как вы узнали?

Дожевав тост, Найтингейл сказал:

– Кажется, я знал его отца. А может быть, деда – с народом фей трудно утверждать наверняка.

– Вы мне о них ничего не рассказывали, – заметил я. – Кто они такие, если конкретно?

– Ничего о них сказать нельзя. «Народ фей» – это просто общее название, как «иностранцы» или «варвары». Фактически оно обозначает людей, которые не являются людьми в полной мере.

Я оглянулся – тот, отчаявшись уместить все на одной тарелке, взял-таки две. Тоби подкрался и сел в радиусе возможного полета

сосиски – на всякий случай.

– Вроде Рек?

– Фейри гораздо менее могущественны, – пояснил Найтингейл, – но более своевольны. Батюшка Темза при желании мог бы, наверно, затопить Оксфорд, однако ему и в голову не придет так серьезно нарушать законы природы. Феи же капризны, проказливы, однако не опаснее воришек-карманников.

Наверняка что-то цитирует, подумал я.

– Они чаще встречаются в сельской местности, нежели в городах.

Зак притащил свои две тарелки, сел за стол и, коротко представившись Найтингейлу, принялся наворачивать. Чтобы столько есть и при этом оставаться тощим, надо сжигать калории, как скаковая лошадь. Интересно, это норма для человека или такое возможно только у фейри? Вот бы притащить Зака на денек в клинику к доктору Валиду, подумал я. Тот ведь наверняка никогда не исследовал демифей. Интересно было бы узнать, есть ли между нами ощутимые генетические различия. Но доктор говорил, что вариативность генетических признаков и у людей достаточно широка. Чтобы выявить отличия, нужно взять для сравнительного анализа пробы у сотен людей. А если нужен статистически значимый результат, то даже у тысяч.

Недостаточный объем выборки – вот причина, по которой магия никак не может сблизиться с наукой.

Зак ел, не прекращая, все время, пока я рассказывал Найтингейлу о визите Джеймса Галлахера на Повис-сквер и о *вестигии*, который я там ощутил.

– По описанию напоминает передвижную нелегальную барахолку, – сказал наставник, когда я умолк.

– Назарет?

– Да, только для наших с вами «клиентов». Ты-то наверняка знаешь, где эта барахолка? – спросил он Зака.

– Не-а, начальник, не знаю. У тамошнего народа я сильно не в чести.

– Ну а найти это место сможешь?

– А что мне за это будет?

Найтингейл слегка подался вперед и вдруг, молниеносно схватив Зака за руку, вывернул ладонью вверх. Наверняка сломал бы, если б

Зак не вскочил со стула.

– Ты в моем доме, Закари Палмер, ешь за моим столом, и мне все равно, насколько «современным» ты себя возомнил. У тебя передо мной обязательства, которые нельзя не выполнить, и ты это знаешь. А я знаю, что ты знаешь.

С этими словами он улыбнулся и отпустил Зака.

– Я не прошу подвергать себя опасности. Просто найди место и сообщи нам адрес, дальше мы сами.

– Ну можно ж было просто попросить, – сказал Зак, потирая руку.

– Успеешь сегодня к обеду?

– Не вопрос. Но мне понадобится бабло – кататься туда-сюда, на лапу дать кому-нибудь и все такое.

– Сколько?

– Пятерка.

То есть пять сотен. Найтингейл невозмутимо снял серебристый зажим с кармана пиджака, достал оттуда пять полтинников и протянул Заку. Тот прибрал их так стремительно, что я даже не понял куда. И не стал возмущаться, что мало дали.

– Давайте попьем кофе в библиотеке, – предложил Найтингейл.

– Не возражаешь, если мы тебя оставим? – спросил я Зака.

– Не-а. Все будет окей, – ответил он, внимательно разглядывая подносы и выбирая, чего бы еще съесть.

– Невольно задаешься вопросом, – сказал Найтингейл, когда мы вышли из столовой на внутренний балкон, – что случится раньше: он остановится или лопнет?

– Бывают же парадоксальные совпадения, – отозвался я, – теперь мы увидим, что будет, если неудержимая кухарка и ненасытная утроба встретятся под одной крышей!

Общая библиотека – то самое место, где мы с Лесли обычно грызем гранит науки. Там стоят два больших, богато украшенных стола с изогнутыми латунными лампами и царит атмосфера тихого созерцания. Которую мы безбожно нарушаем, надевая наушники всякий раз, когда садимся за книги.

Найтингейл подошел к тем полкам, где, как я помнил, располагались весьма смелые труды по естествознанию. Он некоторое время водил пальцем по корешкам книг, потом достал одну и перевернул несколько страниц.

– Думаю, суждениям Жюля Барбе Д’Оревилли^[23] можно доверять. Как у вас с французским?

– Смилуйтесь, – вздохнул я, – дай бог латынь освоить.

– Жаль, – сказал Найтингейл и поставил книгу на место. – Когда-нибудь нам понадобится ее перевести.

Он взял с полки другой том, потоньше, и протянул мне.

– Чарльз Кингсли.

Я глянул название – «О фейри и их обиталищах».

– Не столь всеобъемлющий труд, как Барбе Д’Оревилли, однако вполне надежный как источник. Во всяком случае, если верить моим школьным учителям.

Он вздохнул и добавил:

– Воистину, хорошо было, когда мы все точно знали, что делаем и зачем.

– Прежде чем наткнуться на Зака, я повстречал Флит, – сообщил я. – А до этого – одну китайку, и я абсолютно уверен, что она маг.

– Она назвала свое имя?

Я подробно рассказал о встрече с таинственной мадам Тенг, умолчав лишь о том, что Флит с ее Вожаком Псов, по сути, спасли меня.

– Бог ты мой, Питер! – покачал головой Найтингейл. – Вас и на пять минут нельзя оставить одного в городе.

– Вы знаете, кто она?

– Полагаю, даосская колдунья, – ответил наставник.

– Это хорошо или плохо?

– У китайцев много национальных традиций, среди которых есть и магические практики, – сказал Найтингейл. – Насколько я понимаю, даосская магия основана на иероглифах, написанных на бумаге, в то время как мы произносим наши вслух. Но как именно она работает, нам так и не удалось узнать. Контакты между нашими сообществами случались редко: мы не спешили делиться своими секретами, и китайцы, соответственно, отвечали тем же.

Он снова скользнул взглядом по книжной полке, нахмурился и поменял две книги местами.

– Они действуют у нас в Чайна-тауне? – спросил я.

– С Чайна-тауном у нас есть соглашение, – ответил Найтингейл. – Они ведут себя тихо, а мы не задаем лишних вопросов. В пятидесятые

годы Мао уничтожил почти всех адептов магии, а тех, кто остался в стране, добились во время Культурной революции.

– Она не из Китая, а из Тайваня, – пояснил я.

– Тогда понятно. Что ж, я этим займусь.

Чтоб порадовать шефа по полной, я завершил свой рапорт описанием предположительно магических арт-объектов Райана Кэрролла.

– А я-то надеялся, мы сможем полностью передать это дело в Белгравию, – вздохнул Найтингейл, – и сосредоточить все внимание на Крокодилчиках.

– Нашли что-то в Хенли?

– Помимо сугробов? – поднял бровь Найтингейл. – Да. Одну очень приятную пару, они живут в доме, перестроенном из конюшни. Очень гордятся своим домом и настояли, чтобы я полностью осмотрел все их владения.

– И были чересчур услужливы?

– Я не стал верить им на слово, – продолжал наставник, – и, когда стемнело, надел свою старую балаклаву и заново прочесал всю территорию.

Найти он ничего не нашел, но этот секретный рейд в метель живо напомнил ему операцию в Тибете в 1938 году.

– Мы тогда преследовали группу немецких археологов, – пояснил он, – безумная была затея, что для них, что для нас.

Лесли приоткрыла дверь, сунула голову в проем. Увидела нас и вошла.

– Видали, сколько он жрет? – спросила она.

– А, ну он же этот... полурослик, – сказал я и заработал два непонимающих взгляда.

Потом мы распределили текущие задачи. Найтингейл остался наблюдать за утренней тренировкой Лесли, а я пошел писать отчет для отдела убийств. А заодно решил глянуть в журнале записей ХОЛМС, не было ли в последнее время чего-нибудь по нашей части, то есть странного, необычного или таинственного. Мы надеялись, что, когда освободимся, Зак как раз найдет барахолку и мы с Лесли поедem ее проверим.

– А я намерен отправиться в Барбикан и повторно побеседовать с мистером Вудвиллом-Джентлом, – сообщил Найтингейл. – Возможно,

мое внимание его встревожит и он сознается.

– Если есть в чем, – заметил я.

– Еще как есть, – сказала Лесли. – Зуб даю.

Ночью снегопад прекратился. Солнце, правда, не вышло, но хоть тучи малость рассеялись. Температура немного поднялась, и снег во дворе подтаял, а потом смерзся в тонкую ледяную корочку. Но к железным перилам лестницы в техкаморку руки все еще прилипали. Внутри пахло керосином и сырой бумагой, но мощности обогревателя, к счастью, хватило, чтоб техника не вышла из строя. Спинка кушетки была поднята, а мусор выброшен. Я легко могу определить, что Найтингейл заходил смотреть регби: он оставляет после себя неестественную чистоту. Я поставил чайник, включил ноутбук и старенький «Делл», с которого захожу в ХОЛМС. И приступил к работе.

В одном работа полицейского схожа с любой другой: вы начинаете день с проверки электронной почты. Удаляете спам, смотрите фотки котиков и только потом читаете «вежливые напоминания» старшего следователя о том, что пора бы прекратить пинать балду и сдать уже отчет. Разложив на столе блокноты, я начал забивать в систему содержание своих разговоров с Райаном Кэрроллом и Кевином Ноланом. Думал еще написать о ситуации с Кевином и агентом Рейнолдс, но это неизбежно вызвало бы вопрос, почему я сразу не связался с Киттреджем. В итоге я закончил информацией о том, что предоставил ночлег Закари Палмеру и что он в личной беседе сообщил о неприязненных отношениях с братьями Ноланами.

Новых задач в списке не было, а посему я решил полазить по ХОЛМС, почитать отчеты криминалистов.

Технари не смогли извлечь никакой информации из телефона Джеймса Галлахера из-за «чрезвычайно серьезных повреждений» микропроцессора. Правда, они надеялись хоть что-то выцарапать с карты памяти, которая почти не пострадала. Причину «серьезных повреждений» я прекрасно знал по собственному горькому опыту. И теперь задумался, догадываются ли о ней наши спецы. Найтингейл и его ведомство крутятся в водовороте современной жизни и держатся на плаву только благодаря хитрой системе взаимосвязанных соглашений и неофициальных договоренностей. Большая часть

которых, подозреваю, существует исключительно у моего шефа в голове.

Отчет по орудию убийства гласил, что это действительно осколок большого блюда. К отчету прилагалось смоделированное на компьютере изображение этого блюда в целом виде. Говорилось также, что благодаря «плохой просвечиваемости и характерным чертам глазурированного полуфаянса» – что бы это ни значило – визуально можно определить, что блюдо не фарфоровое, а керамическое. Химический анализ показал, что орудие убийства на семьдесят процентов состоит из глины с примесью кварца, извести, кремневой крошки и грога^[24]. Я загуглил «гrog» и убедился, что они имели в виду скорее осколки обожженного фарфора, нежели напиток из дешевого рома с лаймовым соком. Было незначительное внешнее сходство с камнем Коуд^[25], но сравнительный анализ образцов, предоставленных реставрационной лабораторией, показал, что состав орудия другой. При его изготовлении использовалась лондонская глина^[26], а не более однородная каолиновая, которую добывают в Дорсете. Дальше шло двадцать с лишним страниц, посвященных истории камня Коуд. Этот отчет я пока отложил, на случай если в ближайшее время буду страдать бессонницей.

А вот заключение патологоанатома было куда интереснее. В нем говорилось, что орудие убийства точно совпадает по форме со смертельной раной в спине Джеймса Галлахера и менее глубокой в его плече. И, вероятно, тремя порезами на руках, скорее всего полученными при сопротивлении. По анализу ДНК кровь на осколке совпадала с образцами Джеймса Галлахера. А судя по радиусу разбрызгивания, Джеймс, лежа в тоннеле, еще и умудрился вытащить осколок из раны. Какая прелесть, подумал я.

Но на той части осколка, за которую его держал убийца, нашли кровь другой группы. Ее неплохо было бы отправить на анализ сверхмалых количеств ДНК, но результатов мы дождемся хорошо если в январе. Комментарий Сивелла предписывал при допросах осматривать руки свидетелей на предмет резаных и колотых ран. Чтобы заколоть кого-то насмерть, надо ударить гораздо сильнее, чем вы думаете. Более того, у человека в теле полно всяких досадных препятствий вроде ребер. Те, кто плохо владеет техникой ножевого боя, часто режут себя сами, когда ладонь по инерции удара

соскальзывает по рукоятке вниз, к лезвию. Поэтому боевые ножи оснащают гардой. И поэтому же убийц, орудующих ножом, довольно легко вычислить: смотришь раны на ладонях, сверяешь анализы ДНК, и готово: твоя взяла, начальник, привет, Пентонвиль ^[27]. Неопровержимые улики – хорошая штука: если они есть, на суде преступнику не поможет ни один адвокат. Теперь понятно, почему Сивелл со Стефанопулос меня не пинают: наверняка решили, что очень скоро сами отправят преступника на анализы и все докажут. Что ж, может, так и будет – если кровь на «рукоятке» окажется человеческой. Грязь на ботинках Джеймса Галлахера представляла собой аппетитную смесь человеческих фекалий, полурастворившейся туалетной бумаги и смеси химикатов. Это означало, что примерно за восемь часов до смерти американец оказался в канализации. Я отыскал в блокноте телефон сержанта Кумара, набрал и дозвонился ему на «Эйрвейв». На заднем плане у него что-то говорили по громкой связи и слышался шум толпы. Кумар явно был на дежурстве. Я рассказал ему о содержимом коллектора на ботинках Галлахера.

– Да, к нам уже обращались по этому поводу, – сказал Кумар. – Под Бейкер-стрит проходит безнапорный коллектор, а дальше, под Портленд-плейс, – еще один. Между ними тоннель метро, но туда нет доступа снаружи. Мы же там вместе шли, помните? Никак он не мог туда пробраться.

– Может, есть какой тайный ход? – предположил я. – Говорят, в подземке их полно.

– Да, и все они тайные только для пассажиров, – пояснил Кумар, – но не для нас.

– Уверены?

Сержант протяжно фыркнул.

– А я, кстати, видел занятные кадры с камер наблюдения, – сказал он. – В прошлое воскресенье мужчина, женщина и вроде бы ребенок в какой-то громоздкой шапке вели себя крайне безответственно. Они шли по путям недалеко от Тафнелл-парка. Ничего не напоминает?

– Напоминает, – признался я. – И что, их личности легко установить?

Последовала пауза, нервный женский голос на заднем плане спросил, как пройти к метро. Сержант Кумар ответил. Железнодорожные службы в конце концов приняли меры против

коллапса, вызванного снегопадом, и толпы запоздало хлынули в Лондон, чтобы успеть купить подарки. Одно письмо у меня в почте как раз было обращено ко всем сотрудникам и предупреждало, что на столичных улицах неизбежно возрастет число краж, ДТП и недовольных северян.

– Только если какой-нибудь въедливый засранец решит докопаться как следует.

– И как же уберечься от таких въедливых засранцев?

– Проще простого. Нужно следовать основным правилам, принимая во внимание особенности транспортной системы. И сначала звонить мне, когда в другой раз приспичит погулять по рельсам.

– Договорились, – сказал я, – я ваш должник.

– Еще какой, – отозвался Кумар.

Конечно же, из отдела убийств поступил вопрос: почему я не допросил Райана Кэрролла, когда была такая возможность в галерее «Тейт Модерн». Я быстренько сварганил служебную записку, в которой объяснил, что меня срочно вызвали по секретному делу, находящемуся строго в компетенции Безумства. И понес Найтингейлу на подпись в учебную лабораторию.

Перешагнув ее порог, я увидел, что аж целых три яблока поднялись в воздух по воле Лесли и медленно кружат под потолком лаборатории. Найтингейл жестом велел подойти и почти не глядя подписал служебку.

– Отлично! – похвалил он Лесли и добавил, обращаясь уже ко мне: – Вот, Питер, что бывает, если не отвлекаться и заставить себя полностью сосредоточиться на поставленной задаче.

Лесли вся взмокла, даже волосы были влажные.

– Ясно, – сказал я и направился к выходу. Уже у самой двери обернулся и спросил: – А взрывать-то их она умеет?

И еле успел выскочить. Два яблока треснулись о стену над моей головой, а третье *изменило направление* и, вильнув вправо, просвистело у меня мимо уха и вылетело через открытую дверь в коридор.

– Мазила, – прокомментировал я и смылся, не дав Лесли поднять в воздух новые снаряды. Определенно, она делала успехи.

Я отсканировал и отправил служебку, распечатал четыре копии отчета, разложил по конвертам А4, чтобы не перепутать, и собрал все в

стопку, чтобы вместе с керамической миской отправить в отдел убийств. А потом сам пошел тренироваться в тир.

Как по мне, в магической практике самое странное, что некоторые *формы* попросту вышли из моды. Классический пример – «*aer*». Это слово на латинизированном греческом произносится как «воздух» и означает... ну, собственно, «воздух». Овладев этой *формой* – у меня это, кстати, заняло полтора месяца, – получаешь возможность «захватывать» пустое пространство перед собой. Но поскольку оценить результат физически никак нельзя – правда-правда, я проверял, – тренироваться нужно в присутствии наставника, который будет следить, получается или нет. В итоге, потратив много сил и времени, овладеешь сложной в исполнении и, по факту, бесполезной *формой*. Неудивительно, что маги утратили к ней интерес. Особенно когда наступил восемнадцатый век и стало ясно, что она основывается на абсолютно неверной теории материй. Найтингейл потому дал себе труд научить меня форме «*aer*», что в связке с такой же коварной и устаревшей «*congolare*» она будет создавать вокруг меня невидимый щит. Обе формы разработал сам «титан», Исаак Ньютон, обе характерно заковыристые, и обе во все времена заставляли начинающих магов досадливо выводить «чозахрень» в уголках книжных страниц.

Я спрашивал у Найтингейла, насколько этот щит надежен.

– Для щита есть другое заклинание, четвертого порядка, и оно гораздо более действенное, – ответил тогда наставник, – но вы начнете его осваивать минимум через два года. Я показываю вам эту *форму* на случай, если вы снова повстречаете Безликого. Щит ненадолго сдержит фаербол и даст вам время осуществить тактическое отступление.

В переводе с найтингейловского это значило «драпануть впереди собственного визга».

– А пулю остановит? – задал я не менее насущный вопрос.

Этого Найтингейл не знал. Поэтому мы купили автоматическое пейнтбольное ружье, установили на него баллон с шариками и автоспуск, после чего водрузили эту конструкцию на штатив и поставили в тире напротив мишеней. Перед тренировкой я облачаюсь в казенный бронежилет, старые школьные шорты для бокса и форменный шлем с маской для действий в условиях уличных

беспорядков. Затем устанавливаю на ружье механический таймер, иду к мишеням и становлюсь возле них. Мне всегда очень неуютно напротив огневого рубежа, но Найтингейл говорит, так и должно быть.

Таймер у нас раритетный, пятидесятых годов – эдакий бакелитовый грибок с диском набора, как на сейфах, только ярко-розовый. Он такой ветхий и потрепанный, что нельзя точно определить, когда зазвенит, и это добавляет адреналина. Когда все-таки зазвенит, я произношу заклинание щита и ружье стреляет. Изначально мы с Найтингейлом думали соорудить приспособление, позволяющее произвольно смешать прицел. Но ружье на штативе само по себе тряслось так яростно, что диапазон рассеивания масштабом и хаотичностью удовлетворил бы самые строгие требования Королевской стрелковой школы. И хорошо, ибо на первой тренировке в меня не вмазались только те шарики, которые пролетели с обеих сторон мимо. Хочется верить, что с тех пор я достиг определенных успехов, хоть и начал с самого низкого уровня – ведь теперь уже устанавливаю девять зарядов из десяти. Но Найтингейл говорит, важен лишь десятый, который я пропускаю. А еще напоминает, что начальная скорость пейнтбольного шарика – 300 футов в секунду, а пистолетной пули – больше тысячи, и это будет звучать так же неприятно, даже если перевести в международную систему измерения.

И вот почти каждый день я спускаюсь на цокольный этаж. Делаю глубокий вдох и жду, когда отжужжит и щелкнет таймер, чтобы проверить, смогу ли на этот раз сдержать натиск враждебных сил.

Вж-ж-ж, щелк, шлеп-шлеп-шлеп.

Ну, что могу сказать: хвала Всевышнему, что у меня есть шлем.

После обеда вернулся Зак. Он принес мне адрес и демонстративно протянул руку.

– Получишь у Найтингейла – сказал я.

– Не-а, – возразил Зак, – он сказал, остальное ты отдашь.

Я вынул из кошелька две с половиной сотни десятками и двадцатками, то есть почти все наличные, и отдал ему. А взамен получил клочок бумаги с адресом где-то в Брикстоне и несколькими словами: «Я пришел скосить траву».

– Это пароль, – пояснил Зак, пересчитывая деньги.

– Придется теперь искать банкомат, – вздохнул я.

– Я б угостил тебя выпивкой, – сказал Зак, помахивая пачкой денег, – но тут уже все рассчитано.

Сказав так, он бросился наверх за сумкой. Но, как ни торопился покинуть Безумство, на обратном пути все же тормознулся пожать мне руку.

– Рад был познакомиться с тобой, – сказал он, – но без обид: искренне надеюсь, что больше мы не встретимся. Передавай привет Лесли.

Он разжал ладонь и выскочил через главный выход. А я пересчитал пальцы и проверил карманы, чисто на всякий случай.

Потом пошел сказать Лесли, что труба зовет.

11. Брикстон

СМИ реагируют на погодные катаклизмы так же схематично и предсказуемо, как человек на большое горе, то есть поэтапно. Сначала идет отрицание: «Нет, ну не могло выпасть столько снега!» Затем гнев: «Да что ж такое, почему я не могу сесть за руль и с какой стати не ходят поезда?» Потом обвинение: «Что себе думают коммунальщики, отчего дороги никто не чистит, где снегоуборочная техника и почему в Канаде умеют решать такие проблемы, а у нас нет?» Этот последний этап – самый долгий, и в конце переходит в недовольное ворчание, которое уже идет фоном. Время от времени недовольство выплескивается в «Дейли мейл» в виде заголовков типа «Иммигранты съели мой снегоочиститель». Это продолжается до тех пор, пока погода не придет в норму. К счастью, на этот раз тема снегопада муссировалась недолго: власти отвлекли внимание прессы, выявив источник распространения кишечной палочки – им оказалась палатка на рынке Уолтемстоу.

Плюсовая температура и отсутствие свежего снега превратили дороги в реки бурой слякоти. Я вроде даже приноровился вести по ним машину, стараясь ехать как можно медленнее и при этом держать максимальную дистанцию в потоке. Пробок не было, и я мог спокойно пересечь мост Воксхолл, но для верности решил-таки ехать через Овал и по Брикстон-роуд. Не въезжая в сам Брикстон, мы повернули на Вилла-роуд, которая огибает с севера Макс Роуч Парк. В парке еще белел снег и кое-где возвышались бесформенные сугробы – останки снеговиков. Мы остановились на обочине, и Лесли указала на особняк дальше по улице.

– Нам туда, – сказала она.

Особняк с цокольным этажом и квадратными эркерными окнами принадлежал к концу Викторианской эпохи. Небольшая и узкая парадная дверь обеспечивала, видимо, иллюзию красивой городской жизни новому поколению низов среднего класса. То есть тем, чьи дети или внуки все равно переберутся на окраины.

На куске картона, покоробившемся от сырости, была нарисована стрелка. Она указывала на лестницу вниз, на цокольный этаж.

Очевидно, этим входом пользовались поставщики. Эркерные окна были зашторены. Мы остановились и прислушались, но изнутри не донеслось ни звука.

Я позвонил в дверь.

Почти минуту мы ждали, отступив на пару шагов, чтобы талая вода с козырька не капала на головы. Потом дверь открылась. На пороге стояла белая девица с ярко покрашенными губами и в мешковатых штанах на подтяжках.

– Вам чего?

– Мы пришли скосить траву, – назвал я пароль.

– Окей. Входить нельзя с мотошлемами, мечами, копьями, под обольщающими чарами. И в масках, – добавила она, показывая на Лесли, – тоже нельзя. Извините.

– Подождешь в машине? – спросил я.

Лесли покачала головой и расстегнула маску.

– Готова спорить, ты рада от нее избавиться, – сказала девушка и повела нас внутрь.

Квартира оказалась грязная и обшарпанная, в цокольных этажах часто такие бывают. Кухонная техника была современная, а мебель сплошь из «Хабитат», но низкий потолок и тусклый свет все равно создавали впечатление нищеты и убожества.

Проходя мимо гостиной, я заглянул туда и увидел, что вся мебель аккуратно сдвинута к дальней стене. Толстые электрокабели выползали из комнат, змеились по коридору. В целях безопасности они крепились к полу изолентой и пластиковыми зажимами.

Чем ближе мы подходили к черному ходу, тем теплее становилось. К тому моменту, когда девица протянула руку за нашей верхней одеждой, мы успели выпутаться из курток и с готовностью сунули ей. Она унесла их в гостевую спальню, где стояло множество стеллажей с вешалками. И даже выдала нам использованные лотерейные билеты в качестве номерков.

– Вам надо выйти через кухню, – сказала она.

Мы двинулись в указанном направлении, открыли заднюю дверь и вдруг чудесным образом оказались посреди яркого осеннего дня. Весь сад за домом, вдоль и поперек, занимал каркас из деревянных перекладин. Он громоздился, словно строительные леса, до самой крыши. Его дощатый пол был поднят на полметра над землей.

Деревянные лестницы вели оттуда на «балконы», собранные из досок и реек. Вся конструкция располагалась вокруг большого дерева и снаружи была обтянута пологом из белого полиэтилена. Сверху лился мягкий солнечный свет, исходящий, как я позже узнал, от большого прожектора. Стало ясно, зачем нужны кабели.

Меж деревянных столбов каркаса тянулись ряды столиков на козлах, образуя по обеим сторонам сада импровизированные прилавки. Я подошел к ближайшему справа. Там продавались книги, в основном антикварные: библиографические редкости в твердых переплетах. Завернутые в прозрачную кальку, они лежали на горизонтальном деревянном стеллаже лицевыми сторонами вверх. Я взял посмотреть копию трактата «О вере и неверии в силы природные, людские и божественные» Мерика Касабона^[28], напечатанный в восемнадцатом веке. Она очень напоминала экземпляр, хранящийся у нас в библиотеке. По соседству обнаружилось еще кое-что знакомое – «*Exotica*» Эразма Вольфе, труд однозначно радикального толка, стянутый, судя по штампу, из Бодлианской библиотеки. Я полистал страницы, нашел и запомнил секретный код, чтобы сообщить профессору Постмартину. Положил книгу на место, поднял взгляд и улыбнулся торговцу. Это был молодой человек с огненно-рыжими волосами, прозрачными голубыми глазами и в твидовом костюме раза в два старше него самого. Он нервно отвел взгляд, когда я спросил, есть ли в наличии «*Principia*».

– Извините, – вежливо ответил он, – я сам никогда и не видел этой книги, только слышал о ней.

Я сказал: «Что ж, очень жаль» и отошел от лотка. Торговец врал, и еще он просек, что мы копы.

– Найтингейл был прав, – заметила Лесли, – это действительно назарет.

Даже сейчас, в эпоху «Ибей» и анонимных интернет-продаж с надежной системой защиты, безопаснее всего покупать и продавать краденое из рук в руки. Встречаетесь с тем, кого впервые видите, суете ему пачку наличных – и готово, вашу сделку никто и никогда не отследит. Вы его не знаете, он вас не знает, и дело за малым: найти место для встречи. Всякой торговле нужна площадка, и в Лондоне места, где торгуют краденым, с восемнадцатого века зовутся назаретами. Нелегальные товары, предлагаемые там, питают теневую

экономику: попадают на уличных базарах, в комиссионках, случайно оказываются в кармане у незнакомца в пабе. Таких незнакомцев много, они мотаются по городу, как пьяные банкиры в день выдачи премии. Чтоб найти хоть одного, надо знать людей, которые знают нужных людей. Словом, если где-то что-то с возу упало и пропало, оно может рано или поздно всплыть в назарете.

А здесь, несомненно, был назарет для весьма специфических товаров, которые возами не очень-то возят.

Соседний лоток, например, предлагал посмертные маски в римском стиле. Сделаны они были из такого тонкого фарфора, что, если поставить позади маски свечку, огонь буквально оживит полупрозрачное лицо.

– Есть кто известный? – спросил я у девицы в готичном прикиде, стоящей за прилавком.

– Есть, вот Алистер Кроули^[29], – указала она на соответствующую маску. – Это вот Красавчик Браммел^[30], а это Марат^[31] – ну, которого закололи в ванне.

Я поверил ей на слово – как по мне, все были на одно лицо. Но по маске Кроули таки пробежался незаметно кончиками пальцев. Ни намек на *вестигий*. Мошенник он и после смерти мошенник.

– Ой, слышишь? – спросила Лесли.

Я обернулся. Она стояла, склонив голову набок, и улыбалась.

– Музыка, – ответила она. – Кто-то играет «Селектер».

– Да? – равнодушно сказал я. Для меня один ска-коллектив от другого мало отличается.

– Ага. Папина любимая группа. Если дальше будет «*Too much pressure*», значит, они пошли по его любимым песням.

Но следующей была «*Too much too young*».

– «Специалз», – узнала Лесли. – Ну, почти угадала.

Мы прошлись по торговому ряду, но нигде не увидели ни керамики, ни каких-либо статуэток. Хотя я заметил колоду карт Таро, от которой исходил *вестигий*, способный как минимум год питать целое семейство призраков.

– Это как-то связано с нашим делом? – спросила Лесли, когда там тормознулся.

– Да нет.

– Тогда идем дальше.

– Куда?

Лесли указала наверх, на импровизированные балконы.

Я ухватился за лестницу и хорошенько пошатал ее. Она была приколочена намертво, как каталожный шкаф в отделе охраны труда. Я полез первым. Услышав, как Лесли позади меня охнула, обернулся и спросил, что случилось.

– Ничего, – ответила она, – лезь давай.

На следующем уровне располагался, очевидно, паб. Целый большой кусок стены разобрали, чтобы установить гидравлические домкраты. Между ними впили деревянную барную стойку, за которой трудились три девушки в черно-белых клетчатых платьях и с короткими стрижками в стиле Мэри Куант. В противоположном конце сада на нижние ветви дерева были накинута тонкие, искусно вытканые ковры и отрезки шелка. В результате получились маленькие уединенные шатры, где можно было посидеть на старых, потрепанных садовых диванчиках. Между баром и шатрами на разной высоте висело с полдюжины деревянных платформ. Каждая пестрела цветочными горшками и разноцветными пластиковыми стульями. Немногочисленные посетители, в основном белые, ничем не выделялись, но смотреть на них почему-то было трудно: они словно не хотели этого и сопротивлялись моему взгляду.

Внезапно раздался свист – протяжный, резкий, каким пастухи подзывают собак.

– По-моему, тебя кто-то хочет, – заметила Лесли.

Я посмотрел туда же, куда и она, – на шатер в самом дальнем конце сада. Оттуда нам приветливо махала рукой женщина с нарощенными серебристыми и ярко-голубыми прядями. Это была Эффра Темза. Высокая, нескладная, словно дерзкая девчонка, которую Вилли Вонка решил за что-то наказать, растянув в высоту. У нее было узкое лицо, пухлые губы и темные глаза со слегка вздернутыми внешними уголками. Удостоверившись, что мы ее заметили, Эффра прекратила махать, откинулась на спинку пластикового кресла и улыбнулась.

Платформы соединялись друг с другом деревянными настилами. Перил никаких не было, и доски опасно прогибались под ногами. Думаю, не надо говорить, что шли мы по этой конструкции очень неторопливо.

Рядом с Эффрой сидел чернокожий мужчина с суровым лицом и волевым подбородком. Когда мы подошли, он любезно поднялся со своего места и протянул мне руку. На нем был ярко-красный фрак с белоснежными отворотами и золотая цепь поверх черной футболки, заправленной в утепленные камуфляжные штаны.

– Меня зовут Оберон, – сказал он. – А вы, надо понимать, знаменитый констебль Грант, о котором я столько слышал.

Выговор у него был истинно лондонский – но глубже, чище, чем у обычных лондонцев. Традиционной, что ли.

Я пожал ему руку. Ладонь была широкая и мозолистая. Короткой вспышкой мелькнули ощущения: запахи пороха и вроде бы сосновой хвои, крик, страх, бурная радость. Оберон тем временем переключился на Лесли.

– А вы не менее знаменитая констебль Мэй.

С этими словами он взял руку Лесли и вместо того, чтобы пожать, поднес к губам. Умеют же некоторые вести себя с женщинами! Я поймал взгляд Эффры – она сочувственно закатила глаза.

Когда Оберон закончил приветствовать Лесли, я представил ее Эффре Темзе. Богине реки Эффры, рынка Брикстон и пекэмского отделения Общества чернокожих косметологов.

– Посидите с нами, – улыбнулась Эффра, – выпьем чего-нибудь.

Колени подогнулись сами собой, меня словно качнуло к пластиковым стульям. Но так вышло, что остальные сестры Темза, так их растак, уже успели по очереди опробовать на мне свои чары, и я привык. Поэтому сейчас наваждение рассеялось почти сразу. Я придвинул стул для Лесли, которая как-то странно на меня покосилась. Оберон лукаво улыбнулся и отхлебнул пива.

– Не спорю, гадкую она взяла привычку, – заметил он, не обращая внимания на сердитый взгляд Эффры, – ну да с молодежью всегда так.

Мы сели напротив них.

– Я угощу вас выпивкой, – сказал Оберон, – и даю клятву воина: это угощение не налагает на вас и ваших сородичей никаких обязательств.

Сказав это, он щелкнул пальцами, и тотчас же одна из официанток направилась к нам.

– Но, – добавил он, – следующую порцию ставишь ты.

Официантка легко, ни разу не глянув вниз, перепорхнула по доскам к нам. А в босоножках на высоких каблуках это очень непросто. Оберон заказал три бутылки «Макс» и одну «Перье».

– Флит сказала, у вас внезапно проснулся интерес к высокому искусству, – сказала мне Эффра. – Она была просто в шоке, увидев вас на выставке вчера вечером. Тут же позвонила мне и давай трещать. Долго не могла успокоиться.

Увидев, как вытянулось мое лицо, она засмеялась.

– Вы что же, думали, у нас тут Юг против Севера? Что мы с ней враждуем и не общаемся? Да она же моя сестра. Я ее читать учила.

Нравятся мне Реки, что у истока, что в приливной зоне. Они очень любят поговорить и, если думать головой и держать язык за зубами, рано или поздно сболтнут что-нибудь действительно важное.

– И вот вы здесь, – резюмировала Эффра, – в моей вотчине. В моих владениях.

Я пожал плечами.

– Это все, – набычилась Лесли, – наши владения. Весь этот гребаный город.

Что собиралась ответить Эффра, мы так и не узнали – официантка принесла напитки. Три коричневые бутылки и одну зеленую.

– Вам понравится это пиво, – пообещал Оберон. – Его варят на одной маленькой частной пивоварне в Штатах, а сюда возят только по одному ящику зараз.

– Сдачу оставьте себе, – сказал он официантке, протягивая полтинник. И добавил, снова обращаясь к нам: – Правда, оно чертовки дорогое.

– А вы что же, король эльфов? – поинтересовался я.

– Да нет, – засмеялся Оберон, – это мой наставник мнил себя человеком Просвещения и вообще большим эрудитом и потому назвал меня Обероном. В те времена это было модно: моих приятелей звали Кассиус, Брут, Феб – этот и вправду был прекрасен как рассвет. Ну и, конечно, Титус, как же без него.

В восьмом классе на истории нам рассказывали про «Средний путь»^[32], поэтому имена рабов я узнал. Хлебнул пива – оно оказалось густое и пряное и, насколько я понял, при подаче должно быть комнатной температуры.

– А где вы учились? – спросил я.

– В Нью-Джерси, – ответил Оберон, – когда был ковбоем.

– А когда вы были ковбоем?

– Что вас сюда привело? – перебила Эффра, так глянув на Оберона, что даже он счел за благо замолчать. Я солидарно подмигнул, он чуть приподнял уголки губ, но улыбнуться все же не рискнул.

Я хотел было сказать ей пару ласковых, но видел: еще чуть-чуть, и Лесли огреет меня по голове, чтобы не отвлекался. А поэтому достал фотографии статуэтки и миски, показал Эффре с Обероном.

– Нам нужно выяснить происхождение этих вот вещичек.

Эффра сощурилась на снимки.

– Миска, похоже, ручной работы, а статуэтка – девятнадцатого века, реплика флорентийской Афродиты. Автор – кто-то из этих талантливых итальянских геев, все время забываю имя. Но не слишком знаменитый. Хорошая работа, но и только. Я видела оригинал в Академии изящных искусств во Флоренции. Да что ж такое, как его звали-то?

– А почему не вы, а Флит ходит по картинным галереям? – удивился я.

– Флит выступает с обзорами на радио, но если кто из нас двоих и получил диплом по истории искусств, так это я, – ответила Эффра.

– Но мы помним: никакой вражды или соперничества, – вставил Оберон.

– Да я туда поступила только из-за мамы – она в свое время заставила каждую из нас получить высшее образование. А из всех специальностей история искусств была самой легкой, – пояснила Эффра, – к тому же один год предстояло учиться в Италии.

– Познакомились там с каким-нибудь бурным итальянским потоком? – спросил я.

– Нет, – лукаво улыбнулась Эффра. – Но на южном побережье у каждого пляжа и бухты есть свой дух. На мотороллере Веспы, с фигурой Адониса и голосом, какой мог бы быть у Роберта де Ниро, если б он родился не в Нью-Йорке, а в Италии. Церковники никогда толком не добирались до носка сапога – Христос, понимаете, остановился в Эболи^[33].

Я обратил внимание, что выговор Эффры «гуляет», то опускаясь, то поднимаясь по классовой шкале.

– Давайте по делу, – потребовала Лесли.

– Я вроде видел похожие миски у Билов, – сказал Оберон. – Они назывались то ли «Императорская глина», то ли «Императорская керамика». В рекламе говорилось, «не бьются и идеально подходят для дарджилинга и африканского темного кофе».

– Вам нужна Гиацинт, – перебила его Эффра, – статуэтками торгует она.

– Где найти эту Гиацинт? – спросил я.

Оказалось, так звали готичную девицу, которая продавала посмертные маски. После того как мы выпили пива наверху, отношение окружающих к нам заметно изменилось. Теперь уже все торговцы знали, что мы копы. Посетители тоже – их, кстати, ощутило прибавилось. Однако никто не смотрел на нас косо и не хамил – наоборот, мы шли, окутанные тишиной, словно непроницаемым пузырем. Все торопливо умолкали, стоило нам приблизиться. А вообще мы даже любим косые взгляды и хамство, ведь когда человек злится, он плохо следит за своим языком. Поэтому, прежде чем спрашивать Гиацинт о статуэтке, мы показали ей удостоверение.

– Таким, как вы, сюда нельзя, – заявила она.

– Тогда давайте свой адрес, мы приедем к вам, – предложил я.

– Или, – добавила Лесли, – будем ждать вас в участке для дачи показаний.

– Вы не можете меня заставить, – помотала головой Гиацинт.

Я обернулся к Лесли.

– Как думаешь, можем?

– Торговля без лицензии, – она начала загибать пальцы, – незаконное проникновение в частное владение, скупка краденого, вызывающий макияж в общественном месте.

Гиацинт открыла было рот, но Лесли подалась вперед и склонилась над прилавком, так что ее изуродованный нос почти коснулся носа торговки.

– Ну, давай, – прошипела она, – ляпни что-нибудь про мое лицо.

Кодекс полицейского гласит: всегда поддержи напарника перед лицом общественности, даже если напарник «идет вразнос». Поддержи – но в разумных пределах.

– Слушай-ка, Гиацинт, – включил я «адекватного копа», – один чувак купил тут статуэтку, и его убили. И теперь мы проверяем, связаны ли эти два факта между собой. Клянусь, больше нам ничего не

надо. Поэтому если что-то знаешь, просто скажи, и мы тут же уберемся с глаз долой.

Гиацинт вздохнула и обреченно подняла руки.

– Я ее у Кевина купила.

– У какого Кевина? – спросила Лесли, а я уже писал в блокноте заглавную Н, когда Гиацинт подтвердила мою догадку.

– У этого козла, Кевина Нолана.

– А он сказал, где ее взял? – спросила Лесли.

– Да кто ж станет рассказывать, где берет товар, – пожалала плечами торговка, – а если и станет, то наверняка соврет.

– Так что тебе сказал Кевин Нолан? – повторил я вопрос.

– Он сказал, она из Мордора.

– Откуда-откуда? – нахмурилась Лесли. – Из Мордона? Или из Мертона?

– Да нет же, из Мордора, – поправил я, – ну, «где вековая тьма». Это из «Властелина Колец».

– Там еще вулкан был?

– Точно, – сказали мы с Гиацинт в один голос.

– Значит, товар вряд ли оттуда, – заключила Лесли.

Я уже готов был выдать еще что-нибудь выпендренное, но тут мы вдруг ощутили, как сработал капкан для демона.

Меня буквально передернуло от нахлынувших ощущений. Как будто мачете с хрустом вонзилось в мертвую плоть, как будто откусил яблоко, а съел червяка. Как будто в первый раз увидел труп.

Последний раз я чувствовал что-то подобное, оказавшись в полуразрушенном, но некогда шикарном «Стрип-клубе Доктора Моро», когда Найтингейл выполнял свою привычную работу – обезвреживал СВУ^[34]. Теперь же импульс был такой силы, что я аж обернулся, физически ощутив, откуда он идет. И не только я: обернулось по крайней мере еще две трети назарета, включая Гиацинт. Уверенности не было, но внутри все сжалось от мысли, что они смотрят туда, за реку, в сторону Сити и Шекспир-Тауэра. Туда, куда отправился Найтингейл побеседовать с Вудвилл-Джентлом.

– Капкан для демона! – прошептал кто-то.

– Капкан... капкан для демона... – зашелестело по саду.

И тут все как один устремили взгляды на нас с Лесли.

– Что, – бросила она, с трудом скривив в усмешке изуродованные губы, – теперь-то вы рады полиции?

12. Барбикан

Когда нужно куда-то доехать быстро, надо включать мигалку и сирену. Да-да, совсем как в кино. Включаешь сирену, крепишь проблесковый маячок – и все нормальные водители спешат убраться на хрен у тебя с дороги. Правда, в кино не показывают, что мигалка то и дело падает с крыши и в итоге болтается на проводах за пассажирским окном. Или что впереди всегда едет кто-то, уверенный, что ПДД придумали не для него. Что угодно может оказаться у тебя на пути – и хорошо, если просто кусок стекла, груда картонных коробок или непонятно откуда взявшийся овощной ларек. На Бороу Хай-стрит я чуть не въехал сзади в «БМВ» и лихо обошел «Тойоту» с наклейкой «Осторожно, слепой водитель!» на заднем стекле. На Лондонском мосту мы уже ускорились до шестидесяти миль в час. В пробке внезапно образовался просвет, и мы ехали над свинцово-серой Темзой, словно в оазисе тишины и покоя.

Поскольку я выбрал маршрут через Мургейт, мы не видели Шекспир-Тауэр, несмотря на ее высоту, пока не добрались до Чизвелл-стрит. Не знаю, что я ожидал увидеть – кучи битого стекла, кружащие в воздухе клочки бумаги? Зияющую дыру в стене? Должно же быть хоть что-то, ведь взрыв мы почувствовали за шесть километров отсюда. Но пока снаружи даже копов не было. Только на подземной парковке мы обнаружили минивэн полиции Сити. Подошли к нему, и оттуда вылез сержант в форме.

– Грант и Мэй? – уточнил он.

Мы показали удостоверения. Он сообщил, что нас ждут и что Найтингейл сказал, мы сами найдем дорогу.

– Он в порядке? – спросил я.

– С виду вроде да, – ответил сержант.

Мы с Лесли, будучи не только копами, но и истинными англичанами, сумели не подать виду, какой камень свалился у нас с души. Мадам Тенг бы оценила.

– Только без шума, – предупредил сержант. – Эвакуацию пока не планируем, так что хорошо бы избежать паники.

Мы послушно кивнули и направились к лифтам. По пути заметили очень знакомый красный минивэн «Фольксваген» с маркировкой лондонской пожарной службы. На боку у него была надпись: «Отдел расследования пожаров».

– Стало быть, Фрэнк Кэффри тоже здесь, – заметил я.

Фрэнк Кэффри – бывший десантник, наше контактное лицо в Пожарной службе. И, при необходимости, командир вооруженного отряда Безумия. Или исполнитель внесудебных казней – зависит от того, с какой стороны оптического прицела смотреть.

Он уже ждал нас на этаже: высокий, массивный, со сломанным носом, темными волосами и обманчиво мягким взглядом голубых глаз.

– Питер, – кивнул он, – Лесли. Быстро добрались.

В коридоре криминалисты развернули филиал исследовательской лаборатории. Кэффри сказал, им сильно повезло: остальные две квартиры пусты, жители разъехались на рождественские каникулы.

– Одни в Кейптаун, – пояснил он, – другие в Сен-Жерве-Монблан. Живут же некоторые, а? Но это нам на руку, иначе, вероятно, пришлось бы эвакуировать весь дом.

По словам Фрэнка, если эвакуировать не весь, оставшиеся будут возмущаться, что их бросают на произвол судьбы. Но вот если на всякий случай объявить всеобщую эвакуацию, добрая четверть жильцов из принципа откажется покидать квартиры. А еще пришлось бы искать им всем временное пристанище и вдобавок регулярно кормить-поить.

– Но все равно ведь придется, разве нет? – спросил я, надевая защитный костюм.

– Ваш шеф утверждает, там больше нет взрывных устройств, – ответил Фрэнк, – для меня этого довода достаточно.

Вот бы и для меня было достаточно, подумал я.

– Он объяснял когда-нибудь, что за штука этот капкан для демонов? – спросила Лесли.

– Я так понял, это что-то вроде магической мины, но он никогда не говорил, как они действуют. Опять, наверно, какая-нибудь дрянь четвертого порядка.

– Не выше второго, уверяю вас, – возразил Найтингейл, показавшись в дверном проеме. – Сделать такой капкан может любой дурак. А вот чтобы его разрядить, нужно мастерство.

Он кивком велел следовать за ним, и мы вошли в квартиру.

Там было еще душней, чем в прошлый раз, и сильно воняло тухлой рыбой.

– Это что, настоящий запах? – поморщился я.

– Боюсь, что да, – ответил Найтингейл, – кто-то оставил лосося на кухонном столе. Один талантливый парень из группы криминалистов установил, что рыба лежит там с вечера понедельника.

– И значит, смылись они сразу после нашего визита, – заключила Лесли.

– Именно, – кивнул Найтингейл.

Книжные полки в коридоре выглядели немного иначе, нежели в прошлый раз.

– Книги стоят не по порядку, – сказал я. – Пенгвиновские перемешаны с обрайановскими.

Кто-то достал с полки все книги, а потом стал запихивать обратно. Он торопился и ставил их как попало. Хотя нет, все было даже проще.

– Кто-то достал стопку пенгвиновских книг и стопку обрайановских, – сказал я, – а когда ставил обратно, поменял местами.

Я снова вынул стопку, стоящую не на своем месте. За ней было пусто. Достал другую – тоже ничего. Ну естественно, если там что и было, это забрал тот, кто трогал книги. А вдруг он так спешил, что забыл об осторожности? Я начал вытаскивать книги по одной и заметил между ними что-то белое. Это оказался одноразовый шприц на пять кубиков. Пустой, но с отломанной пломбой на колпачке. Я снял его и понюхал иглу. Она слабо пахла каким-то лекарством. Значит, использованный, подумал я и с гордостью продемонстрировал находку остальным.

– Ну, она же сиделка, – пожала плечами Лесли, – возможно, колола ему то, что назначил врач.

– Тогда зачем прятать шприц за книгами? – возразил я. – Не слишком безопасно. Стало быть, положила так, чтобы можно было быстро достать.

– Полка верхняя, – заметила Лесли, – с инвалидного кресла точно не дотянешься. Значит, оставила не для него.

Я снова принялся – без толку.

– Может, снотворное? Вдруг эта русская сиделка не просто ухаживала за ним?

С этими словами я положил шприц на прежнее место. Лесли кивнула мне за спину. Обернувшись, я увидел, что в коридоре позади нас несколько криминалистов в защитных костюмах методично вытаскивают книги с полок и тщательно просматривают все пустоты за ними.

– Ты же понимаешь, что они его все равно бы нашли, – сказала Лесли.

– Нельзя во всем рассчитывать на специалистов, – пожал я плечами.

– Золотые слова, – заметил Найтингейл.

– А мы, по-твоему, не специалисты? – возмутилась Лесли.

– Мы – другое дело, – ответил я. – Нас нельзя заменить.

Чтобы попасть в гостиную, пришлось еще немного подождать, пока они там закончат. Найтингейл, конечно, законсервировался в прошлом веке, но как человек, умеющий распознать магическую пулю, очень интересуется современной криминалистикой. Что такое ДНК, он, конечно, понимает весьма туманно, но идею следовых улик схватил быстро, а остальное принимает на веру.

Как-то раз я пытался объяснить ему принцип геномной дактилоскопии, но обнаружил, что сам в нем плаваю. Биология-то мне понятна, а вот от всяких вероятностных расчетов мозги кипят. Всегда я с этим мучился. Что ж, ученый из меня, мягко говоря, не получился бы.

Когда криминалисты наконец убралась, Найтингейл привел нас в гостиную и показал выжженный участок ковра, огороженный синей полицейской лентой, какую обычно растягивают на месте происшествия. И стикеры с номерами, расклеенные по всей комнате.

– Я вызвал вас обоих, – сказал наставник, – чтобы научить работать вот с этим. Сейчас, пока *вестигий* еще мощный и его легко распознать.

Он велел нам закрыть глаза и ни о чем не думать. Это, понятное дело, невозможно, однако именно в потоке бессвязных мыслей порой и проявляется неведомое. Так и случилось – *вестигий* ворвался мне в голову отчаянным, яростным воплем. Почти человеческим, и все же не вполне. Так бывает, когда коты орут и дерутся ночью под окном, а тебе спросонья кажется, что это человек кричит. Разумеется, если ты не

работаешь в полиции – здесь очень быстро учишься отличать одно от другого.

– Я слышал крик, – заметил я.

– Это был призрак? – спросила Лесли.

– Можно и так сказать, – уклончиво ответил Найтингейл.

– А может быть, демон? – предположил я.

– Не в библейском значении, – сказал наставник, – то есть не падший ангел. Но можно считать эту сущность духом, доведенным до состояния лютой злобы.

– Каким же образом? – спросил я.

– Если какое-то несчастное существо замучить до смерти, – ответил Найтингейл, – и в момент, когда дух покидает тело, заключить его в ловушку.

– Боже, – поежился я, – призрак, превращенный в оружие?

– Это немцы придумали, да? – спросила Лесли.

– Не то чтобы придумали, – ответил Найтингейл, – скорее усовершенствовали. Мы полагали, это очень старая технология, она зародилась на Скандинавском полуострове еще в первом тысячелетии.

– Викинги, – догадалась Лесли.

– Верно, – кивнул Найтингейл. – Кровожадные, но в некоторых вопросах до странности сведущие.

Ну логично, подумал я, если учесть какие там ночи зимой. Ибо когда пьянство, мордобой и свальный грех себя исчерпают, со скуки остается только пытаться кого-нибудь до смерти.

Найтингейл протянул мне палочку.

– Я попрошу вас легонько постукивать по ковру в разных местах, чтобы определить местоположение устройства, – сказал Найтингейл. – А Лесли будет его отмечать, – добавил он, протягивая ей кусочек мела.

Палочка длиной сантиметров тридцать была покрыта шишковатой корой. Такую хорошо таскать с собой по лесу, гуляя с мелкой надоедливой собачонкой.

– Высокие, однако, технологии, – заметил я.

Найтингейл строго посмотрел на меня.

– Древесина подходит идеально, – сказал он. – Чем она моложе и свежее, тем лучше. Если есть возможность, следует отломить ветку от молодого дерева. Это сильно снизит вероятность взрыва.

У меня пересохло во рту.

– Но он... он ведь не может взорваться? Вы же его обезвредили, да?

– Не совсем обезвредил, – сказал наставник, – скорее разрядил и рассеял волну. Считайте, что это был контролируемый подрыв.

Ну да. И мы его «услышали» аж на другом берегу, в Брикстоне.

– Но сейчас-то она безопасна? – переспросил я.

– Возможно, – сказал Найтингейл, – но на моей памяти такие устройства нередко состояли из двух компонентов. Первый имел целью нанести основной ущерб, а второй – уничтожить прибывших спасателей или медиков.

– Так что будь осторожнее, – попросила Лесли.

Я ткнул ковер палкой достаточно далеко от выжженного участка, просто чтобы почувствовать сам пол – бетонный и, видимо, поверху выложенный теплоизолятором. Я начал «прощупывать» его по направлению к центру, и скоро палка стукнула во что-то однозначно металлическое.

Я замер.

– Найдите край, – велел Найтингейл.

Я заставил себя отступать назад, пока палка вновь не застучала по бетону. Лесли мелом отметила, где он начинается, и я двинулся по кругу, нащупывая границы металлического объекта. Они вроде бы совпадали с выжженным кругом на ковре, но Найтингейл сказал, в таком деле нужно все проверять до мелочей. Как только мы определили, что вне круга не расположено никаких взрывателей, Найтингейл протянул Лесли складной нож «Стенли». Она аккуратно вырезала квадратный кусок ковра и отложила в сторону.

Капкан для демонов представлял собой металлический диск размером со стандартный полицейский щит. Тускло-серебристый металл напоминал нержавеющей сталь. В его центральной части были насечены две окружности, одна рядом с другой. Одну заполнял мелкий блестящий песок, который живо напомнил мне, что магия делает с микропроцессорами.

– Думаю, первый компонент – вот этот круг, пустой, – сказал я.

– Отлично, Питер, – кивнул Найтингейл.

– И соответственно, вот второй, целый.

– Такие устройства мы и называем двойными.

– А что тут написано с краю? – спросила Лесли, показывая пальцем.

Я глянул – по самому краешку диска и правда тянулась вязь каких-то знаков. Найтингейл пояснил, что раньше на капканах для демонов часто находили рунические надписи. Считалось, что в оригинальной скандинавской технологии руны тоже были частью заклятия.

– Как у даосов? – спросил я.

– Возможно, – сказал Найтингейл. – Сравнительная теория магии – дисциплина, которая находится пока в зачаточном состоянии.

Фирменный найтингейловский подкол, означающий «кроме вас, до этого никому нет дела».

– Мы потратили много времени и сил на перевод рунических надписей, а в итоге получили в основном оскорбительные посылы – например «Сдохни, английская свинья». Некоторые, впрочем, были весьма двусмысленными. Из них мне больше всего нравилась фраза «Это неэтичный аргумент». И конечно, был один неизвестный мастер, который оставлял подпись «С приветом из Эттерсберга».

– Что это означало?

– «Придите и избавьте меня от мук», – ответил наставник. – По крайней мере, мы так полагали. Они призвали в свои ряды множество адептов магии со всей Европы. Многие так и не смогли смириться с тем, что их заставляли делать. Кто-то покончил с собой, кого-то сразила странная болезнь: они просто прекращали есть и угасали. Другие были крепче духом – эти устраивали диверсии, пытались связаться с внешним миром в отчаянной надежде, что их услышат.

– Но ведь кто-то же услышал, – сказал я.

– Да, – кивнул Найтингейл, – мы.

Тут я узнал наконец буквы: рунами они не были.

– Эта надпись на эльфийском языке.

– Очень сомневаюсь, – покачал головой наставник.

– Не настоящих эльфов, – пояснил я, задумавшись на миг, существуют ли они, – а толкиеновских, из «Властелина Колец». Он, когда книгу писал, придумал целый язык и разработал алфавит.

– Народ, это все, конечно, очень интересно, – вклинулась Лесли, – и я просто обожаю торчать рядом со всякими убойными штуковинами,

но вообще-то кушать хочется. Так что давайте поскорее разберемся с этим СВУ.

– СДУ, – поправил я, – самодельное демоническое устройство.

– Да не похоже на самодельное, – возразила Лесли. – Наоборот, изготовил явно мастер. И явно на заказ.

– Сперва закончим, – сказал Найтингейл.

Лесли явно злилась, но решила промолчать.

– Заряд первого компонента, – Найтингейл показал на пустой диск, – должен был сработать на любой магический импульс в этих стенах. Думаю, его нарочно «взвели», чтобы уничтожить кого-то из вас, когда вы вернетесь. Но, к счастью, на вашем месте оказался я и успел сдержать и рассеять взрывную волну.

– А если бы не успели? – спросил я.

– Разумеется, взрывом бы меня убило, – ответил Найтингейл, – и вместе со мной всех, кто находился бы в квартире. Весьма вероятно также, что с жизнью распрощались бы все в радиусе двадцати ярдов от дома.

Я уже открыл рот спросить, каким образом, но Лесли возмущенным взглядом заставила меня молчать. Как же все-таки красноречивы эти голубые глаза!

– Но, к счастью, это здание современное, и к тому же из бетона, – продолжал Найтингейл.

– Оно недостаточно старое, чтобы напитаться *вестигиями*, а бетон очень хорошо их поглощает. Я намерен загнать демона в эти стены, он будет уходить гораздо медленнее, чем первый. Само заклинание будет очень быстрым, вы не успеете отследить. От вас же требуется уловить сущность демона. Возможно, так у нас получится определить его происхождение.

Глубоко вздохнув, Найтингейл протянул руку над диском, выбросив вперед два пальца. Движение было странноватое, какое-то даже религиозное. Пальцы зависли в паре миллиметров от диска.

– Ощущения могут быть довольно неприятными, – сказал он и коснулся диска.

Слабо сказано, черт возьми. Охренеть как слабо сказано.

Нет, нас не вывернуло наизнанку, мы не упали в обморок и не разрыдались. Но ко всему этому были очень близки.

– Что скажете? – спокойно спросил менее впечатлительный Найтингейл.

– Собака, сэр, – сдавленным голосом ответила Лесли. – Отвратная зверюга типа питбуля или ротвейлера.

Второе взрывное устройство тоже превратилось в горстку песка. Какую-то часть моего сознания снесла вопрос: не эта ли сила уничтожила столько моих телефонов? А другая часть истерично верещала, что мяса я в жизни больше не возьму в рот.

Был запах крови, была боль и безумное, яростное торжество. Были бетонные стены и подстилка из гнилой соломы. А потом все это начало угасать, рассеиваться – так бывает, когда после пробуждения блекнут ночные кошмары и чувствуешь, как комок ужаса где-то в животе потихоньку тает.

– Собачьи бои, – сказал я.

Поднялся на ноги, правда, не слишком уверенно, потом помог встать Лесли. Найтингейл резко выпрямился. Я никогда еще не видел у него в глазах такой ярости.

– Он использовал собаку, – процедил наставник. – Не знаю, что может оправдать подобные методы.

– Ну, на этот раз хоть не человека, – возразила Лесли.

– А можно взять образец? Это безопасно? – спросил я.

Найтингейл разрешил. Криминалисты, похоже, вообще ничего не почувствовали. Я взял у них пару пакетов для образцов и расфасовал песок из обоих дисков. Затем включил телефон, сфотографировал надпись с краю. И спросил:

– А немцы использовали для этого собак?

– Если и да, нам об этом неизвестно, – ответил Найтингейл. – Впрочем, у них был неограниченный запас человеческого материала.

– Как по-вашему, он связан с Безликим? – спросил я.

– О, я полагаю, мы имеем дело с магом номер один, – сказал Найтингейл. – По возрасту как раз он мог обезглавить Ларри Жаворонка и основать заведение в Сохо.

– Он выглядел так, словно перенес инсульт, – сказала Лесли, – возможно, переборщил с магией. Понятно, почему залег на дно.

Безликий, с которым столкнулся я и который безуспешно гонял меня по крышам в Сохо, был молод. Лет тридцати с небольшим. Если Вудвилл-Джентл по болезни отошел от дел в семидесятые, когда его

преемник еще пешком под стол ходил, то логично, что в их деятельности возник такой перерыв. Найтингейл с этим согласился.

– Но хотелось бы все же выяснить, что их связывает, – сказал он.

– Да что угодно, – отозвался я. – Возможно, Безликий его родственник. Или ученик. Или просто тип, которого он случайно подцепил на автобусной остановке.

– Последний вариант, думаю, можем исключить, – сказал наставник.

– Но теперь-то хотя бы одного из двух мы знаем, – напомнила Лесли. – Можем найти его медицинскую карту, проверить регистрацию его русской сиделки, исследовать шприцы, отследить платежи, которые отсюда проводили. У нас, в конце концов, есть его имя! От этого и будем плясать.

– Плясать будем очень, очень осторожно, – строго сказал Найтингейл. – Я абсолютно уверен, что капкан установили на вас с Питером, и, вернувшись сюда, вы погибли бы. Информацию по нему вы, конечно, проверяйте, но отныне все встречи с потенциальными Крокодилчиками будут проходить только в моем присутствии. Вам понятно?

Мы с Лесли не имели ничего против подобной смены тактики. Мало что подпитывает инстинкт самосохранения лучше смерти, которой чудом сумел избежать. Найтингейл, прекрасно понимая, что мы под впечатлением, отправил нас домой. Но я пока не был готов вернуться в тишину и сумрак Безумства.

– А пошли в паб, – предложил я в лифте. – А то уже сто лет не пили вместе.

– И почему, интересно? – отозвалась Лесли, постучав ногтем по маске возле рта.

– Ой, да ладно. Возьмешь соломинку.

Ну разве можно было отказаться?

– Куда пойдём-то? – спросила она, когда мы втопили по набережной Виктории.

– В «Эй Би Локал», куда ж еще.

Лесли аж вздрогнула.

– Ну ты и скотина.

– Они переживают, – сказал я. – Хотят узнать, как ты. Рано или поздно тебе все равно придется... встретиться с ними.

– Лицом к лицу, ты хотел сказать?

– Именно лицом, – кивнул я, – и именно к лицу. Но самое главное, мы с тобой весь вечер будем пить бесплатно.

13. Слоун-сквер

Так уж повелось: работаешь в полиции – значит, выпиваешь. Если ты, конечно, не констебль Гулид. В ее случае работать в полиции – значит терпеть пьяных соратников. Такая жизнь начинается, когда становишься констеблем и выходишь патрулировать улицы. За двенадцатичасовую смену добрые горожане так вынесут мозг, что потом его обратно не вставишь без стимуляторов. Если б у нас легализовали марихуану, копы моего возраста после смены первым делом забивали бы нехилый косяк. Но поскольку трава запрещена, мы ходим в пабы. Я успел выхлебать первую пинту, когда вспомнил, что вообще-то приехал на машине и, следовательно, сегодня моя очередь благородно воздерживаться.

«Эй Би Локал» – классический викторианский паб, которому едва удается сохранить свою историчную атмосферу благодаря исключительному везению и удачному расположению вдалеке от оживленной дороги. Он не то чтобы всегда забит копами, но любой, кто вздумал бы затеять тут драку или стащить у кого-то бумажник, огреб бы серьезные проблемы. Рядовых копов можно отличить по костюмам из «Бартона» и «ДиСи», в то время как старшие по чину щеголяют в шитых на заказ. Не только потому, что могут себе это позволить, – они надеются, дорогую одежду будет жалко заливать различными биологическими жидкостями.

В конце барной стойки в кругу подчиненных восседал Сивелл. Он поил их, абсолютно уверенный, что бдительная и мудрая инспектор Стефанопулос держит расследование в своих надежных руках. Заметив Лесли, он поманил ее к себе. Я двинулся было следом, но Сивелл предостерегающе поднял палец. Лесли всегда была его любимицей. Мне же он пустил по стойке одну-единственную кружку пива. Ну, хоть что-то для начала.

Ко мне подседа темноволосая белая девушка-констебль, имени которой я не помнил. За ней хвостом приплелся констебль Кэри. Она поинтересовалась, правда ли, что я служу в Безумстве. Когда я кивнул, она спросила, действительно ли магия существует.

Я объяснил, что в мире вообще много очень странной фигни, но колдовство, заклинания и все такое прочее – это сказки. Такой ответ я взял на вооружение с тех пор, как легкомысленно проболтался Эбигейл, юной и талантливой охотнице за привидениями, а она поверила и запомнила.

– Жалко, – вздохнула она, – всегда считала, что наша жизнь могла бы быть и поинтереснее.

Вскоре она отчалила, и Кэри уныло выплыл в дверь следом за ней, как забытый воздушный шарик. Если она отпустит этот шарик и он улетит, ей будет грустно, подумал я.

Оглянувшись на Сивелла: он развлекал Лесли. В руке у нее был высокий стакан с каким-то разноцветным алкогольным коктейлем. Из него торчали бумажный зонтик и изогнутая соломинка, на ободке виднелась лимонная долька. Удостоверившись, что она не скучает, я решил не упускать возможности выяснить что-нибудь новое по нашему делу.

Есть три основных способа получить актуальную информацию о ходе расследования. Первый: заходишь в ХОЛМС и методично просматриваешь журнал заданий, изучаешь показания свидетелей, заключения криминалистов – в общем, растекаешься по следственному древу, скрупулезно исследуя каждую веточку. Этот способ хорош, если компьютер с выходом в ХОЛМС есть дома: можно работать под пиво с пиццей. Второй способ – когда вашу следственную группу собирают за рабочим столом и заставляют каждого отчитываться по действиям. Часто с помощью маркерной доски или, если сильно не повезет, презентации и проектора. Главный плюс: если ты старший следователь, то одного взгляда в глаза подчиненным тебе хватит, чтобы понять, говорят ли они что дельное или гонят пургу. А минус в том, что через полчаса после начала любой участник рангом ниже суперинтенданта начнет впадать в прострацию.

Третий же способ узнать что-то от следственной группы – поймать ее в пабе. У эдакой «засады», помимо пива и орешков, есть огромный плюс: в пабе никто не захочет говорить о работе. Коллеги в двух словах выложат все, что знают по делу, только бы ты поскорее от них отстал. В итоге не будет жути вроде: «Транспортная служба совместно с полицией Сити провела оценку видеозаписей на всех возможных точках доступа, и, несмотря на расширение списка

проверяемых камер вплоть до незарегистрированных, нам еще предстоит отследить перемещения Джеймса Галлахера до момента его попадания на станцию “Бейкер-стрит”». А будет простое: «Мы проверили все камеры в подземке, этот придурок будто со звездолета “Энтерпрайз” туда сиганул».

Коротко и ясно, но все равно никакого толку. Сокурсники считали его скучным, преподаватели называли талантливым, но скучным, а лондонцы, с которыми он успел пообщаться, говорили, что он милый и вежливый. И скучный, да. Единственное, что могло вызвать интерес, – систематические и необъяснимые исчезновения Джеймса, начавшиеся в конце сентября. Никто не знал, где он был и что делал во время этих отлучек.

– Да может, просто по клубам тусовался? – предположил констебль, с которым я беседовал. – Каждому надо выдыхать иногда, я вот люблю, например, выпить пинту-другую.

Что до питья, то я занимался этим весь вечер, а в результате выяснил только, что апельсиновый сок в меня больше не лезет. Стал подумывать, не осмелиться ли еще на кружечку пива, но тут Сивелл поманил меня пальцем. Я вдруг очень порадовался, что трезвый.

А вот Лесли впервые на моей памяти так набралась.

– Извините меня, джентльмены, – хихикнула она, – пойду припудрю остатки носика.

Она встала и, пошатываясь, двинулась к туалетам. Сивелл поморщился, глядя ей вслед.

– Она была лучшей из вашего выпуска, – проворчал он. – И что вы с ней сделали?

Меня воспитала мама, которая не в курсе других значений слова «такт», кроме музыкального. И папа, который всю жизнь гордился тем, что он истинный кокни, и вел себя соответственно, особенно когда «успокоительное» заканчивалось. Поэтому испепеляющие взгляды на меня вообще никак не действуют. Однако взгляд Сивелла все же трудновато было выдержать – а ведь я и Молли в глаза смотрел.

– Значит, пока расклад такой, – сказал он, – это гребаное дело не двигается с места ни на йоту. И есть у него запашок, который лично у меня вяжется с тобой и с тем расфуфыренным куском дерьма, которому ты подчиняешься.

Я молча прикусил губу. Он определенно решил докопаться – с чего бы, интересно?

– Чего вы хотите? – напрямую спросил я.

Сивелл вдруг улыбнулся.

– Я хочу перестать нестись по жизни, словно куда-то опаздываю, – ответил он. – А больше всего хочу закрыть это дело без бумажной волокиты и порчи госимущества. И найти обычного, нормального преступника, которого можно повязать и отправить на хрен за решетку.

– Чем смогу, помогу, сэр, – пообещал я.

– Ты знаешь, что дело об отрубленной в Ковент-Гардене голове так официально и не закрыли, – продолжал старший инспектор. – Это ущерб моему проценту раскрываемости, Питер, а не твоему, потому что ни хрена у тебя нет никакого процента раскрываемости, я прав?

Он чуть подался вперед. Я машинально отпрянул.

– А вот у меня чертовски высокий процент раскрываемости, и я, Питер, этим очень горжусь. Так вот, я хочу, чтобы в конце этой истории мы посадили на скамью подсудимых обвиняемого. Желательно вида homo sapiens.

– Понимаю, сэр, – кивнул я.

– Хорошо, что ты понимаешь, когда надо держать язык за зубами. Уж этого у тебя не отнять. Что завтра намерен делать?

– Пасти Кевина Нолана – может, удастся установить, что его связывало с Джеймсом Галлахером.

– А что-то связывало?

Да, волшебная глиняная посуда, ответил я про себя, а вслух сказал:

– Сэр, вам пока лучше не знать. Если повезет, дадим более реальную версию этой связи.

– Ты подготовишь нормальный план действий и представишь старшему следователю, – потребовал Сивелл. – Если обнаружишь связь, которую мы сможем проработать, немедленно звони Стефанопулос, и мы установим наблюдение. Но никакой самостоятельности, понял?

Дверь туалета распахнулась настежь, грохнула о стену. Донесся женский смех.

На пороге возникла Лесли. Попыталась сделать вменяемое лицо, обвела мутным взглядом зал, удивленно уставилась на нас с Сивеллом.

– Ну и ну, – покачал тот головой, – хороша! Вот что, парень, везика ее домой.

Он сопроводил этот приказ повелительным жестом, и я с готовностью подчинился.

Лесли, хоть и была пьяна в стельку, не забыла спросить, в состоянии ли я сесть за руль.

– Я-то как раз свою норму помню, – сказал я в ответ, сгружая ее на переднее сиденье. И закрыл дверь.

– А ты-то чего такой трезвый? – спросила она. Пока мы сидели в пабе, на улице сильно похолодало, и в машине зуб на зуб не попадал. Пристегивая Лесли ремнем безопасности, я заметил, что дыхание вырывается из носа струйкой пара.

– Ну, я как бы за рулем, – ответил я.

– Зануда ты, Питер, – вздохнула она. – По-моему, коп-волшебник не должен быть таким занудой. Гарри Поттер точно не был. А уж Гэндальф напоил бы тебя до полной отключки.

Может, и да, но я не припомню момент, где Гермiona надирается до такой степени, что Гарри приходится ссаживать ее с метлы на Бакингам-Пэлес-роуд и смотреть, как она извергает содержимое желудка в канаву. Вытерев рот салфетками, которые я, зануда этакий, держу в бардачке как раз для подобных случаев, Лесли заявила, что Мерлин, возможно, показал бы мне, как правильно закатывать рукава.

Можно было бы еще долго перечислять книжных волшебников, которым я уступаю, но Лесли выросла на книгах Софи Кинселлы и Хелен Филдинг, и ее личный список закончился на Северусе Снейпе. Дальше мы ехали относительно спокойно.

К моменту, когда я припарковался в гараже Безумства, Лесли прекратила свои нападки и перешла в фазу «нуяжетвойлучшийдруг». В порыве дружеских чувств она бросилась мне на шею, прижалась бюстом к моей груди, обняла за талию. И пробормотала на ухо:

– Пошли в кровать.

В брюках стало очень тесно, я тихо радовался, что надел их, а не джинсы. В этом состоянии транспортировать Лесли по сугробам к задней двери было еще трудней.

Когда мы доползли, я прислонил было ее к стене, чтоб достать из кармана ключи, но она опять повисла на мне.

– Маску могу не снимать, – сказала она. – Или хочешь, надену на голову бумажный пакет?

Ее ладонь скользнула вниз, нащупала мой возбужденный член, радостно сжала. Я охнул и уронил ключи.

– Ну вот что ты наделала?

– Забей, – выдохнула Лесли, пытаясь расстегнуть мне ширинку.

Я отпрянул, и она стала медленно оседать на снег. Я подхватил ее обеими руками, но добился лишь того, что наполовину стянул с нее свитер вместе с рубашкой.

– Вот это уже лучше, – мурлыкнула она, – если ты готов, то я тоже.

Задняя дверь открылась, и на пороге возникла Молли. Она внимательно посмотрела на меня, потом на Лесли, потом опять на меня.

– Это не то, что ты думаешь, – сказал я.

– Не то? – разочарованно протянула Лесли, с трудом выпрямляясь. – Вот черт.

– Пусти нас, Молли, я хочу уложить ее в постель.

Я почти волоком затащил Лесли в дом. Молли окинула меня ядовитым взглядом.

– Ладно, укладывай сама, – сказал я.

Так она и сделала. Просто приняла у меня Лесли и вскинула на плечо, как мешок картошки. Только я бы мешок картошки вскидывал с гораздо бóльшим усилием. Медленно развернувшись на месте, Молли со своей ношей заскользила прочь, в сумрачные глубины атриума.

Тоби, видимо, ждал, когда путь будет свободен, и кинулся ко мне в надежде на гостинец.

А я пошлепал обратно к каретному сараю – решил немного поработать. Поверьте, в моем состоянии работа помогает лучше холодного душа.

Поднявшись в техкаморку, я первым делом прогнал через «фотошоп» фото эльфийской надписи с капкана. Применил контраст и определение краев, чтобы сделать буквы четче, а главное, понять, откуда они вообще. Обработанную надпись я выложил на бескрайние просторы интернета с просьбой перевести. Пока ждал, сваял план

действий для Сивелла, который сейчас уже наверняка пьяно храпел в собственной постели. План я отправил в отдел обработки данных.

Однако знатоки Толкиена нынче тормозили с переводом. Поэтому я решил попробовать нарыть что-нибудь об «Императорской глине», или «Императорской керамике». Нашел множество ссылок на фирму «Императорский фарфор», которая входит в альянс «Керамика Северного Стаффордшира». Красивая посуда, ничего не скажешь, но не наш случай: ее производили совсем не в той части страны, да еще и перестали в конце шестидесятых. Хотя, конечно, она представляет огромный интерес для коллекционеров.

Только на тридцать шестой странице поисковика я нашел кое-что интересное: мастерская «Несокрушимая Имперская Керамика», основана в 1865 году. Изменил запрос, но нашел только нерабочую страницу аукциона на «Ибей». Значит, дальше надо искать по старинке: писать письмо в отдел специнформации и запрашивать поиск по комплексной базе данных. Я загрузил готовый запрос с пометкой «ОПЕРАЦИЯ СПИЧЕЧНЫЙ КОРОБОК» и, следуя процедуре, указал свое имя, фамилию и номер удостоверения. Когда закончил, проверил почту: три входящих сообщения с переводами эльфийской надписи.

Если верить экспертам-взрывотехникам, у всех изготовителей бомб есть свой особый стиль работы: этаким характерный почерк, позволяющий отличать массовых убийц друг от друга. Но гораздо проще это определить, если автограф есть в буквальном смысле, то есть написан буквами. У Безликого было особое, очень узнаваемое чувство юмора. Переведенная на английский надпись гласила:

ЕСЛИ СУМЕЛ ПРОЧЕСТЬ, ТО ТЫ БОТАН И, СКОРЕЕ ВСЕГО, ПОКОЙНИК.

Четверг

14. Вестберн-парк

В старые добрые времена мужчины были настоящими мужчинами, а Летучий отряд управлялся с вооруженными грабителями как Богом заповедано, то есть обухом топорика по голове. Так вот, в те времена преступника на автомобиле должны были преследовать минимум три полицейские машины. Так можно было взять его в неплотное кольцо: и не оторвешься особо, и не сразу сообразишь, что тебя пасут. А нынче все просто: получаешь одобрение старшего инспектора или выше, подбираешься незаметно к подозрительному автомобилю и ставишь изнутри на крыло устройство слежения. Размером оно с половину спичечного коробка, а стоит как неделя отпуска на Ибице.

Новый Ковент-Гарден зимой в пять утра – это бетонный плацдарм, наполненный криками, табачным дымом и залитый светом автомобильных фар. Фуры, грузовики и автопогрузчики фырчат и ревут на своих площадках. А люди в светоотражающих жилетах и шерстяных шапках держат в руках папки с документами и неловко жмут кнопки телефонов пальцами в толстых перчатках. Я легко нашел место на многоэтажной парковке и вскоре захрупал по свежему снегу к аркам железнодорожного моста. Туда, где все три нолановских «Форда Транзит» ожидали начала торгового дня. Фургон Кевина я вычислил сразу: он был самый старый и грязный и стоял дальше всех от дверей склада. Я поднял воротник куртки, сгорбился и натянул шапку почти по самые глаза. И как можно увереннее прошел последние двадцать метров. Голоса я услышал из-за «Форда», когда до него оставалось метра два.

– А вдруг они явятся меня искать? – жалобно спросил кто-то. Я узнал Кевина Нолана.

– Кев, они знают, как тебя зовут. Если им приспичит тебя разыскать, они сделают это запросто, – ответил другой голос, ниже и спокойнее. – Поэтому занялся бы лучше делом.

Тот здоровенный приятель – или, скорее, брат.

Я ощупал жучок с целью убедиться, что держу его правильно. И, резко наклонившись, молниеносным движением прилепнул за

колесо, на внутреннюю поверхность кузова. Подвигал немного, чтобы закрепить как следует, и вдруг задел кончиками пальцев нечто такое, чему там быть совсем не полагалось. Это нечто по размеру и форме полностью совпадало с моей следилкой.

– А давайте закупимся сегодня у «Коутса и сына», – сказал Кевин, – Дэнни говорит, они отдают товар совсем по дешевке.

Я вытащил неопознанный объект наружу. И точно – второй жучок. Даже вроде той же самой марки, что и мой, насколько я успел разглядеть в темноте. Зажав его в кулаке, я развернулся и быстро зашагал прочь.

– Еще бы, – донесся до меня голос Кевинова брата, – их же пасут.

Неужели кто-то помимо нас следит за Ноланами? Отдел обработки данных предоставил информацию по этой семейке еще вчера, и любые дальнейшие действия обязательно отразились бы в ХОЛМСе. А вдруг братья Ноланы заинтересовали контрразведку? Вдруг они входят в какую-то техническую группировку республиканских диссидентов или же поставляют такой группировке товар? А может, наоборот, они следят за такой группировкой? Неужели Рейнолдс была права и наше убийство имеет ирландскую подоплеку?

Я решил спрятаться за ближайшей фурой, пока та грузится. Да нет, в любом случае нам бы сообщили. Не в последнюю очередь потому, что старшего инспектора Сивелла уважают и боятся больше, чем любого другого офицера лондонской полиции, и надо быть редкостным идиотом, чтобы пытаться его душить.

Я включил фонарик и тщательно осмотрел жучок. Он абсолютно ничем не отличался от моего и, вероятно, куплен был в том же самом интернет-магазине. Но здесь и сейчас идентифицировать его хозяина было не проще, чем навскидку отыскать владельца шариковой ручки.

Достав из кармана ключи, я нацарапал крохотный крестик между крепежными магнитами жучка. Потом вдохнул-выдохнул, чтобы успокоиться, и двинул обратно, к обшарпанному «Форду» Кевина Нолана.

Чужой жучок следовало вернуть на место, но свой я там оставить не мог: владелец второго, забирая его, непременно обнаружит и мою следилку. Голоса за фургоном стихли. Я очень надеялся, что все ушли на склад. Наклонился, сунул чужой жучок на прежнее место, достал

свой и уже почти зашел за фургон, как вдруг его задняя дверь с громким лязгом распахнулась.

– Какого хрена ты не убираешься в своей долбаной машине? – возмутился тип, которого я счел братом Кевина.

Тут я сделал самую большую глупость из возможных: застыл на месте. Фургон качнуло – кто-то залез внутрь.

– Понятно, почему они не в восторге. Дай сюда метлу.

– Фургон ни при чем, – отозвался Кевин откуда-то снаружи, – они считают, им недодали.

– За что заплатили, то и получили, – сказал второй, – я себе в убыток не работаю.

Если решаешь действовать по плану, даже когда все летит к чертям, то всегда сильно рискуешь. Сейчас я это прочувствовал: моим-то планом было закрепить жучок над задним колесом фургона. И теперь я стоял столбом, дожидаясь, пока Кевин с приятелем уйдут. Или увидят меня. Ну не дурак?

«Форд» ритмично раскачивался, метла шуршала по полу: из кузова выметали одному богу известно что.

– А я думал, лавку Френни прикрыли, – сказал Кевин.

Согнувшись в три погибели, я сунул руку под днище и пристроил свою следилку у переднего колеса. И спокойно, неспешно отошел. Конечно, надежнее и безопаснее было бы закрепить жучок в задней или средней части машины, но и так сойдет – нынче в эти штуки ставят очень хорошие магниты.

Мы с Лесли тщательно выбрали точку наблюдения: на четвертом этаже многоуровневой парковки. Там можно было бы установить телекамеру на штативе и следить за «Ноланом и сыновьями» в режиме реального времени. Но это если бы мы жаждали замерзнуть насмерть, а главное, удосужились взять с собой штатив. Наш «Форд» было легко найти: во всем ряду только у него был включен двигатель.

– Получилось? – спросила Лесли, когда я наконец окунулся в блаженное тепло салона.

– Не совсем, – ответил я и рассказал про второй жучок.

Потом достал термофляжку, еще один раритет из Безумства: цилиндрической формы, цвета хаки и размером с гильзу от снаряда. Налил себе кофе. Лесли тоже сомневалась, что за нами следит антитеррористический отдел, но по другим причинам:

– Им просто нет нужды. Если захотят что-то узнать, позвонят и спросят. А если б у контрразведки появились вопросы, то они бы связались с антитеррористическим отделом, а оттуда опять-таки позвонили бы нам. Нет, я думаю, это ФБР.

– Но если у ФБР есть вопросы, они должны задавать их Киттреджу, а он – нам.

– Но мы-то можем ему на них и не ответить, – заметила Лесли. – И агент Рейнолдс, как мы помним, уже однажды преследовала тебя, злоупотребив своими полномочиями.

Лесли умолкла. А я замер, не донеся кофе до рта.

– Сходи-ка проверь.

– А чего сразу я-то?

– Я уже сходил к нолановскому фургону, – объяснил я, – замерз и еще не согрелся.

Лесли пробурчала что-то, но вылезла наружу. Пока я допивал кофе, она проверяла машину на предмет жучков. Вернулась спустя полторы минуты с еще одним таким же.

– Вуаля! – сказала она и опустила его мне на ладонь. Корпус был холодный как лед – значит, поставили давно.

– Агент Рейнолдс, – протянул я.

– Или кто-то другой, – предположила Лесли, – о ком мы даже не знаем.

Я задумчиво вертел в руках прямоугольную коробочку. Если она такая же, как наша, то, возможно, настроена на передачу сигнала при перемещении объекта: включится, как только мы тронемся с места. Тогда, если я выведу следилку из строя, владелица – или владельцы, кто знает, – может не заметить этого, пока не захочет узнать, где мы.

– Поджарить ее, как думаешь? – спросил я.

– Не надо, – покачала головой Лесли.

– Согласен. Если уничтожим эту штуку, они поймут, что мы ее нашли. Но если оставим, сможем пустить их по ложному следу. Воткнем жучок на другую машину, и пусть ищут сколько хотят. Или можем заманить их в засаду и...

Лесли фыркнула.

– Питер, мы в полиции служим, – сказала она. – Забыл? Мы не шпионим и не работаем под прикрытием, а ведем официальное следствие, одобренное Ассоциацией руководителей полицейских

служб. И хотим, чтобы нас продолжали преследовать – так мы сможем выяснить, кто это делает, вызвать подкрепление и арестовать его. А вот когда посадим нашего преследователя за стол в допросном кабинете и дождемся его адвокатов – тогда и узнаем, кто он такой.

– Зато мой способ веселее, – заметил я.

– Слишком много лишних действий, – сказала она, засовывая палец под маску, чтобы почесать лицо. – Эх, соскучилась я по нормальной работе.

– Снимай маску, – посоветовал я, – все равно тебя тут никто не видит.

– Кроме тебя.

– Да я уж начал привыкать, – сказал я. – То, что под маской, уже становится твоим новым лицом.

– Я не хочу, чтобы ЭТО становилось моим лицом, – прошипела Лесли.

Я вышел из машины и вернул жучок на место. Мы сидели в ледяном молчании все время, пока фургоны старших Ноланов грузились и отъезжали. Потом дождались-таки Кевина – он закончил свои дела и вернулся. Но внезапно не с мусорными мешками, полными залежалого товара, а на автопогрузчике с аккуратной стопкой паллет. Сегодня его клиентам действительно перепадет что-то стоящее. Я выскочил из машины, снял несколько кадров на длинном фокусе и поспешно юркнул обратно.

– Включай жучок.

Лесли открыла ноутбук и слегка наклонила. На экране я увидел, что устройство уже включено и подает сигнал каждые пять секунд. Я отъехал с парковки и порулил к выезду. Когда используешь жучок, нельзя особо насаждать на тех, кого преследуешь. Но и сильно увеличивать расстояние тоже не надо – вдруг они учинят что-нибудь интересное.

Рассвет окрасил небо в грязно-синий, явил взглядам истоптанный снег и ледяную кашу на дорогах. Мы с Лесли инстинктивно пригнулись, когда мимо, вихляясь из стороны в сторону, пронесся фургон Кевина Нолана. Подождали, пока не засекали, где он свернул на Нэйн Элмс. И только тогда двинулись следом.

Мы, конечно, люди современные и цивилизованные, вот только я бы все же кинул на заднее сиденье топорик. Сугубо из уважения к

традиции, вы же понимаете.

– Ритуальное оружие, – подумал я вслух.

– Чего? – не поняла Лесли.

– Если бы у полиции было ритуальное оружие, – пояснил я, – вроде палаша или там ассегай, это был бы обух топорика.

– Слушай, ну займись ты чем-нибудь полезным, – попросила Лесли. – И обрати внимание вон на ту машину с дипломатическими номерами.

Мы подъезжали к мосту Челси, который при всем своем великолепии имеет ширину всего три полосы. А если не считать выделенку для общественного транспорта, так и вовсе две. Если где и удастся обнаружить «хвост», то здесь.

У всех посольских автомобилей характерные номера, по которым можно определить статус и национальность дипломата – очевидно, чтоб максимально облегчить жизнь террористам и потенциальным похитителям.

Я увидел машину с дипномером: темно-синий «Мерседес» представительского класса. Прочитал номер вслух.

– Сьерра-Леоне, – определила Лесли, и у меня внутри шевельнулось чувство патриотизма.

– Ты что, выучила все коды дипномеров? – спросил я.

– Не-а, нашла вот, в Википедии есть полный список, – ответила Лесли.

– А глянь тогда, какой код у Штатов?

– От 270 до 274, – сообщила она.

– Но не может же она преследовать нас на посольской машине? – удивился я. – Или может? А как же секретность?

По мнению Лесли, я не уловил основной принцип работы со следящим устройством: активировав его, можно безопасно следить за объектом издалека, и тогда неважно, какие у тебя номера. А если они посольские, то ни за парковку платить не надо, ни за въезд в центр. И еще фиг тебя кто арестует.

– Как у нее с дипломатической неприкосновенностью? – спросила Лесли.

– Не знаю, – пожал я плечами, – но можно спросить у Киттреджа.

– А еще можно позвонить ему прямо сейчас, все рассказать, и пусть сам разбирается, – добавила Лесли.

Она глянула на экран.

– Куда это он намылился?

Она снова наклонила ноутбук в мою сторону и показала маленькую точку, обозначающую фургон Кевина Нолана: он направлялся к Найтсбриджу. Вот это уже было самое место для шикарных машин с дипномерами.

– Кому там сдался целый грузовик несвежих овощей? – спросила Лесли.

Еще бы: у тамошних ресторанов свои поставщики, которые закупают в Ковент-Гардене все самое лучшее.

– Ну мало ли, всякое бывает, – сказал я.

Однако мы напрасно боялись за вкусовые рецепторы богачей и дипломатов: объехав Гайд-парк с запада, Кевин свернул на Бейсуотер-роуд. Вильнул в какой-то переулочек – я решил, что пора сократить расстояние, и выжал педаль газа по полной. Теперь мы ехали прямо за ним мимо ряда обманчиво скромных особняков.

– Останавливается, – сказала вдруг Лесли. Очень вовремя: я еле успел втиснуться на относительно незаметный пяточок, с которого можно было наблюдать.

Лондон не сразу строился, и если вы, как я, немного разбираетесь в архитектуре, то с легкостью определите, где первые застройщики эпохи Регентства возвели ряд великолепных особняков вдоль сельской дороги. Но город безжалостно напознал, расширяясь к западу, и во времена Виктории неподалеку от особняков появились скромные аккуратные домики. Рабочему классу, обслуживавшему богачей, надо было жить неподалеку от них.

Кевин остановил фургон возле поздневикторианского комплекса из трех домов, который как раз примыкал к торговой галерее красного кирпича постройки тридцатых годов. Лесли я об этом говорить не стал – ее, похоже, бесят мои умствования на такие темы.

– Выгружает свое добро, – заметила она.

Кевин вразвалку обошел фургон, открыл заднюю дверь, взял самую верхнюю паллету и направился ко входу. Лесли приподняла объектив камеры, и с помощью подсоединенного кабеля мы увидели на экране ноутбука, как он роется в карманах штанов.

– У него есть ключи, – удивилась Лесли.

– Сними покрупнее паллету, – попросил я, – надо выяснить, у кого они закупаются.

Мы наблюдали, как Кевин перетаскивает груз в дом. Забрав последнюю паллету, он вошел внутрь и закрыл за собой дверь. Мы подождали пару минут. Потом еще пару.

– Да что он там делает, мать его? – не выдержала Лесли.

Порывшись в дежурном пакете с вкусняшками, я обнаружил, что мы, оказывается, их все подъели. Нашел только сэндвичи, которые нам заботливо сунула Молли, аккуратно завернув в вощеную бумагу. Осторожно понюхал сверток.

– Нынче без требухи? – поинтересовалась Лесли.

– Похоже, с колбасным фаршем, – сказал я, разворачивая бумагу и приподнимая верхний ломтик хлеба. – Не, не угадал – колбасный фарш, сыр и корнишоны.

– Выходит, – заметила Лесли, снова приподнимая камеру.

Кевин появился на пороге с потрепанной картонной коробкой в руках. Тяжелой, судя по тому, как он ее держал. И точно: когда поставил коробку в кузов, задняя ось аж просела. Пару минут Кевин стоял, тяжело дыша, изо рта у него вырывалась струйка пара. Потом двинулся обратно и скоро вышел со второй коробкой, которую также загрузил в фургон.

Странное дело: стоит какое-то время последить за человеком, и начинаешь поневоле ему сопереживать. Вот и я, глядя, как Кевин, пошатываясь, выходит из дома с третьей коробкой, с трудом подавил желание выскочить из машины и помочь ему. Тогда, пожалуй, дело пошло бы скорее. А так нам оставалось лишь ждать и со скуки время от времени фотографировать.

К великому отвращению Лесли, я таки съел сэндвичи с колбасным фаршем, сыром и корнишонами.

– И мы теперь весь день будем этим дышать? – спросила она.

– Ну, я ж не могу не выдохнуть, – пожал я плечами, – это произвольно получается.

– Тогда открой окно.

– Еще чего, – отозвался я, – там холод собачий.

Порывшись в бардачке, я нашел освежитель воздуха в форме елочки и повесил на зеркало заднего вида.

– Вот, пожалуйста.

От неминуемой смерти – или, по крайней мере, от тяжелых травм – меня спас Кевин, который как раз сел в фургон и тронулся с места. Через пару минут, записав адрес дома и сообщив его в отдел для базовой проверки, мы выехали за ним.

Следующим пунктом у Кевина значился склад в пятнадцати минутах езды отсюда, на противоположной стороне Вествея. Наверно, единственный во всем западном Лондоне избежавший реновации. Сохранились даже старые погрузочные выходы с широкими деревянными створками, краска на которых облупилась и полиняла, из синей став грязно-серой.

Подъехав ближе, мы увидели, как Кевин вылез из фургона, дошлепал до входа, отпер пешеходную дверцу в воротах и скрылся внутри.

– Мне это надоело, – заявила Лесли. – Пошли за ним, посмотрим, что там.

– Если сейчас дадим ему уехать, – возразил я, – то сможем спокойно облазить этот склад сверху донизу, и никто не узнает.

– Для этого нужен ордер на обыск, – вздохнула Лесли. – С другой стороны, можем дожидаться, пока малыш Кевин – которого ты, как я понимаю, вчера застал за избивением человека – вынесет еще пару коробочек. Это будет означать, что нас просто заинтересовало его подозрительное поведение. А уж когда попадем внутрь...

Спорить было трудно, и мы решил действовать по этому плану. Последовали за Кевином, когда он открыл створки погрузочного выхода и въехал на склад. А он нас даже не заметил, пока не вылез из фургона и не обошел его, чтобы разгрузить.

– Это был не я, – сразу же выпалил он.

– Что – не ты? – спросил я.

– Ничего.

– А что это у тебя, Кевин, в коробках? – поинтересовалась Лесли.

Кевин открыл было рот, собираясь снова сказать «ничего», но сообразил-таки, что это будет слишком глупо даже для него.

– Тарелки, – ответил он.

И не соврал: каждая коробка была доверху набита посудой. Сделанной из той же красновато-бурой глины, что и миска, найденная в доме Джеймса Галлахера. И осколок, которым его убили. Но это было еще не все.

Погрузочная площадка располагалась на двух этажах и тянулась через весь центр помещения. В противоположном ее конце также был грузовой выезд с деревянными створками. Они открывались прямо на служебную дорогу вдоль канала Гранд Юнион, торцом к которому стояло здание. По обеим сторонам от погрузочной площадки тянулись собственно складские помещения. Такая же планировка повторялась на втором этаже, только там они были больше. И все их, кроме одного, заполняли ветхие деревянные стеллажи, ломившиеся от керамики. Поручив Кевина заботам Лесли, я пошел осматривать склад. Местами стеллажи таки рухнули, породив кучи разбитых тарелок с блюдами, на которых легко можно было поскользнуться. В дальних помещениях я обнаружил на увитых паутиной полках ряды супниц и мисок, покрытых толстым слоем пыли. В каждом зале четко слышался шорох – это разбегались крысы. В одном была длинная узкая полка, на которой, словно рота миниатюрных Далеков, выстроился ряд солонок. А под ней, на другой такой же полке, шеренга толстяков в треуголках – кружки Тоби^[35]. Я взял пару таких в руки, чтобы рассмотреть получше. И, едва коснувшись, ощутил вестигии: вонь свинарника, бульканье холодного пива и смех. Кружки были, похоже, ручной работы – лица толстяков немного отличались друг от друга. Выходя, я чувствовал, как они злобно глядят мне вслед. В другом зале среди сливочников и вроде бы ночных горшков обнаружилась целая полка статуэток, изображающих мою старую знакомую – Богиню, Смущенную Скульптором.

Один зал в дальнем конце первого этажа частично освободили от стеллажей с посудой. Вместо них там стояла высокая, почти в рост Лесли, печь для обжига мощностью в 15 киловатт. Совсем новая, еще целиком запакованная в пузырчатую пленку. Потом я узнал, что это самый большой и мощный агрегат подобного типа, который можно купить сразу, не изготавливая на заказ. Рядом выстроились упаковки поменьше, в них оказались стойки для обжига. Вокруг лежали пакеты с сыпучими веществами странных цветов. Как потом выяснилось, это были красители и ингредиенты для разных видов керамической глазури.

Я вспомнил о внезапном увлечении Джеймса Галлахера керамикой. Такая печь стоит минимум пару тысяч, а отдел убийств

выявил бы такой крупный расход в первый же день расследования. Как и оплату аренды, если бы Галлахер снял этот склад под мастерскую.

– Где ты это все взял? – спросил я Кевина.

– Что взял? – испугался тот. Даже в помещении он не снял с головы капюшона, будто боялся, что мозги вылетят через уши.

– Посуду, – пояснил я. – Товар, который ты пытался всучить торговцам на Портобелло.

– Здесь и взял, где ж еще, – ответил Кевин.

– А точно не на Москоу-роуд?

Кевин возмущено вытаращился на меня.

– Вы что, за мной следили?

– Да, Кевин, – кивнула Лесли, – следили.

– Это, вообще-то, нарушение Европейской конвенции о правах человека, – заявил Кевин.

Я глянул на Лесли – мол, бывают же такие идиоты? Она пожала плечами. Мнение Лесли о человеческой природе в принципе гораздо ниже моего собственного.

– А эта штука, – кивнул я на печь, – она чья?

Равнодушно оглядев агрегат, Кевин передернул плечами.

– Понятия не имею.

– Никогда не замечал здесь ничего странного?

– Например?

– Ну не знаю, может, видел что-то типа призраков или звуки странные слышал?

– Да вроде нет, – ответил Кевин.

– Надо звонить Сивеллу, – решила Лесли.

Мы велели Кевину сидеть на поддоне от печи и ждать, а сами отошли туда, где он не мог нас слышать.

– А надо ли ему об этом знать?

– Орудие убийства могли изготовить здесь, – сказала Лесли. – Пусть старший инспектор сам решает, надо или нет.

Я кивнул – против правды не попрешь. А сам подумал: вот где мог пропадать Джеймс во время своих «загулов». Он, конечно, был простым студентом, но с богатеньким папой.

– Я должен побеседовать с сенатором, – заявил я. – Возможно, он оплатил этот агрегат.

Лесли напомнила, что мой визит к сенатору может живо заинтересовать нашу дорогую мисс из ФБР, поэтому я решил связаться с Киттреджем.

– Ну как, еще не нашли вашу заблудшую овечку?

– А почему вы спрашиваете?

Может, спецподразделение разведки и уничтожили, чтобы возродить потом из праха, но суть его не поменялась: там служили те же дотошные засранцы, которые ищали в контрразведке во время холодной войны.

– Мне показалось, я ее видел на Лэдброк-Гроув, – пояснил я, – вот и решил выяснить сразу, чтоб не терять время попусту.

– Она на базе, – сообщил Киттредж, – часов с девяти утра.

– То есть в отеле? – переспросил я, отлично понимая, что вряд ли.

– На Гроувернер-сквер, – устало вздохнул Киттредж.

То есть в американском посольстве. Я сказал спасибо и повесил трубку. За охрану посольства, включая все его возможные тайные входы-выходы, отвечает антитеррористическая служба. Стало быть, если Киттредж говорит, что Рейнолдс там, значит, скорее всего, так и есть.

– Сидит, небось, перед монитором и нас пасет, – проворчала Лесли.

– Ну и отлично, – улыбнулся я, – оставлю жучок тебе, она ни за что не заподозрит, в чем дело.

Найти сенатора оказалось легче легкого. Я просто позвонил Гулид, зная, что офицер по связям с родственниками жертвы обязан знать, где они находятся. Это очень удобно на случай печального, но, увы, нередкого сценария, когда скорбящий родич превращается в подозреваемого.

– Мы на Лэдброк-Гроув, в доме Джеймса, – сообщила Гулид.

Оставив Лесли сторожить Кевина и ждать подмогу, я сел в машину и за десять минут долетел до места.

Если не считать дорогого костюма, сенатор выглядел как самый обычный человек. Он сидел за кухонным столом, на котором стояли бутылка «Джеймсона» и полупинтовый пластиковый стакан.

– Сенатор, – обратился я к нему, – могу я задать вам пару вопросов?

Он поднял на меня взгляд и скривил губы в болезненном подобии вежливой улыбки. Его дыхание сильно отдавало виски.

– Конечно, детектив. Присаживайтесь.

Я сел напротив. Выпить сенатор мне тоже предложил, но я отказался. У него было длинное лицо, почему-то лишенное всякого выражения. Хотя круги вокруг глаз выдавали и боль, и напряжение последних дней. Его темные, коротко подстриженные волосы разделял классический косой пробор, белые зубы были ровными, а маникюр – очень аккуратным. Сенатор выглядел *ухаженым*, словно раритетный автомобиль, который ежедневно чистят и полируют до блеска.

– Чем могу помочь? – спросил он.

Я поинтересовался, не покупал ли он или кто-то из его знакомых в последнее время печь для обжига глины и комплектующие к ней.

– Нет, – ответил сенатор, – а это имеет отношение к делу?

– Пока не могу сказать, сэр, – ответил я. – Скажите, а был ли у вашего сына доступ к каким-то дополнительным источникам дохода – например, к трастовым фондам?

– Был, – кивнул сенатор, – даже к нескольким. Но счета уже проверили, Джимми ничего оттуда не брал. Он всегда был таким независимым.

– А вы много общались с сыном? – спросил я.

Сенатор плеснул в пластиковый стакан еще виски.

– Почему вы спрашиваете?

– Похоже, в ФБР опасаются, что он мог вас скомпрометировать. В политическом смысле.

– Знаете, что мне нравится в англичанах? – спросил сенатор.

– Чувство юмора? – предположил я.

Он скупно улыбнулся, давая понять, что вопрос риторический.

– Вы не разбиваетесь на партии. У вас нет никаких лоббирующих групп, никаких общественных лидеров, которые тут же полезут из всех углов и поднимут хай, стоит оговориться или неудачно пошутить на публике. Вот если бы я вас назвал лайми^[36] или ниггером, вы бы на что больше обиделись?

– Он вас скомпрометировал? – повторил я вопрос.

– А знаете, почему вы не хотите отвечать?

Потому, ответил я мысленно, что я профессионал. Потому что два года подряд общался с быковатой пьянью и в край обнаглевшими

шоплифтерами. Да и вообще со всеми, кому срочно надо на кого-то наорать просто потому, что мир вокруг несправедлив. Секрет простой: надо раз за разом повторять свой вопрос. Рано или поздно эти бедолаги успокоятся и ответят.

Правда, иногда для этого их надо уложить лицом в пол, заломить руки за спину и усесться сверху. Но я учел, кто мой собеседник, и решил, что до этого не дойдет.

– Каким образом он мог вас скомпрометировать?

– Вы так и не ответили, – напомнил он.

– Давайте сделаем так, сенатор: вы расскажете мне о сыне, и я отвечу на ваш вопрос, – предложил я.

– Я первый спросил, – возразил он, – так что вы сначала ответьте, а уж потом поговорим о моем сыне.

– Обозвав меня ниггером, вы будете выглядеть обыкновенным американским расистом, – сказал я. – А лайми – всего лишь шутливое прозвище. Видите, вы знаете обо мне так мало, что даже не можете оскорбить как следует.

Сенатор долго смотрел на меня, сощурившись, и молчал. Я стал подумывать, что не стоило так умничать, но тут он вздохнул и потянулся за стаканом.

– Нет, – сказал он наконец, – меня он не компрометировал. Хотя сам, наверно, был уверен в обратном.

Сенатор умолк, пригубил виски. Покатал на языке и только потом проглотил. Поставил стакан на стол, явно сдерживаясь, чтобы не выпить сразу. Картина была знакомая, папу я частенько за этим делом заставал.

– Ему нравилось здесь, в Лондоне, это я точно знаю. Он говорил, этот город вечно движется. Так и сказал – весь, мол, до самого дна.

Взгляд сенатора на несколько секунд «расплылся», и я вдруг понял, что мой собеседник потрясающе пьян.

– Значит, вы часто общались?

– Я раз в неделю освобождал окно в расписании, – ответил сенатор, – а он звонил раз в месяц или около того. Но вряд ли можно рассчитывать на большее, если ваши дети уже закончили университет.

– Когда вы последний раз с ним разговаривали?

– На прошлой неделе.

Рука сенатора дернулась было к стакану, но он себя пересилил.

– Я спрашивал, приедет ли он на праздники домой.

– И что он ответил?

– Что не поедет. Сказал, нашел что-то интересное. Был очень взволнован, обещал при следующей встрече повергнуть меня в шок.

Опытные копы раз навсегда объясняют молодым: не увлекайтесь общением с пострадавшими. Расследование может растянуться на недели, месяцы и даже годы, и постепенно люди перестают нуждаться в вашем сочувствии. Они ждут от вас в первую очередь профессионализма, и ваш долг его проявить.

Но... кто-то ведь заколол Джеймса Галлахера, а теперь его отец сидит здесь, убитый горем, ничего не понимающий. И я не желал с этим мириться.

Задал еще пару вопросов насчет увлечения Джеймса живописью, но сенатор явно уже отвечал так, чтоб я отстал. Гулид, наблюдавшая за нами с другой стороны кухни, одним только выражением лица дала мне понять, что все это она уже спрашивала, и если у меня нет никаких новых тем, то лучше просто заткнуться и оставить бедного мужика в покое.

Я уже вышел из дома и направлялся к машине, когда позвонила Лесли.

– Помнишь тот дом? – спросила она.

– Какой?

– Куда Кевин отвез овощи?

– Да, – сказал я.

– И где он взял керамическую посуду, – продолжала она, – ту самую, килотонны которой мы с тобой обнаружили?

– Да, это на съезде с Москоу-роуд.

– Такого дома не существует, – сообщила Лесли.

15. Бейсуотер

Честолюбие британцев никогда не знало границ. С одной стороны, это может говорить о бесстрашии, однако с другой – смахивает на недальновидность. Лондонское метро не стало исключением: его основала каста предпринимателей, чьи амбиции по пышности могли соперничать разве что с их бакенбардами. Пока их заокеанские коллеги, столь же щедро взысканные растительностью на лице и тщеславием, рвали друг друга на части в горячке Гражданской войны, наши герои приступили к строительству Метрополитан-лайн, твердо зная одно: на паровозах там ездить будет нельзя.

Ибо опыт использования паровозов на магистральных железных дорогах однозначно дал понять: если не хочешь задохнуться от дыма в длинном тоннеле, его надо миновать как можно скорее. Не могло быть и речи о том, чтобы ехать в тоннеле все время, а уж тем более останавливаться на закрытой станции. Сперва попробовали двигать вагоны при помощи сжатого воздуха, но тоннелям не хватало герметичности. Потом настала очередь «бездымного паровоза» с огнеупорными кирпичами в камере сгорания, но он оказался ненадежным. Затем пытались использовать в качестве топлива кокс, но его дым оказался еще более едким, чем угольный. Электропоезда спасли бы ситуацию, но до их появления оставалось еще целых двадцать лет.

Итак, все вернулось назад, к паровозам. Именно из-за них лондонская подземка стала гораздо менее подземной, чем было задумано. Там, где над рельсами проходили дороги, проделали зарешеченные отверстия для выхода пара. А где дорог не было, пути метро оставляли максимально открытыми. Один такой перегон возник на Лейнстер-роуд. Он известен тем, что напротив него, дабы уберечь впечатлительный средний класс от неприглядного вида рельсов, возвели две кирпичных стенки, достоверно изображающие фасад прекрасного георгианского особняка. Того самого, который снесли, чтобы проложить здесь рельсы метро.

Эти фальшивые дома, с очень достоверно нарисованными окнами, стали бесконечным источником шуток для тех, кто считает верхом

остроумия отправить разносчиков пиццы с мизерной зарплатой кататься по несуществующим адресам. Про «дома» на Лейнстер-роуд знают все – кроме, может быть, разносчиков пиццы с мизерной зарплатой. Однако я ни разу не слышал о таких домах к западу от станции «Бейсуотер». А их, оказывается, легко найти на спутниковой карте «Гугл Мэпс», если знать, где смотреть. Хотя наклонный угол съемки с воздуха и искажает их вид, скрывая истинную природу. Мы с Лесли уговорили владельцев одной из квартир над торговой галереей на Москоу-роуд пустить нас внутрь: оттуда открывался хороший обзор на заднюю часть здания, куда Кевин Нолан заносил свои овощи. Было, в частности, видно, что это не полноценный дом, но и не голая фасадная стенка.

– Как будто построили только переднюю часть, – заметила Лесли.

– Ага, – кивнул я, – но почему так?

Лесли достала изъятые у Кевина ключи, позвенела у меня перед носом.

– Как насчет пойти и выяснить?

Изъяла она их, видимо, перед тем, как усадить Кевина в машину и отправить в Белгравию на допрос.

Фасад был общий на два дома. Мы выбрали ту дверь, куда заходил Кевин, уж он-то наверняка знал дорогу.

Входная дверь выглядела обычно для особняка середины Викторианской эпохи: глубоко врезанная в стену, а сверху – прямоугольное световое окошко. Вблизи стало заметно, что ее довольно неаккуратно перекрасили в красный, не озаботившись перед этим ошкурить старый слой. Колупнув краску, я обнаружил под ней не один, а аж три разноцветных слоя, в том числе один тошнотворно оранжевый. Вместо звонка был дверной молоток из потемневшей меди в форме львиной головы.

Мы не стали заморачиваться и вошли без стука.

Я ожидал увидеть внутри что-то вроде задника театральной декорации, но вместо этого мы очутились в типичном холле викторианского особняка. Тут был и пол, выложенный черно-белыми истертыми плитами, и обои, выцветшие до бледно-лимонного оттенка. Единственное кардинальное отличие состояло в том, что холл тянулся не от двери в глубь дома, а поперек, как бы соединяя обе части здания.

Слева мы увидели еще одну входную дверь плюс обычные межкомнатные с каждой стороны.

Я выбрал левую, Лесли – правую.

За дверью оказалась комната с эркерными окнами, тюлевыми шторами и некрашеным деревянным полом. Пахло пылью и машинным маслом. На полу валялось что-то зеленое. Я наклонился и поднял лист салата, еще свежий и хрустящий. Дальняя стена, лишенная окон, была покрыта толстым и неровным слоем штукатурки. Прямо «тайна запертой комнаты», дело об исчезнувших овощах. Я хотел пойти посмотреть, как успехи у Лесли, как вдруг заметил железное кольцо, вставленное в одну из половиц. При ближайшем рассмотрении она оказалась крышкой люка и открылась неожиданно легко. Внизу зиял провал глубиной метров шесть, до самых рельсов метро. Я лег на пол и осторожно сунул голову в люк.

Зрелище ошеломляло: две половинки жилого дома держались вместе только благодаря старым, закопченным деревянным балкам, протянутым над рельсами. По концам их подпирали другие балки, наискось вмурованные в кирпичные стены тоннеля. К ближайшей такой балке железным замком была пристегнута непонятная плоская длинная штукавина из железа, меди и какого-то темного дерева. Я даже не сразу понял, что передо мной лестница. Наподобие складной пожарной, аккуратно собранная гармошкой и прикрепленная снизу к полу.

Внизу, совсем рядом, виднелся старинный латунный рычаг, обтянутый кожей, как в старинных автомобилях и паровых машинах. Я потянулся дернуть за него.

– Что там такое?

Подняв голову, я увидел Лесли.

– Похоже, складная лестница. Хочу проверить, можно ли ее раскрыть. Достанет небось до самых рельсов.

С этими словами я снова потянулся к рычагу, и тут прямо подо мной загрохотал поезд, который ехал по Серкл-лайн к станции «Бейсуотер». Секунд тридцать пришлось ждать, пока он скроется в тоннеле.

– Думаешь, это хорошая мысль? – сощурилась Лесли.

– Думаю, надо звонить транспортникам, – протянул я. – Как потвоему?

– По-моему, ты прав, – кивнула она.

Я поднялся на ноги, закрыл люк и набрал сержанта Кумара.

– Вы говорили, фишка тайных входов в метро в том, что вы их все знаете, – сказал я. – А спорим, что не все?

Он спросил, где мы, я назвал адрес.

– Выезжаю, – сказал сержант. – Только не делайте глупостей.

– Что он сказал? – поинтересовалась Лесли.

– Сказал, чтоб я не делал глупостей, пока мы его ждем.

– Тогда, – решила Лесли, – надо занять тебя чем-нибудь полезным.

И заставила меня позвонить в отдел убийств, сообщить обо всем, что мы обнаружили, и выяснить, нашли ли они владельца склада на Кенсел-роуд.

Минуты через три телефон запиликал у нее.

– Да, – глядя на меня, сказала она в трубку, – пока нет. Хорошо, я ему передам. До свидания.

– Это Сивелл, – сообщила она. – Стефанопулос скоро будет здесь, а тебе, пока ее нет, велено не делать глупостей.

Ну вот, подумал я. Стоит спалить одну-единственную завлекалку для туристов в центре города – и все, тебе этого никогда не забудут.

Стефанопулос явилась десять минут спустя в сопровождении двоих констеблей. Я встретил их у входа и ознакомил с планировкой. Стефанопулос мрачно уставилась в провал открытого люка – там как раз проехал очередной поезд. Несмотря на его грохот, в комнате почему-то ничего не тряслось.

– Ну и чья это радость – ваша, наша или транспортников? – спросила она, подняв голову.

Я объяснил: то, что мы здесь видим, возможно, связано с убийством Джеймса Галлахера. А еще может таить в себе «необычные» детали и однозначно находится в зоне ответственности транспортной полиции.

Стефанопулос задумалась. Даже губу закусила: явно размышляла, как это отразится на бюджете отдела.

– Значит, так: пока что до выяснения обстоятельств это дело будет считаться вашим. Хотя транспортников удар хватит, когда они узнают, что неизвестный или неизвестные имели неограниченный доступ в тоннели метро. Сам знаешь, какие они нервные.

Спихнув таким образом расходы Белгравии на Безумство, Стефанопулос позволила себе довольную ухмылку.

В ожидании Кумара мы собрали воедино все, что успели нарыть по тому складу. Принадлежал он, судя по всему, фирме под названием «Бил Проперти Сервисез». Причем аж с девятнадцатого века, хотя она и сменила за это время несколько названий.

– Это имеет отношение к делу? – спросила Стефанопулос.

– Я б не отказался узнать, кто в последнее время его арендовал.

– Выясни, может, можно пообщаться с этими самыми «Бил Проперти Сервисез», – сказала Стефанопулос. – Лучше с какой-нибудь большой шишкой. Я тоже подключусь.

Только я собрался туда звонить, как у входа резко затормозил служебный фургон транспортной полиции. В здание вбежал сержант Кумар, с ним двое коллег в форме. Я открыл люк, они, обступив его, глянули вниз.

– Охренеть, – выдохнул сержант.

16. Саут Уимблдон

Контора «Бил Проперти Сервисез» находилась в серой унылой промзоне в Мертоне, на съезде с А24. Снаружи она оказалась серой и унылой нежилой постройкой из кирпича, которую оживлял лишь дешевый голубой сайдинг и пучки камер видеонаблюдения. А внутри нас встретил неожиданный комфорт: вместо открытого офиса с перегородками здесь были кремовые диваны и уютные кабинеты со стеклянными стенами. И рождественские украшения, свисавшие буквально с каждого крючка. Их сюда ушло грузовика два, не меньше.

А еще здесь не было ни души, пустовал даже ресепшн со столом из красного дерева. Свободный, никем не охраняемый вход на территорию чужой собственности притягивает полицейских как магнитом. И начинается: *сэр, я как раз пытался выяснить местонахождение владельца, как вдруг наверху в кабинете, на самом виду, обнаружил запрещенные вещества класса А на дне нижнего ящика стола, запертого на ключ.* Оставьте нас в комнате на пять минут без присмотра, и мы начнем лазить по столам, независимо от того, заперты они на ключ или нет. Ужасная привычка, просто отвратительная.

Стефанопулос уже даже начала с хрустом разминать пальцы, когда из коридора нам навстречу торопливо вышел невысокий белый лысеющий дядечка. На нем был свитер грубой вязки и хлопчатобумажные брюки цвета хаки.

– Сожалею, но мы уже закрылись на праздники.

– Не рановато ли? – подняла брови Стефанопулос.

Он пожал плечами.

– На этой неделе все равно никто не смог добраться до работы, по такому-то снегу. Вот я всем и разрешил выйти после Рождества.

У него был типичный «акцент Би-би-си», какой вырабатывается у представителя высшего класса, если тот не хочет кичиться своим общественным положением.

– Но сейчас-то снег прекратился, – заметил я.

– Знаю, – кивнул он, – ну что ж, бывает. Так чем я могу вам помочь?

– Нам нужен Грэм Бил, – сказала Стефанопулос. – Генеральный директор «Бил Проперти Сервисез».

Тип широко улыбнулся.

– Тогда вам повезло, ибо он перед вами.

Мы представились и сообщили, что должны задать несколько вопросов насчет кое-какой недвижимости, принадлежащей его компании. Грэм Бил провел нас в комнату отдыха для сотрудников и спросил, будем ли мы «Бейлис».

– Мы планировали небольшой предрождественский фуршет, – пояснил он, показывая нам полный шкаф бутылок. Стефанопулос ничего не имела против хорошей порции «Бейлиса», однако сразу уверенно заявила, что мне наливать не надо:

– Он сегодня мой персональный водитель.

Бил взял две кружки, разлил в них ликер, и мы уселись за круглый столик с белой клееной столешницей. Стефанопулос пригубила.

– Навекает воспоминания, – сказала она.

– Так что именно вы хотели бы узнать? – поинтересовался Бил.

Стефанопулос рассказала про склад на Кенсел-роуд, и он рассмеялся:

– Как же, как же, знаем мы их. «Несокрушимая Имперская Керамика».

Я достал блокнот и ручку. Записи, равно как погоня за преступниками и поиск места для парковки, – дело мелких сошек. Старшие следователи до такого не снисходят.

– Она принадлежит вашей компании? – спросила Стефанопулос.

– Да, как нетрудно догадаться, – кивнул Бил. – У нас семейный бизнес, а это большая редкость в современном деловом мире. А «Керамика» когда-то была жемчужиной в нашей короне. Но, разумеется, до войны.

То есть когда еще жила Империя, которой можно было продавать керамику, подумал я.

Судя по названию, главным аргументом продаж «Несокрушимой Имперской Керамики» была, собственно, ее несокрушимость. По крайней мере, в сравнении с другой посудой из фарфора или фаянса. Стало быть, ее можно было доверить носильщикам на топких берегах Лимпопо либо приторочить к седлу слона. И владелец мог быть уверен, что ему в любой ситуации будет с чего есть, а главное, во что

писать. Ночные горшки были чуть ли не самым популярным их продуктом.

– Коммерческая империя, построенная на какашках, – ухмыльнулся Бил. Это явно была его фирменная шутка.

– А где именно ее делали? – спросил я.

– В Лондоне, в Ноттинг-Хилле, – ответил Бил. – Большинство даже не догадывается, сколь богато промышленное наследие Лондона! Раньше это место называлось «Гончарни и Свинарни», ибо славилось именно этими промыслами.

Да, а еще самыми гнусными условиями жизни во всей викторианской Англии. Даже хуже, чем в Манчестере, – то есть воистину самыми гнусными.

– Все знают мастерскую по обжигу глины на Поттери-лейн, – сказал коммерсант. – Но почему-то думают, что там делали только кирпич.

Мы со Стефанопулос молча переглянулись. Ничего подобного мы не думали, ибо первый раз слышали и про мастерскую, и про кирпич, но виду решили не подавать. После долгой рабочей недели, посвященной обжигу свиней и выпасу кирпичей, наступало воскресенье. И ремесленники, чтобы выпустить пар, развлекались петушиными боями, крысиными ямами и травлей быков собаками. Это было место, куда и самый отъявленный храбрец сунулся бы, только если б жаждал, чтобы его избили, покалечили или наградили каким-нибудь интересным венерическим заболеванием. Все это Грэм Бил поведал нам с искренним наслаждением человека, предкам которого уже три поколения подряд не приходилось брать в руки лопату и разгребать дерьмо. А все благодаря его прапрапрадеду, неграмотному землекопу из Килкенни, который и основал компанию в 1865 году.

– Где же он раздобыл деньги? – поинтересовалась Стефанопулос.

– Хороший вопрос! – улыбнулся Бил, даже не догадываясь, что вопрос «откуда деньги?» входит в классическую полицейскую тройку наряду с «что вы делали той ночью?» и «почему вы так волнуетесь?».

– Где ж нищему ирландцу достать денег, да еще в те времена? – задал он риторический вопрос. – Но уверяю вас, он сколотил свой начальный капитал абсолютно законно.

Оказалось, что землекопам тогда платили достаточно хорошо по меркам рабочего класса Викторианской эпохи. Оно и понятно: как

иначе привлечь много народу со всех концов страны на эту каторжную работу, да еще в таких опасных условиях? Но получая свое щедрое вознаграждение, землекопы часто швыряли его на ветер. Либо его у них выманивали все кому не лень: нечистые на руку бригадиры, жадные подрядчики и уйма всяких проходимцев, которые таскались за бригадами по всей стране.

Однако человек дальновидный и неглупый мог собрать из своих коллег-землекопов команду, которая работала по договору. Тогда бригадир со стороны был не нужен и, соответственно, вся оплата шла рабочим. Когда за такой бригадой закреплялась слава, скажем, хороших прокладчиков тоннелей, они имели все шансы заключить выгодный контракт с серьезным подрядчиком, который мечтал сдать свой проект в срок и по возможности без накладок. И если бригадиру удавалось заставить своих людей не пить по-черному и вложить заработок в приличный банк, то за двадцать лет он вполне мог заработать кругленькую сумму.

Таким бригадиром стал Юджин Бил, также известный как Экскаватор. Он оставил родную Ирландию, томимый безотчетным желанием не сдохнуть с голоду, а в итоге построил в Лондоне вокзал Воксхолл.

– Его бригада была самой известной среди проходчиков, – похвастался Грэм Бил. – Они строили коллекторы для Базалгета и прокладывали Метрополитан-лайн по заказу Пирсона. Жили как раз около Поттери-лейн, и все думают, что именно там они вывели технологию изготовления «несокрушимой керамики».

– Секретную технологию? – уточнил я.

– В те времена – да, – кивнул Бил. – По сути, это разновидность кирпича двойного обжига. Она очень похожа на камень Коуд, который, наверно, и сейчас еще делают. Отличный материал, очень прочный и, что особенно важно для тогдашнего Лондона, невосприимчивый к воздействию угольной копоти.

– И вы до сих пор владеете секретом его производства? – спросил я.

Стефанопулос сердито на меня зыркнула. Я сделал вид, что не заметил.

– Лично я? Нет, – ответил Бил. – Я лишь управляю бизнесом. Но, надо думать, теперь, когда есть электропечи для обжига и прочие

прибамбасы, все стало гораздо проще. Другое дело – старые печи, которые еще коксом топили, – попробуй-ка сохрани там нужную температуру!

– Так где было производство? – снова спросил я.

Бил не спешил с ответом, и я понял: вот сейчас беседа перешла из разряда дружеской болтовни в «оказание посильной помощи следствию». Стефанопулос тоже ощутимо напряглась.

– На Поттери-лейн, разумеется, – сказал он наконец. – Хотите еще ликера?

Стефанопулос улыбнулась и подвинула к нему свой стакан. Допрашиваемый знает, что должен быть настороже. Но он не в курсе, что мы это знаем, – вот наше главное преимущество.

– И она всегда была там, еще с шестидесятых? – уточнил я.

Бил снова помедлил с ответом – видимо, сопоставлял даты. Потом сказал:

– Нет, ее перенесли в Северный Стаффордшир, в одну из тамошних гончарных мастерских.

– В какую именно? Название не помните?

– Никак не пойму, почему это вас интересует, – сказал он.

– Не нас, – покачал я головой, – а отдел искусства и антиквариата. У них дело о краже статуэток из интернет-магазина.

Стефанопулос не выдержала и фыркнула. Спасибо, хоть не расхохоталась в голос.

– А, ясно, – кивнул он. – Думаю, смогу вытрясти из них что-нибудь. Это срочно?

На этот раз я помолчал, чтобы оценить его реакцию. А он держался гораздо спокойнее, чем предполагал имидж доброгосударственной-в-вязаном-свитере. Как будто реально хотел помочь.

– Нет, – сказал я, – не очень. Можно после Нового года.

Глотнув ликера для поднятия духа, Грэм Бил поведал нам, что технология производства «Несокрушимой Керамики» – это, конечно, замечательно, однако Юджин Бил и его оставшиеся соратники, накопив потрясающий опыт в прокладке тоннелей, сами в итоге стали подрядчиками. После механизации, когда большую часть рабочих заменили громоздкие машины, каждое поколение фабрикантов в семье Бил вооружалось знаниями, чтобы встретить новый виток технического прогресса.

– Но вы же вроде только управляете бизнесом? – уточнил я.

– Верно, – кивнул Бил. – В нашем поколении дар инженерной мысли достался моему младшему брату. Несмотря на название, мы также много занимаемся гражданскими сооружениями. Собственно, это нас и спасло во время кризиса. Мы бы не выплыли, если б не договоры на строительство Кроссрейла^[37].

– А с вашим братом мы можем пообщаться? – спросил я.

Бил отвел взгляд.

– Боюсь, что нет. Он погиб. Несчастный случай на производстве.

– Простите.

Бил вздохнул.

– Как бы далеко ни зашел технический прогресс, – сказал он, – прокладка тоннелей и сейчас довольно опасная работа.

– Что касается склада, – быстро вклинилась Стефанопулос, пока меня снова не понесло в какие-то непонятные дебри, – это же основная часть вашей недвижимости, даже на нынешнем ее рынке. Почему вы не извлекаете из него прибыль?

– Как я уже говорил, у нас семейный бизнес, – ответил Бил. – И, как у многих подобных компаний, наши схемы управления не всегда были рациональны. Этот склад мы сдали в аренду «Нолану и сыновьям» еще в начале шестидесятых, и, поскольку договор с ними еще действует, мы ничего не можем там делать.

– Очень необычный договор, – заметила Стефанопулос.

– Наверно, это оттого, что написан он был на картонной подставке для пива, а скреплен рукопожатием, – отозвался Бил. – Мой отец вел дела именно так.

Мы задержались еще на пару минут, записать контакты, чтобы какой-нибудь бедолага из подчиненных Стефанопулос мог насладиться Рождеством, погрязнув в корпоративной структуре «Бил Проперти Сервисез» – просто так, на случай, если потом пригодится. Но, скорее всего, это будет не срочное задание и бедолага пожертвует только встречей Нового года.

Мы вышли и, стараясь обходить скользкие проталины, двинулись к «БМВ» Стефанопулос.

– Меня, Питер, история гончарного производства влечет не больше, чем остальных женщин, – сообщила старший инспектор. – Чего ты завелся с этой керамикой, в чем тут дело?

– В орудии убийства, – сказал я.

– Ну наконец, – выдохнула Стефанопулос. – Хоть какая-то ниточка.

– Джеймса Галлахера, – начал я, – ударили в спину осколком широкой плоской тарелки. Ее материал по химическому составу совпадает с тем, из которого сделана миска для фруктов, найденная у Зака. Мы выяснили, что она с того склада, и обнаружили там горы похожего товара.

– А склад принадлежит «Несокрушимой Имперской Керамике», – задумчиво протянула Стефанопулос. – Что ж, идем дальше – хотя погоди-ка. С керамики и начинаются «странности»?

– Зависит от того, босс, что вы готовы услышать, – улыбнулся я, открывая ей дверцу пассажирского сиденья.

– А у меня что, есть выбор?

Я сел за руль.

– Есть: либо бессмысленные иносказания, либо Незримый Университет, как он есть, – сказал я. – Незримый Университет – это почти как Хогвартс, только...

– Я в курсе, – оборвала меня старший инспектор. – Читала Пратчетта.

– Серьезно?!

– Да нет, просто моя сестра накупила его книжек и читает мне вслух за завтраком.

– А вы что любите читать на досуге?

– Предпочитаю биографии, и чем печальнее, тем лучше, – ответила она. – Как-то успокаивает, когда осознаешь, что у тебя было не самое трудное детство.

Я промолчал: есть вопросы, которые точно не стоит задавать старшим по званию.

– Значит, так: пусть будут иносказания, только содержательные, – наконец определилась Стефанопулос.

Я вырулил с парковки и стал объяснять:

– На всей керамике, что мы нашли, стоит своего рода клеймо, которое свидетельствует о ее... *необычности*. Но со временем это клеймо стирается, блекнет, как...

Как распадается радиоактивный элемент, чуть не сказал я, но вовремя удержался. А то, как обычно, пришлось бы объяснять, что

такое период полураспада. Ну на фиг, себе дороже.

– Как картина, долгое время висевшая на солнце, – нашелся я. – На той посуде, что мы нашли, клейма старые, местами даже очень. А на орудии убийства оно совсем свежее.

– А на тех тарелках, которые Кевин забрал?

– Тоже старое, – сказал я. – Думаю, их до этого хранили где-то в другом месте.

– Где хранили? – переспросила Стефанопулос. – И кто?

– Чтобы это выяснить, кому-то надо спуститься в тоннель через тот люк, – сказал я.

Ну и кому же, угадайте с трех раз?

17. Бейсуотер

Если верить сержанту Кумару, первое правило при осмотре тоннелей гласит: минимум людей должно находиться на путях одновременно. Чтобы при несчастном случае спасателям пришлось откапывать минимум трупов. Это означало, что в группу войду я как эксперт по *особым* случаям и Кумар, потому что имеет опыт работы под землей. Я спросил, где он его приобрел.

– В свободное время я занимаюсь спелеологией, – пояснил сержант. – В основном в Йоркшире и Дартмуре, но в этом году на месяц ездил в Мегалайю. Это, как выяснилось, штат юго-восточной Индии, абсолютно дикий и неизведанный для спелеологов, очень притягательный и опасный.

Можно было не рассчитывать, что ради нас перекроют Серклайн: движение только-только восстановили после коллапса, вызванного снегопадом. Поэтому оставалось только ждать часа ночи, когда метро закроется. Кумар предложил мне поехать домой отдохнуть, а потом вернуться, экипироваться как положено и приступить к делу.

И вот, оставив Лесли наблюдать за несуществующим домом, я отправился в Безумство есть и спать. В восемь вечера встал, принял горячую ванну и вышел прогулять Тоби на Рассел-сквер. Было сухо и холодно, и на ясном небе наверняка выпали звезды, но вечное марево лондонских фонарей мешало их разглядеть. С Кумаром мы договорились встретиться там же, в Бейсуотере, где-нибудь в десять. Поэтому как только Тоби закончил метить территорию, я повернул обратно к особняку: пора было собираться. В атриуме мне навстречу из темноты вдруг выплыла Молли. Я вздрогнул. Каждый раз вздрагиваю, и, похоже, это ее очень забавляет.

– Может, перестанешь уже так делать? – вздохнул я.

Молли иронично глянула на меня и протянула большую сумку, принадлежавшую Лесли. Я взял ее и клятвенно пообещал передать хозяйке. Ужасно хотелось открыть и заглянуть внутрь, но я переборол себя. Нельзя знать наверняка, что Молли не следит за тобой из темноты, и это очень поддерживает силу воли.

К моему удивлению, в гараже возле «Ягуара» меня ждал Найтингейл.

– Я подвезу вас, – сказал он.

На нем был теплый темно-синий костюм, такого же цвета аранский свитер и коричневые ботинки на шнурках, неброские и прочные. На вешалке над задним сиденьем висело шерстяное пальто «Кромби».

– Будете руководить операцией? – спросил я, когда мы сели в машину.

Найтингейл завел мотор, но трогаться сразу не стал, решил прогреть.

– Я подумал, нужно сменить Лесли, – ответил он, – доктор Валид запретил ей переутомляться.

Я временами забываю, как потрясающе мой шеф водит машину. Особенно «Ягуар». Он крадется сквозь заторы на дорогах, как тигр по джунглям. То есть это я представляю, что тигры крадутся, а на самом деле эти зверюги прут по лесу вальяжно и нагло, словно ротвейлеры по выставке пуделей.

Пока мы ехали, я излагал ему подробности операции:

– Я и Кумар через люк спустимся на пути, встретимся там с обходчиком, которого он вызвал, и пойдем посмотрим, куда делись наши фрукты-овощи.

– Кумар и я, – поправил Найтингейл, – а не «я и Кумар».

Он то и дело пытается править мою речь и отчего-то игнорирует абсолютно логичный и убедительный, с моей точки зрения, довод: правила английской грамматики в большинстве своем надуманные и в повседневной речи либо почти, либо совсем не используются.

– Кумар и я, – кивнул я, чтоб не расстраивать шефа, – спустимся, а Лесли и пара человек из отдела убийств будут наблюдать за путями – так, на всякий случай.

– На какой именно случай? – любопытствовал Найтингейл. – Что вы надеетесь там найти?

– Ну не знаю... бомжей? Троллей? Разумных барсуков? В общем, вам лучше знать.

– Троллей можно исключить, – сказал Найтингейл. – Они предпочитают селиться на берегах рек, особенно в тени каменных или кирпичных сооружений.

– Отсюда и легенды про троллей под мостом, – предположил я.

– Именно, – кивнул Найтингейл, – но, насколько мне известно, никого *необычного* в тоннелях метро найти нельзя. И в коллекторах, кстати, тоже. Но во все времена, конечно, ходили слухи о поселениях бродяг и кланах землекопов, замурованных под землей и ставших людоедами.

– Был такой фильм, – вспомнил я.

– «Линия смерти», – проявил неожиданные знания шеф, – с Дональдом Плезенсом в главной роли. Не надо так удивляться, Питер: если у меня никогда не было телевизора, это не значит, что я не ходил в кино.

А я и правда думал, что он вечно сидел в библиотеке с небольшим томиком метафизической поэзии, ожидая, когда Комиссар позвонит ему на Бэт-телефон и призовет к действиям. Зло, мол, не дремлет, инспектор, пора за руль волшебного «Ягуара»!

– В кинотеатр Дэвида Лина^[38] – возможно, – сказал я, – а вот на дешевые отечественные ужастики вряд ли.

– Его показывали в кинотеатре рядом с Безумством, – пояснил Найтингейл, – буквально за углом. Мне стало интересно, что это такое.

– А как насчет слухов, по которым не сняли кино? – спросил я.

– Один мой школьный приятель, Уолтер, как-то пытался доказать мне, что в любой разветвленной структуре, будь то система подземных тоннелей или телефонная сеть, может обитать какой-нибудь гений места. Так же как в реках и прочих локациях, обладающих энергией.

Найтингейл умолк, сосредоточенно объезжая скопление машин на съезде с Хэрроу-роуд.

– И что, он оказался прав? – не выдержал я.

– Не могу сказать, – ответил он. – Когда он начинал рассуждать на эту тему, я понимал в лучшем случае одно слово из десяти. Но он действительно был потрясающе умен, так что я готов, по крайней мере, допустить такую возможность. И, разумеется, если какой-нибудь шотландец, знакомясь со мной, скажет, что он бог телефонной сети, я скорее поверю ему на слово.

– Почему шотландец? – не понял я.

– Вспомните Александра Грэма Белла^[39].

Определенно, сегодня шефу пришла охота говорить загадками.

Мы одолели несуразную круговую развязку в Бейсуотере и повернули на Квинсвей, где в этом году устроили настоящую рождественскую аллею с мощной иллюминацией. Многие магазины работали допоздна, и на тротуарах было не протолкнуться. Погодный катаклизм сделал свое дело, превратив обычную предрождественскую лихорадку в буйное помешательство.

– А вам удалось выкроить время на покупку подарков? – спросил шеф.

– Да, с этим порядок, – кивнул я. – Уже приготовил подарок маме.

Подарок маме – это конверт денег, ибо в части рождественских подарков моя мама отнюдь не разделяет концепцию «главное – внимание».

– А папе добыл самого настоящего «*Easy Geary*», 1955 года выпуска. Двенадцатидюймовая пластинка, в отличном состоянии.

– Студии «Хатор»? – уточнил Найтингейл.

Я очень удивился: как-никак, речь шла о малоизвестном джазе западного побережья. И сказал шефу, что у него потрясающе широкий музыкальный кругозор.

А вот для Лесли выбрать подарок было очень трудно. В конце концов я остановился на аранском свитере крупной вязки, какие в скандинавских криминальных сериалах носят сыщики на грани нервного срыва. Про свой подарок Найтингейл не стал спрашивать. Я про свой тоже не стал.

Было ясно и холодно, когда мы припарковались у фальшивого жилого комплекса. Он теперь очень удачно сочетал в себе функции наблюдательного пункта и раздевалки. Кумар привез мне гидрокостюм и ярко-оранжевый комбинезон с желтыми светоотражающими полосками, который надевается поверх. Неопрен был тонковат, а сам гидрокостюм слегка висел, но я и не собирался строить из себя икону стиля.

– Вообще гидрокостюмы вряд ли понадобятся, – сказал Кумар, – если только не придется лезть в коллектор. Важно, чтобы ты мог двигаться свободно и не перегревался.

Обувь, которую он мне выдал, больше всего напоминала плод несчастной любви «Мартенсов» и «Веллингтонов», но внезапно оказалась очень удобной. Переодевались мы в «лючной комнате». Сам

люк закрыли, чтоб я не свалился вниз, прыгая на одной ноге в попытке натянуть сапог.

– Жилет надевать? – спросил я Кумара.

– А все-таки, что вы думаете там найти? – ответил он вопросом на вопрос.

– Не знаю. Вот честно.

Наши бронежилеты специально разработаны для лондонской полиции, чтобы сдерживать пули и удары ножа – сдерживать, заметьте, а не останавливать. Я два года носил такой, патрулируя улицы, но за последний год как-то отвык. Но мы решили их все же надеть: хоть какая-то защита.

Шлемы, как и комбинезоны, были ярко-оранжевые, со светоотражающей полосой. На них крепились ультрасовременные светодиодные фонари. Мы поделили оставшееся снаряжение: Кумар взял веревку и спасательный инструмент, а я – аптечку и запас еды и воды.

– Вот черт, – сказал я, – на учениях по погромам и то легче было.

Вошла Лесли, которая в соседней комнате дожидалась, пока мы переоденемся.

– Найтингейл спрашивает, когда планируете начать, – сказала она.

– Как толькождемся обходчика, – ответил Кумар. Открыл люк и присел, вглядываясь в темноту в поисках одного.

– То есть, кроме нас, там никого не будет? – решил уточнить я.

Кумар поднялся на ноги.

– Вообще народу там соберется немало, – сказал он. – Сегодня в подzemку согнали всех, кто согласился взять дополнительную смену. Завтра у магазинов последний рабочий день перед Рождеством и первый день на этой неделе, когда поезда нормально ходят. В общем, жесть будет.

– А ваши ребята – они как, боевые? – решил уточнить я.

– Еще какие, – сказал Кумар.

– Отлично, – кивнул я, – значит, есть кого позвать на помощь, если что.

Темноту внизу вдруг пронзил луч фонарика, а тишину – резкий полицейский свисток.

– О, обходчик пришел, – сказал Кумар и крикнул вниз: – Дэвид, мы здесь!

Пока они перекрикивались, Лесли сходила за Найтингейлом. План был такой: он будет следить за происходящим наверху и в случае чего поспешит к нам на помощь. Или, скорее, заберет нас, если мы вылезем на поверхность где-нибудь не здесь.

– Давай уже опустим лестницу? – предложил я.

– Если только это лестница, – скептически отозвалась Лесли.

Я лег на пол и высунул голову в люк, высматривая медный рычаг, при помощи которого лестница раскладывалась. Луч фонарика снизу устремился мне в лицо.

– Отойдите немного в сторону! – крикнул я, и луч сместился. Я уже протянул руку к рычагу, как вдруг прямо над ухом у меня раздалось:

– Уверен, что безопасно?

Я повернул голову. Лесли, оказывается, легла на пол рядом со мной и тоже высунулась в люк.

– Ты о чем?

– Мы не знаем, как работает эта фигня, – сказала она, пристально глядя на рычаг. – А вдруг крутанется и оторвет тебе руку?

Еще во время стажировки в Черинг-Кроссе я понял, что к предложениям Лесли стоит прислушиваться. Особенно после случая с карликом, стриптизершей и шубой.

– Ладно, спущусь по веревке, – сказал я, встал и пошел ее искать.

Найтингейл жестом велел мне отойти в сторону. Я чувствовал, как он выстраивает *форму* порядка эдак четвертого. И коротко, не расходуясь на внешние эффекты, выдает заряд силы – тактика, в которой я стал наконец распознавать его *сигнаре*. Раздался скрип, потом лязг: рычаг сработал сам собой. Затем я услышал неожиданно тихий, но долгий металлический скрежет: лестница, раздвигаясь, устремилась вниз.

– Ну, так тоже можно, – пожал я плечами.

– Это магия? – спросил Кумар.

– Пожалуйста, давайте поторопимся, – ушел от ответа Найтингейл.

Я осторожно поставил ногу на верхнюю ступеньку, перенес вес. Ступенька спружинила, но выдержала, и я полез вниз. Последнюю ступеньку отделяло от земли чуть меньше полуметра. В целях безопасности, подумал я, чтобы случайно не наступить на контактный

рельс. Остальные, увидев, что я успешно спустился, последовали моему примеру. Кумар представил меня обходчику – веселому валлийцу по имени Дэвид Ламберт. Именно его заботой было каждую ночь бродить по тоннелям и проверять, нет ли где каких аварий.

– Я шестой год хожу по этой ветке, – сказал он, – и всегда думал, зачем там наверху эти железяки.

– А выяснить не пытались?

– Да как-то нет, – сказал обходчик. – Это же не наше оборудование, а у меня и так забот по горло.

Мы уже находились за пределами фальшивых домов, но вокруг по-прежнему было темно хоть глаз коли. В пятидесяти с лишним метрах к востоку светились огни станции «Бейсуотер», где бригады рабочих в светоотражающих комбинезонах устанавливали на рельсы тяжелую ремонтную технику.

Мы понимали, что где-то в тоннеле должна быть потайная дверь. Даже если посуду возили ночью, свежие-то овощи приходилось доставлять днем, когда по тоннелям ездят поезда. А пятиминутного интервала в их движении для такого дела явно мало. Даже не пятиминутного, а меньше – в свете фар машинист далеко видит в тоннеле. Итак, поскольку на пятьдесят метров в любую сторону не нашлось никакого явного входа, мы предположили, что он тайный.

– Тайный вход всегда есть, – сказал я, – поэтому надо, чтобы в команде обязательно был вор.

– Ты не говорил, что играешь в «ДнД», – удивилась Лесли, когда я объяснил, почему именно вор. Очень хотелось объяснить, что играл я, когда мне было тринадцать, и не в «ДнД», а в «Зов Ктулху». Но горький опыт подсказывал, что не стоит.

– А интуицию прокачать не надо? – спросила Лесли, когда я медленно двинулся вдоль грязной кирпичной стены тоннеля.

– Что-то ты многовато знаешь о компьютерных играх, – заметил я.

– Еще бы, – отозвалась Лесли. – Брайтлинси, знаешь ли, не тянет на парк развлечений.

Внезапно я что-то почувствовал. Остановился, провел пальцами по кирпичной кладке, ощупывая шершавую поверхность. И вот оно: запах горячего песка, как от печи для обжига. И тихий, едва различимый далекий рокот. Слишком слабый даже для *вестигия*, еще летом я его и не уловил бы, но постоянная практика делает свое дело.

– Есть, – сказал я.

Определил источник: с северной стороны тоннеля, под дорогой, на которую выходят окна фальшивых домов. Пятачок, который не просматривается ни из одного здания, расположенного фасадом к путям. Меньше чем в пяти метрах от того места, куда вывела нас раздвижная лестница.

Я достал телескопическую дубинку и провел, постукивая, по стене. Полости за ней вроде не было, и все же кирпич отзывался на звук иначе, чем вокруг этого участка. Для надежности стены туннеля были усилены нишами, арочные своды которых, если смотреть снаружи, напоминали отделанные кирпичом окна. В нише, подумал я, проще всего было бы сделать потайную дверь. В любом приключенческом фильме такая дверь открылась бы, если нажать на нужный кирпич. Я приглядел подходящий, как раз на уровне пояса, и нажал, просто чтоб отвязаться от этой идиотской мысли.

Кирпич плавно поехал внутрь. Раздался щелчок, и дверь приоткрылась.

– Охренеть! – выдохнула Лесли. – И правда тайный вход!

Дверь была плотно притерта и как следует смазана. За ее состоянием явно следили: несмотря на солидный вес, она открылась легко, стоило мне потянуть. Внутренняя ее сторона была стальной – отсюда и тяжесть. А внешнюю для маскировки каким-то образом умудрились облицевать толстым слоем керамики.

– Молви «друг» и войди, – прокомментировал Кумар.

Я вошел и огляделся. За дверью чернел выложенный кирпичом проход, в котором могли свободно разойтись два человека. Сводчатый потолок был неожиданно высоким – пришлось выпрямиться, чтобы достать до него. Тайный ход шел параллельно тоннелю: направо, к Бейсуотеру, и налево, в сторону Ноттинг-Хилла. По левую руку на полу валялся раздавленный стручок фасоли.

– Ага! – сказал я. – Вот они куда пошли.

Неподвижный воздух был каким-то безвкусным, как много раз кипяченая вода.

– Тогда вы пойдете по следу из хлебных крошек, – решил Найтингейл, – а мы с Дэвидом пока бегло осмотрим ход в противоположном направлении. Определим, где он заканчивается.

– Думаете, идет аж до Бейкер-стрит? – усомнилась Лесли.

– Если так, это объясняет, как Джеймс Галлахер оказался там, где оказался, – сказал Найтингейл.

Обходчик Дэвид явно сомневался:

– Тогда бы он пошел через Паддингтон, а это крупная станция с открытыми платформами.

– В любом случае проверим, – сказал шеф. – Возможно, тоннель уходит под Паддингтон.

– А мне что делать? – спросила Лесли.

– Охранять потайную дверь и действовать как связной. Ну а если услышите наши крики, бегите нас спасать.

– Супер, – мрачно изрекла Лесли.

И вот я, чувствуя спиной ее возмущенный взгляд, двинулся вслед за Кумаром по тайному ходу. В голове крутилась назойливая мысль, что нашей команде недостает вора и клирика.

Пятница

18. Ноттинг-Хилл Гейт

Сначала я размышлял, сколько народу может продержаться на пяти-шести ящиках овощей в день. Потом, когда мы прошли, держась друг за другом, метров пятьсот, возникла мысль, что отсюда чертовски далеко ходить в магазин. Она логичным образом вылилась в следующую: что же обеспечивало белок в рационе наших таинственных любителей зелени? Грибы? Крысы? Случайно забредшие электрики? Спасибо вам большое, инспектор Найтингейл, за ваших землекопов-людоедов.

– Как думаете, когда проложили этот ход? – спросил Кумар.

– Тогда же, когда и основной тоннель, – ответил я. – Видите, как лежат кирпичи? Это называется «английская кладка», в тоннеле такая же, и кирпич такой же. И скорее всего, местного производства.

– Неужели этому учат в Хендоне? – удивился сержант.

– До Хендона я тоже кое-где учился, – ответил я, – и даже хотел поступать в архитектурный.

– Но передумали, пленившись полицейской романтикой? – продолжал Кумар. – Не говоря уж о высокой зарплате и восхищении сверстников?

– С архитектурой ничего не вышло, – признался я.

– Это почему?

– Я вдруг понял, что совсем не умею рисовать.

– А это что, до сих пор требуют? – удивился Кумар. – Есть же компьютерная графика и все такое прочее.

– Без черчения по-прежнему никуда, – сказал я. – Там поворот впереди, что ли?

Коридор действительно уходил влево.

– Должно быть, ход повторяет изгиб тоннеля, – сказал Кумар, глянув на карту. – Думаю, вы правы и их действительно прокладывали одновременно.

Логично. Если копаешь через центр Лондона ров шириной в девять метров, отчего бы не прорыть и боковой тоннель? Использовать его можно по-разному: как аварийный путь, например, или как

технический проход. Но тогда почему он такой узкий? И почему бы просто не разделить раскоп надвое опорной колоннадой?

– Надо было посмотреть общий план тоннелей, – сказал я.

– Да смотрел уже, – пожал плечами Кумар, – не было тут никаких потайных ходов.

Мы остановились, когда прошли поворот и все, что осталось за ним, начало теряться из виду. Я посветил туда на всякий случай фонариком: где-то там Лесли должна была стоять на страже и ждать, когда мы возопим о помощи. Потом достал «Эйрвейв» и набрал ее.

– Здесь, – отозвалась Лесли и помахала рукой с фонариком.

Я сказал, что скоро у нас, возможно, пропадет связь. Такие гарнитуры, конечно, работают в метро, но только там, куда достает радиосигнал. А тоннели лондонской подземки старше цифровых радиотелефонов века эдак на полтора.

Лесли сообщила, что Найтингейл вышел с противоположной стороны станции «Бейсуотер». Это увеличивало вероятность, что Джеймс Галлахер все же мог добраться таким образом до Бейкер-стрит. Она сказала, доказательства этого нам надо поискать и на своем отрезке тоже.

– Гениально, – усмехнулся я, – сам бы в жизни не догадался.

– Осторожней там, – буркнула она и отключилась.

Я размышлял, не придется ли нам тащиться до самого Ноттинг-Хилла, как вдруг Кумар обнаружил лестницу. Она была винтовая и обвивала узкую чугунную ось. Однозначно конец Викторианской эпохи: только в те времена могли угробить столько ресурса на конструкцию, которую никто и никогда не увидит. Лестница уходила вниз, в шахту, – трудно сказать, насколько глубоко. Оттуда мощными волнами поднимался запах хлорки и человеческих испражнений.

– Она ведет в коллектор, – заметил Кумар.

За лестницей ход продолжал изгибаться влево.

– Идем дальше или спускаемся? – спросил я.

– Можем разделить, – предложил Кумар с энтузиазмом, которого я отнюдь не разделял.

В свете налобного фонарика пол коридора за лестницей казался светлее, чем перед ней. Я наклонился, чтобы рассмотреть получше. Слой пыли там был явно толще: ее долго никто не тревожил. Не бог

весть какой аргумент, конечно, но другого не было. К тому же разделяться не хотелось категорически.

Я изложил свои доводы Кумару. Он достал люминесцентную палочку, зажег и поставил у выхода на лестницу для ориентира. Что-то черкнул в блокноте.

– Полезли.

И мы начали медленно спускаться, считая витки. На третьем обнаружили площадку и дверь в стене. Ступеньки уводили дальше вниз, но я решил заглянуть за дверь. Открыл и чуть не задохнулся: запах хлорки и дерьма просто валил с ног. Помещение, которое я увидел, было размером с чулан, а большую часть пола занимал открытый люк. Зажимая нос и хватая воздух ртом, я глянул вниз. Подо мной находился один из знаменитых коллекторов Базалгетта, безошибочно узнаваемый по яйцевидному сечению и кирпичным сводам – добротной английской кладке. В самом широком месте он раздавался больше чем на метр. Где-то на четверть его наполняла вода, подозрительно чистая, если учесть запах.

– Только не говорите, что они свое продовольствие возят *здесь*, – прогнусавил я.

– Явное нарушение пищевых стандартов, – ответил Кумар. – Спускаться не будем, моя подготовка не позволяет работать в коллекторах.

– А я думал, вы лазили по самым диким медвежьим углам, – сказал я, – и по пещерам, где не ступала нога человека.

– Лазил, – кивнул Кумар, – и ни одна из них не сравнится по опасности с лондонской системой коллекторов. И по вони тоже, – добавил он, зажимая нос.

Я осмотрел крышку люка. Железная, кованая, поздневикторианская. И с той же керамической облицовкой, что и дверь в потайной ход.

– Ее сделали так, чтобы держать всегда закрытой, – заметил я. Открыл-закрыл пару раз, чтоб показать, что на внутренней стороне нет ни ржавчины, ни пыли. – Кто-то очень спешил и забыл закрыть. Думаю, все же надо туда заглянуть.

– А знаете, о вас ходят кое-какие слухи, – сказал вдруг сержант.

– И как по-вашему, они врут?

– Скорее уж преуменьшают, – ответил Кумар. Хотелось спросить, что же это за слухи, но нет, подумал я, не дожидается.

– Спустимся, быстренько все осмотрим и, если ничего не найдем, вернемся обратно.

– Благоухая розами, – кивнул Кумар.

Папа как-то сказал, у русских есть поговорка: «Человек, подлец, ко всему привыкает». Увы, в список «всего» не входит аромат лондонских коллекторов, для описания которого и слов-то не подберешь. Скажу только, что он из тех запахов, которые увязываются за тобой до дома, поджидают за порогом и норовят просочиться даже через голосовую почту. Не выдержав, мы с Кумаром запихнули в нос кусочки бумажных салфеток и дружно решили, что, если придется лезть сюда еще раз, понадобятся более радикальные меры – в частности, ампутация носа.

Я, как автор идеи, спустился первым. Ледяная... а, пусть будет «вода» оказалась глубиной по колено и сразу полилась через верх в сапоги. Позже один ассенизатор – тот, кто зарабатывает на жизнь выкачиванием дерьма из коллекторов, – сказал мне, что только идиот полезет в канализацию без болотных сапог по пояс. В свою защиту могу сказать, что сегодня помимо меня там было еще несколько идиотов.

Высота потолка позволяла брести, выпрямившись в полный рост, но каской я все равно об него задевал. Однако упорно продвигался вперед, преодолевая неожиданно сильное течение. Сзади плюхнулся Кумар.

– Ух, ни фиги себе! – выдохнул он.

– Ага, – согласился я, – вода холоднющая.

– Она талая, – пояснил Кумар, – потому я и взял гидрокостюмы.

Вдруг я услышал всплеск впереди. Посветил туда.

– Там кто-то есть.

– Гасите фонарь, – скомандовал сержант. Я погасил, он тоже.

Воцарилась полная темнота. Стал четче унылый плеск грязной воды вокруг ног, ее чавканье о стены и до невозможности отвратные хлюпающие звуки где-то позади нас.

– Думаю, нас услышали, – прошептал я.

– Или там просто нет никого, – также шепотом предположил напарник.

Мы ждали, молча и неподвижно. Леденящий холод просачивался сквозь сапоги и гидрокостюмы, пробирая до костей. Нет, я вовсе не страдаю клаустрофобией, просто у меня есть воображение. И оно не позволяло забыть, какая масса сейчас у нас над головой. Стоило об этом подумать, как сразу начало казаться, что кислорода уже не хватает.

Впереди снова раздался всплеск. Не понять, на каком расстоянии – метрах в десяти или меньше. Я бросился вперед со всей скоростью, на какую был способен при таком течении, одновременно пытаюсь на ощупь включить налобный фонарик. Наконец мне это удалось, и не зря: впереди мелькнуло нечто зеленовато-коричневое. Луч фонарика прыгал, но мне удалось разглядеть спину и плечи убегающего человека. Одет он был в камуфляж, на голове – шлем типа скейтбордного. И в отличие от меня ему вода доходила почти до пояса.

– Стоять! – заорал я. – Полиция!

Очень хотелось, чтобы это подействовало, потому что устал я уже как собака.

Незнакомец пытался ускорить бег, но высокий рост давал мне преимущество в скорости.

– Ни с места! – снова крикнул я. – А то хуже будет!

Тут я вспомнил, где мы находимся, и уточнил:

– Еще хуже, чем сейчас!

Человек остановился, его плечи поникли. И внезапно затряслись от сдавленного смеха, а я вдруг понял, кто перед нами.

Агент Рейнолдс повернулась к нам, лучи фонарей осветили ее бледное лицо.

– Ну привет, Питер, – вздохнула она. – И что вы тут забыли?

19. Лэдброк-Гроув

– Надо спешить, – сказала агент Рейнолдс, – я его преследовала по пятам.

Есть вопросы, которые нельзя не задать, даже если очень не хочется.

– Кого «его»?

– Здесь кто-то есть. Это не вы, не я и не коммунальные службы.

– С чего вы взяли? – поинтересовался Кумар. – И кто вы вообще такая?

– Этот кто-то ходит по коллектору без фонаря, – пояснила она. – А я Кимберли Рейнолдс, специальный агент ФБР.

Кумар протянул руку через мое плечо. Рейнолдс ее пожала.

– Никогда в жизни не видел агента ФБР, – признался он. – Так кого же вы преследовали?

– Она не знает, – напомнил я.

– Но если не продолжим, кто бы это ни был, он уйдет, – сказала она.

И мы бросились в погоню, во-первых, поскольку неизвестный якобы убегал, а во-вторых, потому что такова уж природа любого копа. Включая спецагентов.

Я, правда, сразу заявил, что по окончании погони захочу кое-что выяснить.

– В частности, что вас, собственно, сюда привело, – сказал я.

– Позже, – процедила сквозь зубы Рейнолдс, шлепая впереди.

Вообще «погоня» – это, конечно, сильно сказано. По колено в ледяной воде особо не побегаешь. Да и пешком идти против течения, прямо скажем, утомительно. Некоторое время мы наблюдали, как Рейнолдс, пошатываясь, бредет первой, потом уговорили пропустить меня вперед и взяться за мой пояс, чтоб я мог тянуть ее за собой. Мы не разговаривали – дыхания не хватало, и, когда метров через сто вышли к зигзагу, я решил, что пора передохнуть.

– Ну его на хрен, все равно не поймаем.

Рейнолдс поджала губы, но спорить не стала – тоже слишком вымоталась.

После зигзагообразного поворота коллектор резко расширился вдвое. Сырые дыры где-то посередине стены то и дело извергали нам под ноги потоки жидкости. А одна, в самом низу, – отвратную на вид желтовато-белую субстанцию, которая скапливалась кучей внизу.

– Только не говорите, что это то, о чем я подумала, – просипела Рейнолдс.

– А что вы подумали?

– Что это кулинарный жир.

– Так и есть, – кивнул я, – это именно он. Вы находитесь в центре одной из главных достопримечательностей Лондона, знаменитом хранилище кулинарных жиров. Пахнет как в ларьке с кебабами, а?

– Уж раз мы упустили того, за кем гоняется ФБР, – сменил тему Кумар, – что будем делать? Пойдем дальше или вернемся?

– Вы уверены, что видели кого-то? – спросил я.

– Абсолютно, – кивнула Рейнолдс.

– Хорошо, раз уж мы здесь, давайте выясним, куда ведет этот ход, – предложил я. – А то не хочется лезть сюда еще раз.

– Воистину, – согласилась Рейнолдс.

И мы буквально поползли по канализационной трубе, которая все сужалась и сужалась. В конце концов мне пришлось согнуться в три погибели. А еще начало казаться, что уровень воды поднимается, но уверенности не было – ширина коллектора тоже менялась. Наверно, только неуместный мужской шовинизм и заставлял нас двигаться вперед, и к моменту выхода на развилку мы были бы рады любому предлогу отвертеться. Один малый тоннель уходил дальше вперед, второй круто поворачивал вправо. Выглядели они совершенно одинаково – узкие, тесные, полные дерьма.

А слева последним искушением Питера Гранта зияла ниша в стене – небольшая, меньше метра шириной. Там начинались ступеньки, которые вели наверх.

– Как бы я ни любил бродить по колено в дерьме, – вздохнул Кумар, – должен признать, что пора отсюда выбираться.

– Почему же? – поинтересовался я.

– Вода поднимается. И поскольку я старше по званию, боюсь, буду вынужден настаивать.

Он уставился на нас, ожидая, видимо, возражений.

– Про воду – это веский довод. Убедили, – сказал я.

Мы протиснулись по узкой лестнице и вылезли на прямоугольную площадку. Там оказалась лестница – как я понял, гораздо новее викторианских стен вокруг. Она поднималась метра на два к потолку, в котором явно просматривался контур закрытого люка.

– Тихо, – шепнула Рейнолдс. – Слышите?

По люку снаружи что-то стучало, часто-часто. Дождь, подумал я. Сильный дождь.

А с правой стороны площадки, где мы стояли, донеслось журчание воды, тихое, но отчетливое. Я обернулся на этот звук, и луч налобного фонарика осветил в полу прямоугольное отверстие вертикальной шахты.

Сержант Кумар взялся за поручни лестницы.

– Будем надеяться, – сказал он, – эта крышка не приварена.

Я подошел к прямоугольной дыре в полу и глянул вниз.

Оттуда на меня смотрел юноша. Он стоял на лестнице, ведущей вниз, в колодец, и держался за нее руками. Близко, меньше чем в метре от меня. Должно быть, совсем закоченел, дожидаясь, когда мы уйдем, и надеясь, что нам не придет в голову туда заглянуть. Я успел мельком увидеть бледное лицо с огромными глазами и черный капюшон толстовки. Потом парень разжал руки и упал вниз.

Нет, не упал. Скользнул по шахте колодца, упираясь руками и ногами в ее стены, чтобы замедлить движение. А у меня в ушах зашелестели приглушенные голоса, как бывает, когда в комнате полно народу и все перешептываются. И еще окатило иллюзорным жаром, словно я вышел на улицу знойным летним днем.

– Стоять! – крикнул я, залез в колодец и поспешил вниз по лестнице. Иначе не мог: то, что я чувствовал, было *вестигиями*. А то, что позволило парню спуститься, держась за стены, и не стереть при этом руки по локоть, было магией.

Кумар окликнул меня сверху.

– Он здесь! – заорал я в ответ, перескакивая через ступеньки. Когда остался примерно метр, прыгнул вниз. От удара жидкость, набравшаяся в сапоги, плеснулась вверх, к паху. Слава богу, она была теплая.

Еще коридор, узкий и короткий. В его конце я краем глаза уловил движение и кинулся туда. Пространство буквально заполнял шум бурлящего потока. Здравый смысл таки заставил меня остановиться в

конце коридора – на случай, если тот парень притаился за углом и у него есть ствол. Коридор выходил в сводчатый тоннель с крутыми, как у бочки, стенами. Справа вода обрушивалась за сливной порог. А слева я увидел его – пригнувшись из-за низкого потолка, он со всех ног плюхал прочь по самые бедра в воде.

Я метнулся влево, следом за ним. Течение ударило меня под колени, сбило с ног, опрокинуло на спину. И субстанция, которую не назовешь иначе как сильно разжиженными кашками, накрыла меня с головой. Я вскочил и здорово треснулся головой о потолок. Если б не каска, мог бы и насмерть.

Пошатываясь, шагнул вперед. Сзади, как сквозь туман, слышался плеск шагов. Хотелось верить, что это Рейнолдс с Кумаром. Впереди парень в черной толстовке устремился, похоже, к очередной развилке. Глянул через плечо, увидел меня и вдруг резко развернулся, одновременно выбросив правую руку вверх. Вспышка резанула глаза, раздался неприятно громкий хлопок, и что-то просвистело мимо уха.

Чем отличается неопытный боец от опытного? Неопытный, пока в него не выстрелят один или даже два раза, не осознает, что происходит. И замешкается, пусть всего на миг, но от этого мига зависит его жизнь. Если судить по этому критерию, я был зелен, как сопля. А вот агент Рейнолдс, слава богу, нет.

Чья-то рука ухватила меня за ворот комбинезона и с силой дернула вниз. В тот же миг справа что-то снова ярко вспыхнуло. Раздался грохот, и в ухе зазвенело так, словно по нему засветили с размаху толстым телефонным справочником.

Я заорал и грохнулся. Еще три вспышки и три взрыва, приглушенных, к счастью, слоем грязной воды. Я вынырнул, отплевываясь, и замер.

Рейнолдс, сгорбившись, стояла возле меня на коленях с черным полуавтоматическим пистолетом, который держала профессионально, обеими руками, нацелив на проход коллектора. Кумар скрючился позади меня, придерживая за плечо, чтобы я не вскочил и не подставился под пулю.

– Какого черта вы творите? – прошипел я.

– Отстреливаюсь, – спокойно ответила Рейнолдс.

У нее на пистолете под стволом был фонарик. Я проследил взглядом, куда падал его луч: как раз на развилку метрах в восьми

впереди нас. И вспомнил первую вспышку и первый выстрел.

– Попали в кого-нибудь?

– Не знаю.

– А знаете, сколько у вас будет проблем, если попадете?

– Конечно, нет. Расскажите.

– Здесь оставаться нельзя, – вмешался Кумар. – Идем дальше или возвращаемся?

– Да вот наша спецагент, возможно, кого-то ранила, – сказал я. – Если это так, нельзя оставлять его истекать кровью. Стало быть, идем дальше.

Кумар и Рейнолдс ответили дружным молчаливым неодобрением.

– Ладно, только до развилки, – добавил я.

– Но стрелять хотя бы можно? – спросила Рейнолдс.

– После предупреждения, – сказал я.

– И что сказать? – усмехнулся Кумар. – «А ну стой, незаконно проникший сюда вооруженный иностранный гражданин, оружие на пол и руки вверх»?

– Достаточно будет «Ни с места, ФБР!», – ответил я. – Если сильно повезет, он растеряется.

Никто не шелохнулся.

– Я пойду первым.

Однако я еще не совсем поехал мозгами. И, во-первых, понимал: наш таинственный незнакомец может быть где-то рядом только в одном случае: если Рейнолдс его ранила. А во-вторых, глубоко вдохнул и заранее мысленно выстроил форму *аэр конголаре*. Так, на всякий случай.

Для меня, по правде сказать, это была необычайно серьезная перестраховка.

Узкий канал, по которому мы пробирались, соединялся по диагонали с гораздо более широким. Его, судя по желтовато-коричневому кирпичу стен и чуть более свежему воздуху, построили позже, и служил он стоком для паводковых вод. Исправно служил, учитывая, какой бурный поток здесь несся.

– Никого, – сказала Рейнолдс и еще раз огляделась, медленно поворачиваясь и держа пистолет наготове.

Вверх по течению тоннель был идеально прямым и уходил вдаль. А внизу резко обрывался вниз трехметровым ступенчатым

водосливом.

– Думаю, он там, – сказала Рейнолдс, указывая вниз, в резервуар, где бурлила вода.

– Либо вы промазали, – предположил я, – либо подстрелили беднягу, и его унесло течением.

– Тут лестница наверх, – с надеждой заметил Кумар.

Лестница действительно была – она пряталась в углублении стены почти у самого водослива.

– Сегодня нам его не найти, – вздохнул я, – так что лучше вернуться. А вы, – добавил я, пристально глядя на Рейнолдс, – поедете с нами. Поболтаем о том, как и зачем вы тут оказались.

– Я возвращаюсь в отель, – возразила спецагент.

– Либо нам все рассказываете, либо Киттреджу.

– Да мне без разницы.

– Детский сад, – покачал головой Кумар, – уходим.

Не дожидаясь возражений, он поставил ногу на верхнюю ступеньку лестницы.

– Горячие полотенца обещаете? – спросила Рейнолдс.

– Сколько угодно, – кивнул я.

– Ну ладно, – сказала она и вдруг глянула мне через плечо. Я увидел, как осознание проступает на ее лице, как открывается рот для крика:

– Сзади!

Я резко развернулся, преодолевая сопротивление воды и судорожно вспоминая нужную *форму*. Вовремя: еле успел поставить щит. Пистолет-пулемет «Стэн» – одна из визитных карточек британской промышленности. Наряду с такими легендами, как «Мини Купер» и карта подземки, он является символом эпохи.

Это пистолет-пулемет совершенно особой конструкции, с боковым магазином и полым прикладом. Его создали в начале Второй мировой по принципу «дешево и сердито», причем «серdito» означало множество пуль, которые полетят примерно в сторону противника. Мы как-то откопали в оружейной пару насквозь проржавевших экземпляров, и Найтингейл пояснил, что, с точки зрения солдата-пехотинца, огневой мощи много не бывает.

Незнакомец вынырнул непонятно откуда в узком проходе и сразу же упал на колени, сжав пистолет обеими руками, точь-в-точь как

Рейнолдс. Мой взгляд был прикован к оружию, и я лишь мельком заметил то же самое бледное лицо с огромными глазами. В них застыл ужас пополам с мрачной решимостью.

Магазин у «Стэна» на тридцать два патрона, и ранние модели стреляли только очередями. Но делали их кое-как, поэтому прицелиться точно было нельзя. Это, возможно, и спасло мне жизнь.

Вспышка ослепила меня, грохот оглушил, а потом в грудь как будто ударили кувалдой – раз, другой, третий. Пошатнувшись, я шагнул назад, стараясь удержать закливание, но какая-то часть сознания истерично вопила, что я покойник. Потом погас свет, и я упал спиной назад, прямо в водослив. Полетел кувырком, треснулся о ступеньки локтем, бедром, поясницей. А потом меня протащило лицом прямо по шершавым кирпичам водосливного дна. Я рванулся вверх и вынырнул, ошалело глотая воздух. Попытался встать, яростно сопротивляясь течению, но, как только сумел, в меня врезалось что-то сходное по габаритам с человеческим телом, и мы оба снова ушли под воду. Потом чья-то рука обхватила меня поперек груди и приподняла в классическое спасательное положение. Прямо над ухом раздраженно закричали.

– Рейнолдс? – выдохнул я.

– Тише, – прошипела она.

И была права: мистер «Стэн» мог еще стоять там, над водосливом. А мог и спуститься, я бы его точно не услышал. Рейнолдс придерживала меня, и мы оба просто плыли назад по течению. Это было хорошо: сохранялось расстояние между нами и стрелком.

– Не думаю, что он нас преследует, – раздался совсем рядом тихий голос Кумара.

– Господи Иисусе, – сердито прошипел я.

– Ошибочка, я не воскресал из мертвых, – возразил сержант.

– Только давайте без богохульств! – попросила Рейнолдс.

А я вспомнил, как меня шарахнуло в грудь.

– Меня спас бронежилет.

Кумар удивленно хмыкнул: полицейские бронежилеты, конечно, *должны* защищать и от ножей, и от пуль, но я не знаю ни одного копа, который бы в это верил.

– Полагаю, сержант, теперь можно включить фонарик, – сказала Рейнолдс.

– Ничего не имею против, – отозвался Кумар, – только он сдох.

– Что, и ваш тоже? – удивилась агент. – Как это так? А у вас, Питер?

Проверить не было нужды, и я спросил Кумара, не осталось ли у него светящихся палочек.

– Только одна, – ответил Кумар, достал ее из кармана и разломил, позаботившись закрыть собой желтоватое свечение.

– Можете меня отпустить, – сказал я агенту Рейнолдс, – на ногах удержусь.

Она приподняла меня в вертикальное положение, но ноги поехали по скользкому дну, и я вынужден был наклониться под углом в сорок пять градусов, чтобы не унесло. Вода поднялась уже до пояса. Если верить Кумару, этот поток породили в равной степени талый снег и сильнейший ливень на севере Лондона.

– Сколько у нас времени? – спросил я.

– Подземные тоннели может заливать очень быстро, – ответил Кумар, – а этот специально приспособлен для максимально быстрого заполнения.

– Думаю, здесь оставаться не стоит, – заметил я.

– Серьезно? – подняла брови Рейнолдс.

Мы понимали, что обратно вверх по течению уже не проберемся, независимо от нашего желания и наличия там непонятного психа с пушкой.

– Ниже должен быть боковой выход на улицу, – сообщил Кумар. – Надо сплавляться, и мы его обязательно увидим.

Я вопросительно глянул на Рейнолдс – та только пожала плечами.

– Ну давайте, если надо.

Встав сзади, она обхватила меня за плечи, а Кумар, соответственно, крепко ухватился за нее. На счет «три» мы дружно оттолкнулись от дна, и течение понесло нас вниз по коллектору.

Вода поднялась уже выше середины стены, и ее поток несся вперед со скоростью горной реки. Я, если хотите знать, как-то сплавлялся на байдарке по такой реке – дело было в школе, мы пошли в поход, и большую часть я провел под водой. То же самое происходило и сейчас, поскольку я был впереди, вот только вода была далеко не такая чистая. Светящаяся палочка, которую разломил Кумар,

лишь слегка рассеивала мрак, добавляя уверенности, что мы сейчас абсолютно бессильны.

– Круто! – прокричал я. – Мы – бобслейная команда!

– Не-ет! – отозвался Кумар. – Санная! Для бобслея нужен боб!

– С ума сошли! – заорала Рейнолдс. – Санных троек не бывает!

Вынырнув в очередной раз на поверхность, я краем глаза успел заметить серое пятно где-то впереди. Открыл было рот крикнуть «свет!» и сразу пожалел: туда хлынуло сильно разбавленное содержимое канализации.

Серым пятном оказалась очередная развилка. Увидев углубление в стене, а в нем лестницу, я попробовал ухватиться. Не вышло – промахнулся всего на пару сантиметров. Меня пронесло мимо, но тут нога зацепилась за что-то твердое, и я упал вперед. Так распалась первая в мире англо-американская сборная по санным заездам в канализации.

Я снова треснулся обо что-то твердое. Оно было металлическое и стояло вертикально. Потом кто-то ухватил меня за лодыжку.

– Держитесь? – крикнул я Рейнолдс.

– Да, – отозвалась та, – а Кумар держится за меня.

– Отлично, – выдохнул я, – похоже, тут лестница наверх.

20. Холланд-парк

В полной темноте рано или поздно начинаешь соблюдать крайнюю осторожность, особенно если сперва чуть не разможил голову о бетонное перекрытие. Поэтому, поднявшись наверх, я тщательно и медленно ощупал все вокруг себя. Похоже, вылез я через очередной люк. Но было по-прежнему темно, хоть глаз коли.

Пришлось зажечь шар-светлячок. Он осветил прямоугольник бетонных стен, высокий потолок и контуры двери в дальнем конце помещения.

– Я вижу свет! – донесся снизу голос Рейнолдс.

– Минутку.

Я «подвесил» светлячок к потолку при помощи *скиндаре*, очень надеясь, что Рейнолдс примет его за лампочку. Потом выбрался на шершавый бетонный пол, освобождая ей дорогу.

– Ну наконец-то, – донеслось снизу.

Я протянул Рейнолдс руку и помог вылезти. Она вся дрожала, ладони были ледяные. Еле-еле отползла от люка и хлопнулась на спину, тяжело дыша. Следом за ней выбрался Кумар. Пошатываясь, сделал несколько шагов и сел, устало привалившись к стене.

– Свет, – выдохнула Рейнолдс, подняв глаза к потолку. – Слава богу.

Внизу, под нами, все так же шумел бурный поток.

Осторожно расстегнув комбинезон, я ощупал грудь. Сам бронежилет был вроде целый, но в нейлоновой ткани зияли три дыры. Почерневшие по краям, словно прожженные сигаретой. Что-то вдруг вывалилось оттуда, стукнуло по полу. Я наклонился и поднял. Это оказалась пистолетная пуля.

– Очень странно, – нахмурилась Рейнолдс, которая даже села ради такого случая. Она протянула ладонь, я отдал ей пулю. Она принялась рассматривать.

– Девять миллиметров. И почти не сплющилась. Уверены, что попала в вас?

Я снова пощупал ссадины под жилетом. Поморщился.

– Абсолютно.

– Ну, эта, наверно, сначала прошла сквозь воду.

Скорее через магическое силовое поле, которое я создал вокруг себя. Но я почему-то без труда удержался от такого комментария.

– Ну а с фонарями-то что случилось? Не понимаю, – сказал Кумар. Он успел снять с каски свой фонарь и теперь возился с его крышкой.

– Может, они не такие водонепроницаемые, как нам казалось? – предположил я.

Кумар подозрительно уставился на фонарь. Но светодиоды, как и любые полупроводниковые устройства, в рабочем состоянии выглядят так же, как в испорченном.

– Первый раз такое вижу, – сказал он, с подозрением глянув на меня.

Я отвел глаза и заметил, что Рейнолдс все еще дрожит.

– Замерзли?

– Ужасно, – отозвалась она. – А вы почему нет?

Я объяснил, что под комбинезонами у нас гидрокостюмы.

– На резервных складах посольства их не оказалось, – проворчала спецагент. – И вообще пришлось довольствоваться флотскими обносками.

Мне очень хотелось наконец спросить, что ей все-таки понадобилось в коллекторе, но она была жутко бледная. Я, конечно, не сильно разбираюсь в схеме взаимодействия лондонской полиции со СМИ, но в части общественной репутации уверен: мертвый агент ФБР испортит ее гораздо эффективнее, чем живой.

– Надо найти место, где вы сможете обсохнуть и согреться, – сказал я. – Кто ваш дублер?

– Мой кто?

– Ну, вы же из Штатов, там без дублеров никто не работает.

– Времена сейчас трудные, – буркнула спецагент, – ресурсы ограничены.

И как-то странно отвела глаза.

Ага, подумал я. Вот, значит, какое у нас кино. Про благородного героя, которому мерзкие канцелярские крысы ставят палки в колеса и который, взбунтовавшись, решает раскрыть дело в одиночку.

– А в посольстве вообще знают, что вы здесь? – поинтересовался я.

– Да черт с ним, с посольством, – махнула она рукой, – ваши-то дублеры где?

– Черт с ними, с дублерами, – вклинился Кумар, – сами-то мы где?

– Мы все еще в канализации, – ответил я. – И нам надо понять, как отсюда выбраться.

– А какие есть варианты? – спросила Рейнолдс.

– Путь номер один: наш, и не только наш, любимый водосливный канал, – сказал сержант. – А номер два – вон та мрачная таинственная дверь.

С этими словами он встал и двинулся к двери, чтобы заглянуть туда.

– Я за дверь, – высказалась Рейнолдс, – если только она не приведет нас обратно в коллектор.

– Это вряд ли, – сказал Кумар, – я, конечно, не такой знаток архитектуры, как Питер, но уверен, что здесь уже подземка.

Я огляделся. Кумар, похоже, был прав. Низкий потолок, шершавые бетонные стены и цементный пол указывали на то, что эту часть метрополитена строили в середине двадцатого века. В Викторианскую эпоху все отделявали кирпичом, а современные станции метро – это сплошь гладкий бетон и пластиковые панели.

Кумар шагнул в дверной проем.

– Здесь лестница вниз, – сообщил он. – Но без фонарей будет чертовски трудно спускаться.

– У меня есть запасной, – сказал я, вставая. Легонько ткнул Рейнолдс носком ботинка.

– Морпехи, подъем!

– Очень смешно, – фыркнула спецагент, но тоже поднялась.

Кумар отошел, пропуская меня в дверь первым. А я по-быстрому слепил еще один светлячок, тщательно заслоняя его спиной от Рейнолдс. Шарик осветил витую лестницу с металлическим каркасом и деревянными перилами.

Точно подземка, подумал я.

– Смотрите-ка, – заметил Кумар, – вверх она тоже вела, но ее перекрыли.

Точнее, заложили как попало шлакоблоками.

– Пробриться не сможем? – спросил я.

– Даже если б было чем, – ответил Кумар, – мы же не знаем, открыт ли лестничный колодец наверху. При реконструкции станций их частенько заваривают, а то и бетонируют.

– Ну, тогда вниз, – пожал я плечами.

– Как вы это делаете? – спросила вдруг Рейнолдс у меня за спиной.

– Что делаю? – «не понял» я, ускоряя шаг.

– Свет, – пояснила Рейнолдс, – как вы его зажигаете?

– Да, кстати, как? – подключился Кумар.

– Это просто игрушка, плазменный шарик, – ответил я.

Она развернулась, вышла обратно в помещение. Сравнивает, смекнул я, с тем, что висит под потолком. Ну почему ФБР не прислало к нам агента поглупее? Или хотя бы менее инициативного и более законопослушного, который вообще бы сюда не сунулся?

Я чуть ли не бегом бросился вниз, чтобы избежать дальнейших объяснений.

– Ну, по крайней мере, из канализации выбрались, – заметил я.

– А вы себя нюхали? – отозвался Кумар. – Канализация останется с нами, куда бы мы ни пошли.

– Но есть и светлая сторона, – возразил я, – тут некому на это жаловаться.

– Полезная безделушка, – сказала Рейнолдс, глядя на светлячка, – от батареек работает?

– О, кстати, – «вспомнил» я, – зачем вы все-таки спустились в коллектор?

– Да, точно, вы же должны нам кое-что объяснить, – добавил Кумар.

– Перед моим отъездом мать Джеймса показала мне его электронную переписку, – сказала Рейнолдс, – он пишет, что влился в лондонское художественное подполье. «В буквальном смысле «подполье», – говорилось в одном письме.

– Неужели? – протянул я. – И поэтому вы полезли в канализацию?

– Не смешите, – фыркнула она, – я видела заключение ваших криминалистов по грязи на ботинках. Оно свидетельствовало о том, что Джеймс спускался в коллектор.

– Коллектор большой, – заметил Кумар.

– Верно, – согласилась Рейнолдс, явно довольная собой, – но я изучила сеть люков в окрестностях дома жертвы. И представьте, один из них закрывался совсем неплотно. А на крышке были свежие царапины – подозреваю, ее открывали ломом.

– Вы пытались опровергнуть алиби Закари Палмера, да? – спросил я. – Проверяли, не проشمыгнул ли он в коллектор мимо камер наблюдения?

– В том числе, – кивнула спецагент, – как вы думаете, насколько глубоко нам предстоит забраться?

– Если шахта уходит до Центральной линии метро, – сказал Кумар, – то метров на тридцать.

– Это сто футов, – пояснил я.

– Констебль Грант, вы будете удивляться, но я знакома с метрической системой мер, – огрызнулась Рейнолдс.

– Слышите? – насторожился сержант.

Мы замерли, стали прислушиваться. И еле-еле, на грани слышимости, я различил ритмичные удары. Это был даже скорее не звук, а вибрация бетона.

– Барабаны, – сказал я. И, не удержавшись, добавил: – Барабаны грохочут в глубине.

– Не, скорее уж драм-н-бейс грохочет в глубине, – поправил меня Кумар.

– У кого-то вечеринка, – заключил я.

– Ну что же, – вздохнула Рейнолдс, – я как раз в подходящем образе.

Площадку внизу лестницы узнал бы всякий, кому хоть раз приходилось тащиться пешком вниз по эскалатору Хэмпстеда или другой глубокой станции. Там оказалась стальная гермодверь, которая, к счастью, открылась, когда мы с Кумаром хорошенько навалились на нее плечами.

За дверью на первый взгляд был обычный тоннель метро. Потом я понял, что ошибся: слишком уж он был широкий, скорее походил на вестибюль станции. Бетонные стены, правда, не были облицованы стандартной плиткой, но цементный пол блестел гладким покрытием.

– Я понял, где мы, – сказал вдруг Кумар, – это подземное бомбоубежище Холланд-парк.

– Почему вдруг? – спросил я.

– Потому что это подземное бомбоубежище, – отозвался сержант, – а здесь рядом только Холланд-парк.

В самом начале Второй мировой власти запретили использовать метро в качестве бомбоубежища. Вместо этого лондонцам предлагалось спасаться в наспех состряпанных по всему городу укрытиях или в знаменитых Андерсоновских убежищах, эдаких крольчатниках из гофрированного железа, на которые сверху набросали немножко земли.

Но лондонцы, будучи лондонцами, подчинялись упомянутому запрету ровно до первой воздушной тревоги. Тогда население столицы, простое, но смекалистое, быстренько прикинуло, что остановит снаряд эффективнее – десять метров земли и бетона или пара сантиметров дерна. И дружно двинуло в метро. Власти негодовали. Они пробовали убеждать, взывать к совести и открыто применять силу. Напрасно – лондонцы и не думали покидать метро. Они даже начали самостоятельно организовывать там пункты питания и места для ночлега. Так, под гнетом осуждения со стороны властей, и родился лондонский «дух Блица»^[40].

Когда число жертв, которых можно было избежать, достигло двух тысяч, правительство разрешило построить новые, специальные убежища глубокого залегания. Если верить Кумару, по той же технологии и из тех же материалов, что и сама подземка. Я, конечно, знал о бомбоубежищах на Белсайз-парк и Тоттенхэм Корт-роуд – их вентиляционные шахты, прикрытые массивными бетонными коробками, трудно не заметить. Но ни разу не слышал, чтобы такое сооружение было на Холланд-парк.

– Здесь базировалось одно секретное агентство, – сказал Кумар. – Но сейчас они, как я слышал, перебрались куда-то в Шотландию.

Противоположный конец тоннеля был слишком далеко, света моего шарика не хватало. Так и хотелось сделать его поярче, но я потихоньку начинал нервничать. Не слишком ли много магии на сегодня? Предписания доктора Валида, подтвержденные Найтингейлом, гласили, что магическая активность не должна длиться больше часа. Иначе можно заработать то, что он называл магическим некрозом, а мы с Лесли – мозговым синдромом цветной капусты.

– Да уж, отсюда выскребли все, что можно, – заметил я.

Помещение было абсолютно пустым. На бетонных стенах даже виднелись гнезда от светильников. Гул барабанов здесь слышался громче, но я по-прежнему не мог разобрать, откуда он идет.

– Тут перекресток, – заметил Кумар.

Впереди на стене виднелся круговой контур: там наш тоннель пересекался с другим таким же, но переход забетонировали. С каждой его стороны было по паре дверей: одна – на нашем уровне, а другая – повыше, явно для верхнего этажа, который либо демонтировали, либо так и не успели построить.

Двери были самые обыкновенные, из толстой стали и без ручек с внешней стороны.

– Нам налево или направо? – спросила Рейнолдс.

Я приложил ухо к холодному металлу ближайшей двери. Грохот барабанов слышался так четко, что я различил и узнал мелодию.

– «Сталинградский танковый капкан», – сказал я, – *Various Artiz*.

Я иногда люблю оторваться на танцполе под драм-н-бейс, но *Various Artiz* снискали себе дурную славу тем, что клепают раз за разом совершенно одинаковые композиции. Из всего, что не гоняют по «Радио Два», это самый попсовый клубняк.

– А что вы на меня-то смотрите? – сказал Кумар. – В мои времена вообще ничего, кроме джангла, не было.

– Вроде бы там говорят по-английски, – прошептала Рейнолдс, – и все же...

Я постучал в дверь. Бесплезно, только отбил костяшки.

– Ну-ну, – хмыкнула Рейнолдс, – удачи.

Она подпрыгивала на месте, чтоб хоть как-то согреться. Я снял каску и постучал по двери ею.

– Придется нам вас раздеть, – сообщил ей Кумар.

– Издеваетесь?

– Ваши вещи надо хотя бы отжать.

Я стукнул каской еще пару раз, а Рейнолдс тем временем объясняла, почему она против раздевания в общественных местах.

Я могу, если очень надо, пережечь что-нибудь типа велосипедной цепи или висячего дверного замка. Найтингейл, если верить его рассказам о войне, способен прожечь насквозь десятисантиметровую стальную броню. Но меня он этому пока не учил.

Поэтому я стал внимательно осматривать дверные петли в поисках хоть какого-нибудь слабого места. Действовать надо было быстро, пока Рейнолдс отвлеклась и не смотрит. Я наскоро повторил про себя *формы*, мысленно выстраивая их в нужном порядке: *lux aestus scindere*. *Aestus*'ом, усиливающим *lux*, я владею не очень хорошо. Но уж больно хотелось наконец выбраться из подземки.

– Молитесь? – поинтересовалась Рейнолдс.

До меня дошло, что я бормочу *формы* себе под нос. Пункт номер шесть в списке моих вредных привычек, составленном Найтингейлом.

– Нет, похоже, готовится произнести магическое заклинание, – предположил Кумар.

Я стиснул зубы, пообещав себе сказать ему потом пару ласковых. А спецагент уточнила, что он имеет в виду под «магическим заклинанием».

Ну ладно, подумал я, сейчас сами увидите. Глубоко вздохнул и мысленно приготовил *форму*.

И тут дверь приоткрылась. В щель высунулся белый парень и спросил, не прислала ли нас «Гемз Уотер»^[41].

Слава тебе Господи, подумал я.

Оружие Всевышнего щеголяло голым торсом. Его флюоресцентная оранжевая водолазка была повязана вокруг талии и наполовину скрывала мешковатые голубые бриджи. На шее висел свисток, русые волосы прилипли ко лбу, блестящему от пота. Мышцы просматривались, но их покрывал еще детский жирок – парню было от силы лет пятнадцать. Взглядом профессионала я зацепился за бутылку у него в руке, подозревая там алкоголь, но это оказалась обычная вода.

Из-за двери пахнуло теплым и влажным воздухом. Донеслись басы *Various Artiz*, пытающихся доказать, что танцевать можно до тех пор, пока мозги из ушей не вытекут.

Я хотел показать удостоверение, но не стал: он мог испугаться и захлопнуть дверь у нас перед носом.

– Мы насчет водопровода, – сказал я.

– Заходите, – кивнул парень и посторонился, пропуская нас внутрь.

За дверью обнаружился еще один тоннель двойной ширины, но этот переоборудовали под клуб. Настоящий, с рамой для светомузыки над танцполом и с баром вдоль стены. Колонки располагались на

другом конце зала, достаточно далеко от входа, и можно было разговаривать. Поэтому, кстати, наш гологрудый спаситель и услышал, как я стучу.

Мы шлепали мокрыми сапогами по темному коридору, отведенному под зону отдыха: все диваны и кресла оккупировали целующиеся парочки. Впереди был танцпол, до отказа набитый танцующими подростками, в основном белыми, и двигались они плюс-минус в такт музыке. Здесь мелькали плюшевые гетры в комбинации с облегающими шортами и блестящие топики с бретельками через шею. Однако, несмотря на голые пупки и ультракороткие шорты, над танцполом однозначно витал дух школьной дискотеки. Возможно, потому, что ни один из тусовщиков еще не достиг возраста для голосования.

– Да уж, это называется «родители уехали на выходные», – заметила Рейнолдс. – Я как-то слишком тепло одета, видимо.

Молодежь, осознав, что мы не часть шоу-программы, резко отхлынула в стороны.

– Возможно, – сказал Кумар, – вы найдете тут во что переодеться.

– На меня они вряд ли что-то подберут, – сухо ответила Рейнолдс.

Три человека, с головы до ног покрытые нечистотами, способны испортить настроение любому, даже самому безбашенному тусовщику. По толпе на танцполе как будто сразу пробежала рябь. Две юные дамы отделились от нее и подошли к нам.

Они не были близняшками, но точно были родными сестрами. Высокие, стройные, темнокожие, с узкими лицами, плосковатыми носами и озорными, чуть раскосыми черными глазами. Я сам с трудом их различал: Олимпия чуть повыше и шире в плечах, с густыми волосами, которые сейчас роскошным каскадом спадали на плечи. У Челси изящная шейка, более тонкие губы, а на голове результат как минимум тридцати шести часов изощренного наращивания волос. На обеих одинаковые ультракороткие трикотажные платья, которые мама бы им точно не разрешила надеть. Я старался не смотреть никуда, кроме как на лица.

– Надеюсь, у вас были веские причины явиться сюда, – надменно протянула Олимпия, складывая руки на груди.

– Агент Рейнолдс, сержант Кумар, позвольте представить вам богиню ручья Каунтерс-крик и богиню реки Вестбурн, – сказал я, на

всякий случай церемонно кланяясь. Девушки одарили меня ядовитыми взглядами, но я-то помнил, что за ними должок: в прошлый раз они бросили меня одного бороться за жизнь посреди Темзы.

– Ты же знаешь: она просто Олимпия, а я просто Челси, – сказала Челси.

– Но это, – добавила Олимпия, глядя на Рейнолдс с Кумаром, – не отменяет того факта, что мы богини. И требуем соответствующего отношения.

– А я вообще-то могу вас арестовать, – сообщил я. – Например, за алкоголь: есть здесь хоть кто-то, кому уже можно его покупать?

Олимпия поджала губы.

– Ну, допустим, Стив, парень Линдси. Ему восемнадцать. Устраивает?

Если честно, я был слишком вымотан, чтоб до них докапываться. Спросил только, не замечали ли они, чтобы по тоннелям бродили непонятные белые типы в толстовках с капюшоном. Получив отрицательный ответ, я спросил, где можно помыться и есть ли здесь стационарный телефон.

– Телефон! – усмехнулась Челси. – Да у нас тут вайфай есть.

Помимо вайфая у них была нормальная душевая с раздевалкой, оборудованная еще в шестидесятые, судя по латунным кранам и смесителям из нержавеющей стали. Возможно, осталась после того секретного агентства. Девчонки даже где-то откопали водолазку и спортивные штаны для Рейнолдс. Она выразительно посмотрела на нас с Кумаром, мы вспомнили правила хорошего тона, оставили ее одну и вышли наружу ждать, пока она вымоется. Ждать предстояло в кладовке, где стояли баклажки с водой и хранились шоколадные батончики-мини в оптовых упаковках. Мы сначала умылись, потом заспорили, что лучше – «Марс» или «Милки Вей», потом устроили дегустацию, а потом уж напились вволю. В конце концов я решил, что Кумару в буквальном смысле достаточно «подсластили пиллюлю» и можно задать неудобный вопрос.

– А вас случайно выбрали для этого задания?

– В смысле?

– Ну, я зажигаю свет при помощи магии, знакомлю вас с богинями рек...

– Несовершеннолетними богинями рек, – поправил меня сержант, – к тому же пока ни одна из них не сделала ничего божественного.

– Хорошо, а как насчет света?

– Это была магия?

– Да, – помедлив, кивнул я.

– Настоящая?

– Да.

– Охренеть!

– Поздновато удивляетесь.

– Ну, мне не хотелось позориться перед американкой.

– Значит, в транспортной полиции нет своего Безумства и вы не оттуда?

Кумар рассмеялся и пояснил, что у транспортной полиции и так есть куда потратить бюджет.

– Но здесь, в подземке, – добавил он, – периодически происходит какая-то странная хренотень. И меня уже традиционно вызывают в таких случаях.

– Но почему? – спросил я.

– Должно быть, начальство насмотрелось в юности «Секретных материалов», – ответил Кумар. – И потом, я же в некотором роде диггер.

– Так вы, значит, не в первый раз спускаетесь в коллектор?

Диггеры, как известно, любят лазить по самым заброшенным щелям и закоулкам. Доступ туда часто бывает запрещен, и это только добавляет драйва.

– Да, но сплавлялся по нему впервые, – ответил сержант. – Я родился в семье инженеров, поэтому с детства любил всюду совать нос и смотреть, как что работает. Всегда вызывался добровольцем на странные случаи, вот меня неофициально и назначили ответственным.

То есть появилось очередное «соглашение».

– Если когда-нибудь встретите Леди Тай, не рассказывайте ей, – попросил я. – Она от такого просто бесится.

– Кстати, – Кумар кивнул на дверь раздевалки, – о «Секретных Материалах»: как думаете, наша спецагент?..

Я только пожал плечами:

– Ну откуда ж мне знать?

Пожалуй, эту фразу мне стоит сделать семейным девизом.

– Может, спросить у нее? – предложил сержант.

– И убить всю интригу?

Еще Кумара интересовало, как именно действует магия, но я сказал, что это секретная информация.

– Я и так наболтал столько лишнего, что теперь в полном дерьме.

Но он не унимался и спросил, основывается ли магия на силе стихий: огня, воды, воздуха или земли. Я ответил, что навряд ли.

– Стало быть, не существует магов земли^[42], заставляющих камни летать? – огорчился он.

– Не-а. Ни земли, ни воздуха, ни воды. Хи-Мена^[43] и Капитана планеты^[44] тоже не существует.

И вообще, герои мультиков существуют только в мультиках.

– По крайней мере, я на это надеюсь. А если серьезно, что тут, в подземке, необычного происходит?

– Много свидетельств о призраках, – ответил сержант и принялся шарить в коробках с припасами. – Хотя на наземных путях их даже больше.

Мне вспомнился покойный художник по стенам, которого обнаружила Эбигейл.

– Что-нибудь еще? Вроде нашего приятеля с пушкой?

– Ну, во все времена ходили слухи о том, что в тоннелях метро живут люди.

– А такое возможно?

Кумар торжествующе крикнул, извлекая из коробки несколько скрепленных вместе упаковок чипсов с сыром и луком.

– Я бы не сказал. Канализация токсична, и дело даже не в том, что можно подцепить какую-то инфекцию...

– Или утонуть, – добавил я.

– Или утонуть, – кивнул Кумар. – Там, бывает, накапливается газ. В основном метан, но не только он. Не лучшие условия для жизни людей.

Я вспомнил огромные глаза на бледном лице. Не слишком ли бледном?

– А если это не совсем люди?

Кумар покосился на меня как-то гадливо.

– А я-то жаловался, что мне вечно достается странная хрень, – покачал он головой. – Не знал я, что это такое, верно ведь?

– Чего не знали? – поинтересовалась Рейнолдс, выходя из раздевалки. – Душ, кстати, в вашем распоряжении.

Мы залезли под душ и разделись – именно в таком порядке надо действовать, когда ты с головы до ног в жидком дерьме. Мою грудь по диагонали пересекал ряд живописных синяков. Я знал: за ближайшие сутки они непременно расцветут ядреным пурпуром. Кумар показал мне, как правильно выжимать гидрокостюм, а потом пришлось снова натянуть все насквозь мокрое, включая бронежилет. Особенно бронежилет. Мы договорились, что я пообщаюсь с сестричками, а Кумар тем временем свяжется со своим шефом, с моим шефом, с другим моим шефом, то бишь с Сивеллом, и, наконец, с Лесли.

Вот почему совместные операции не любят ни в одном отделе. Воня уже гораздо меньше, мы вышли из раздевалки в кладовку. И обнаружили, что Рейнолдс отправилась изучать окрестности. Мы нашли ее на танцполе, она беседовала с Олимпией и Челси. Подошли, и она вернула Олимпии массивный черный телефон – такие покупают, если приходится проводить много времени в воде. Пока мы отмывались, Рейнолдс воспользовалась моментом и вышла на связь с внешним миром. Интересно, куда она звонила? В посольство? Или, может, сенатору? И правду ли она сказала насчет того, что у нее нет дублера?

Я глянул на часы: было полседьмого утра. Неудивительно, что я валился с ног. Веселье в клубе тоже понемногу сходило на нет, стайки подростков кучковались вокруг диванов и кресел, а немногие оставшиеся на танцполе дергались как заведенные. Так бывает, если ты вознамерился выжать из ночи весь драйв без остатка. Еще я заметил, что диджей не вставляет ни словечка, меняя треки. А уж если диджея утомило звучание собственного голоса, то он воистину устал как собака.

Я поймал взгляд Олимпии и кивнул, предлагая им с сестрой подойти. Они откровенно забили на то, чтобы притворяться равнодушными. Наша спецагент как следует подогрела их любопытство, и девчонки ужасно хотели разузнать о ней побольше.

– Ваши реки... – начал я.

– Что наши реки? – бросила Челси, сверкнув на меня глазами.

- Они... ну, протекают в основном под землей. Верно ведь?
- Ну мы же не можем вечно прохладиться за городом. В отличие от некоторых, – вздернула нос Челси, – нам надо зарабатывать на жизнь.
- Хотя у Тай есть планы, – добавила Олимпия.
- Да они у нее всегда есть, – сказала Челси.
- А если бы под землей, в канализации, жили, например, люди, вы бы это заметили? – спросил я.
- Нет, разве только рядом с руслом, – покачала головой Олимпия. – Нам не особо хочется возиться в грязи.
- Да и кому захочется, – добавила Челси.
- Иногда, – Олимпия как-то странно всплеснула руками, – у меня бывает такой, знаешь, зуд в голове. Как будто там крутится какая-то мысль, и я не уверена, что она моя.
- Не, это скорее как если нога дергается, – сказала Челси.
- У тебя нога дергается? – нахмурилась Олимпия. – С каких это пор?
- Я же говорю, что она постоянно дергается! – отозвалась Челси. – Просто иногда мышцы сокращаются. Непроизвольно.
- Вы не встречали здесь парня по имени Джеймс Галлахер? – спросил я прямо. – Он американец, белый, лет двадцати с небольшим. Студент художественного колледжа.
- Она, – Олимпия кивнула на Рейнолдс, – приехала из-за него?
- Это кто-то важный? – спросила Челси.
- Жертва убийства, – ответил я.
- А это не тот, которого нашли на Бейкер-стрит? – спросила Олимпия.
- Я ответил, что он самый и есть, и, случайно скользнув взглядом по залу, обнаружил за барной стойкой Закари Палмера.
- Давно он у вас работает?
- Кто? – переспросила Олимпия, оглянулась и увидела Зака. – А, наш маленький гоблин?
- Разве он гоблин? – удивился я. – Я слышал, он наполовину феяри.
- Да это одно и то же, – сказала Челси, – ну почти.
- Я их не различаю, – пожала плечами Олимпия.
- Для нас они все на одно лицо, – добавила Челси.

– Но он у вас тут работает? – повторил я вопрос. – Официально?

– Скажешь тоже, – фыркнула Челси, – просто местный парень, приходит иногда подхалтурить.

– Точно, – кивнула Олимпия. – Раз халтурит – значит, гоблин.

Я опять глянул на зал. И обнаружил, что Зак смотрит прямо на меня. Очень хотелось подойти и задать ему пару вопросов, но сил уже больше не было торчать в подземке.

– Ну, мне сейчас некогда с вами разбираться, – сказал я, – но вашей маме я про сегодняшнее расскажу, так и знайте.

– Ой, боимся-боимся. Аж поджилки трясутся, – съязвила Олимпия.

– Успокойся, волшебничек, – мурлыкнула Челси, – мы знаем свою меру.

Окинув их напоследок наисуровейшим взглядом, который, правда, произвел нулевой эффект, я вышел вслед за Кумаром и Рейнолдс.

Варианта у нас было два: долго-долго подниматься по винтовой лестнице либо пройти через станцию «Холланд-парк», ее как раз открыли. Оттуда, по крайней мере, можно будет подняться на лифте. Выбор был очевиден, и мы уже двинулись к выходу, когда меня перехватил Зак.

– Что ты здесь делаешь?

Я кивнул Кумару и Рейнолдс – мол, догоню.

– Да нам сказали, есть тут одно клевое местечко, – ответил я.

– Э-э... Не, погоди, я думал, вы ищете другие тоннели.

– В данный момент я ищу, во что бы переодеться.

– Мимо нас проходит старый тоннель Главпочтамта, – сказал Зак.

И тут я снова услышал свист. Мог бы и вообще не различить, учитывая басовое «туц-туц» и Зака, который пытался переорать музыку. Услышав его в третий раз, я окончательно убедился, что это не выкрутасы диджея, и стал озираться вокруг. С другой стороны танцпола Кумар махал мне рукой. Увидев, что я его заметил, показал пальцем сначала на свои глаза, потом на дальнюю часть клуба.

Я снова повернулся к Заку и увидел на его лице какое-то странное, лихорадочное выражение.

– Мне надо идти.

– А как же тоннели?

– Потом.

Я начал проталкиваться через толпу. Кумар, увидев, что я близко, крикнул:

– Он здесь!

Кто, было и так ясно.

– Где? – спросил я.

– Идет к выходу на станцию.

Вместе с кучей ни в чем не повинных гуляк, подумал я.

– Не заметили, пистолет еще при нем?

Кумар не заметил.

Мы двинулись к выходу на станцию «Холланд-парк» – к счастью, прогулочным шагом. Рейнолдс, оказывается, проследила за ним и спряталась под лестничным пролетом. Оттуда она пыталась незаметно рассмотреть, кто проходит поверху.

– Только что поднялся, – шепотом сообщила она.

Я спросил, точно ли это тот, кого мы ищем.

– Бледное лицо, большие глаза, несуразная сутулая фигура – точно он.

Впечатляло, что и говорить. Я-то вообще не заметил, какая у него фигура. Сестры сказали, наверху будет небольшой коридор и пожарная дверь, которая ведет на саму станцию. Мы решили, что бежать не стоит, он может услышать стук подошв. Поэтому стали подниматься медленно и спокойно, болтая друг с другом, чтобы сойти за компанию усталых тусовщиков. В процессе подъема нам стало известно, что спецагент Кимберли Рейнолдс родилась в Оклахоме, в городе Энид, поступила в университет в Стиллуотере, а оттуда перевелась в Куантико.

Сержант Кумар, оказывается, родился в Хаунслоу и поступил в университет Сассекса на инженера, однако вскоре ушел, чтобы стать полицейским.

– Инженер из меня был бы никудышный, – признался он, – терпения совсем нет.

У меня была забавная история про папу и джаз, и я как раз готовился ее рассказать, когда мы четко услышали, как наверху хлопнула дверь. И припустили по лестнице со всех ног.

Это действительно оказалась пожарная дверь, самая обычная, на тугих пружинах. Очевидно, служила она для того, чтоб приятели Олимпии и Челси могли спокойно выходить из клуба, а поток

пассажиров туда не попадал. Мы вышли тихо и быстро и оказались в закутке у лифтовой площадки. Среди пассажиров, ожидающих лифта, нашего беглеца не было. Они сказали, что ждут уже минуты две, то есть раньше он уехать никак не мог.

– На лестницу или на платформу? – спросил Кумар.

– Ему больше нравится под землей, – заметил я. – Так что сначала на платформу.

Нам повезло: я углядел его через закопченное окно. Он шел по переходу к дальнему концу западной платформы. Мы пробежали последний пролет как можно тише и резко затормозили друг об друга на выходе, точь-в-точь как в мультиках. Я как раз собирался с духом, чтобы выглянуть на платформу, когда Кумар молча указал на выпуклое зеркало напротив. Это был реликт, оставшийся с тех времен, когда камер наблюдения еще не существовало, а транспортники и сотрудники метро вынуждены были следить за происходящим на станциях исключительно невооруженным глазом.

Я тоже увидел его в зеркале, в дальнем конце платформы, – невысокого, странно сторбившегося.

– Если он еще вооружен, – сказал Кумар, – близко нам не подобраться.

В лицо пахло сквозняком. Я услышал, как зазвенели рельсы. Поздно было дергаться, поезд уже подъезжал.

21. Оксфорд-серкус

Сержант Кумар очень четко дал нам понять: когда поезд движется, никакой фигни творить не надо.

– Сорвут стоп-кран посреди перегона – и все, если у кого случится от этого сердечный приступ, мы его потеряем, – сказал он. – И уж поверьте, мало удовольствия эвакуировать пассажиров на полотно при включенном контактном рельсе.

А еще – обезвреживать вооруженного преступника в помещении, так неприятно напоминающем стрелковый полигон. Да притом сознавая, что мишень – это ты.

Я никак не ожидал, что вагоны будут набиты пассажирами, причем очень необычными для часа пик. Родители с детьми, стайки шумных подростков, старики в добротных пальто, с матерчатыми баулами или сумками на колесиках. Последний день закупок перед Рождеством, вспомнил я. Да уж, Кумар был прав: не стоит заваривать кашу, которую не получится расхлебать.

Это, конечно, цинизм, но работать было бы в разы легче, если плюнуть на безопасность граждан, которые вечно оказываются где не надо.

Из нас троих только агент Рейнолдс не выглядела как персонаж из римейка «Охотников за привидениями». Поэтому Кумар именно ее пропустил вперед, глянуть, что делается в следующем вагоне. Когда она подала знак, что все в порядке, мы открыли межвагонную дверь и шагнули туда.

В лондонском метро нет соединительных стен между вагонами поезда. Чтобы перейти в другой вагон, надо открыть дверь и перешагнуть сцепку. Я открыл, оказался в темноте, и меня захлестнуло потоком воздуха. И клянусь, в тот момент я услышал тихий шепот, еле различимый за грохотом колес, вдохнул запахи озона и пыли. Конечно, не понял, что это было – да и сейчас, наверно, толком не понимаю.

По Центральной ветке ездят поезда с затейливым названием «Состав 1992». В таких составах по восемь вагонов. Преследуемый был в самом начале, а мы – ближе к хвосту. Через двенадцать минут и пять станций мы его догнали. Когда поезд подъехал к платформе

«Оксфорд-серкус», наш беглец, сам того не подозревая, оказался в головном вагоне, как в капкане. Естественно, в этот момент он решил выйти.

Рейнолдс заметила его первой, подала знак нам. Мы встали у передней двери и, когда двери открылись, схватили его на выходе.

О таком идеальном задержании можно было только мечтать. Я ухватил подозреваемого за левую руку, Кумар за правую, я зацепил ногой под колени и дернул. Тип свалился на платформу. Мы уложили его лицом вниз, заломили руки за спину.

Но удержать оказалось трудно: он извивался и бился, как пойманная рыба. И при этом молчал, только шипел, как очень злой кот.

Кто-то из пассажиров спросил, что за херня здесь происходит.

– Полицейская операция, – ответил Кумар. – Отойдите в сторону!

– У кого наручники? – спросила Рейнолдс.

Я поглядел на Кумара, он – на меня.

– Вот черт.

– Нету, – признался я.

Парень перестал вырываться и затих. Сквозь тонкую флисовую ткань чувствовалось, какой он тощий. Даже более костлявый, чем на вид. Но мышцы на руках были как стальные.

– Поверить не могу, что вы не взяли наручники, – покачала головой Рейнолдс.

– А вы что, взяли? – огрызнулся я.

– У меня не было такого приказа.

– Как и у меня.

Мы оба глянули на Кумара.

– Улики, – сказал он. – Вы сказали, мы идем искать улики, а не ловить преступников.

Наш преступник между тем начал трястись и как-то странно фыркать.

– А ты перестань смеяться, – велел я ему, – без тебя знаем, что не умеем работать.

Кумар спросил, удержим ли мы его вдвоем, я кивнул. Тогда он помчался вдоль платформы в поисках колонны экстренного вызова, чтобы связаться с дежурным по станции.

– Думаю, вам не надо встречаться с нашим подкреплением, – сказал я, – у вас все-таки пушка, она их заинтересует.

Спецагент кивнула. Она предусмотрительно не стала доставать оружие здесь, под камерами наблюдения. Я поискал взглядом Кумара: он стоял у колонны экстренного вызова и что-то говорил в динамик. Должно быть, в этот момент я чуть ослабил хватку, поскольку чертов ублюдок попытался вырваться. В свое оправдание могу сказать, что вряд ли нормальная человеческая рука способна сгибаться под таким углом. И уж точно она не смогла бы так дико вывернуться и резко ударить локтем в подбородок.

Моя голова запрокинулась назад. Я выпустил его правую руку.

Раздался женский визг.

– Стоять! – заорала Рейнолдс.

Краем глаза я увидел: плюнув на все, она чуть отступила и достала пистолет.

Как я потом узнал, агентам ФБР на тренингах первым делом внушают главное правило: нельзя, чтобы твое оружие оказалось в пределах досягаемости преступника. Еще мне сказали, что каждый сотрудник американских правоохранительных органов больше всего на свете боится умереть, не вынув пистолета из кобуры.

Но парень, которого я прижимал к полу, нисколько не испугался. Он выгнулся назад и крепко ударил ладонью освободившейся руки о поверхность платформы. Пахнуло озоном и свежей гончарной глиной. Там, где ладонь шлепнула о бетонный пол, он с грохотом провалился, образовав воронку. Поднялось облако пыли, и сквозь него я почти увидел, как от воронки пошла воздушная волна. Несколько мгновений спустя она сбила с ног меня, Рейнолдс и с полдюжины зевак, которые не успели разбежаться. Хорошо хоть поезд еще стоял у платформы, а то кто-нибудь мог и на рельсы упасть.

Но я точно не мог, ибо все еще крепко держал мерзавца за другую руку. Это уже наше главное правило. Я резко дернул, чтобы он потерял равновесие, а сам попытался вскочить на ноги. Но он вцепился пальцами в пол и резко повернул кисть.

Трещина шириной в палец расколола платформу, зазмеилась по ближайшей стене. Керамическая облицовка брызнула в стороны, мерзко застучала по платформе, словно чьи-то выбитые зубы. А потом кусок платформы дрогнул и поехал вниз, словно какой-то великан надавил на его край своей тяжелой ногой.

Трещина разошлась, и мой желудок подскочил куда-то к горлу: часть платформы ушла вниз на добрый метр. Вместе со мной. Я увидел внизу черный провал и успел только подумать: «Черт, он и правда маг земли!» А потом провалился в темноту.

Бесконечно долгое мгновение казалось, что я все еще без сознания. Но боль, по диагонали опоясавшая бедро, меня в этом разубедила. Потом подтянулись и остальные, не менее прекрасные ощущения. Особенно тревожил затылок, кусок которого наливался пульсирующей болью. Я хотел было пощупать, что там такое, но оказалось, что даже руку в локте не согнуть, слишком тесно.

Вот тут уж клаустрофобия, что называется, накрыла.

Я не стал звать на помощь, поскольку был уверен: если начну кричать, то остановиться вряд ли смогу.

Итак, земля разверзлась и провал поглотил меня. Значит, тут относительно неглубоко, и засыпало меня вряд ли сильно. Возможно, даже удастся самостоятельно вылезти наверх или хотя бы расширить пространство вокруг, чтобы не задохнуться.

Я все-таки позвал на помощь. Что и требовалось доказать: крик перерос в отчаянный вопль. Сверху посыпалась пыль, набилась в рот, и я заткнулся. Начал отплевываться, и это меня странным образом успокоило.

Некоторое время я лежал и внимательно слушал в надежде, что мои вопли привлекут чье-нибудь внимание. Стараясь дышать через раз, принялся вспоминать все полезное, что знаю о погребениях заживо.

Беспорядочно метаться точно не стоит, гипервентиляция сейчас только навредит. При полной темноте можно потерять ориентацию в пространстве. Были случаи, когда люди думали, что копают себе путь наверх, а на самом деле зарывались только глубже в землю. Вовремя же они мне вспомнились!

Но было у меня одно большое преимущество перед другими жертвами завалов: я владел магией.

Засветил небольшой шарик, отпустил, тот завис прямо над животом. Я огляделся. Теперь, когда визуальное восприятие снова работало, подключился и вестибулярный аппарат. Я обнаружил, что лежу ногами вниз на чем-то твердом под углом примерно в сорок пять градусов. Что ж, лежать в верном направлении уже хорошо.

Сантиметрах в пяти от моего лица была бетонная стена, на которой отчетливо виднелись следы опалубки. Проем сужался книзу, почти охватывая колени. Я осторожно пошевелил ступнями – там вроде было попросторнее. Слева от меня, почти вплотную, высилась стена вроде бы слежавшейся земли. А справа – решетка из арматурных стержней, которая, упади я на метр правее, аккуратно разрежала бы меня пополам. Потом меня, возможно, заспиртовали бы, поместили в стеклянный цилиндр и выставили в галерее «Тейт Модерн». Но увы, современное британское искусство понесло урон, ибо я остался жив. Однако не мог даже дотянуться до этой решетки. И понял, что лежу в неком подобии бетонной палатки с арматурной москитной сеткой, безо всякой возможности выбраться наружу.

Я погасил светлячок. Под водой такие штуки светятся, но я не успел выяснить, сжигают ли они в воздухе кислород. Поэтому решил не испытывать судьбу. Вокруг опять воцарилась тьма, а я принялся обдумывать дальнейшие шаги. Можно попробовать выбраться наружу при помощи *импелло*. Но есть немалый риск, что меня завалит еще сильнее. А может быть, кто-то уже организовал поисково-спасательную операцию. Даже если Рейнолдс ранена, Кумар-то наверняка был вне зоны поражения, он успел отойти довольно далеко. И он знает, что я здесь. На самом деле записи со всех камер, фиксировавших наши приключения, уже должны были поступить в диспетчерскую. Думаю, там есть на что посмотреть, и возможно, они даже уйдут в какую-нибудь щедрую на гонорары телекомпанию.

В поисково-спасательной операции участвует обычно много народу. Все они будут топтать тяжелыми ботинками, орать друг на друга и заводить двигатели тяжелой техники. Мне гораздо проще услышать их, чем им меня. Значит, разумнее всего будет лежать спокойно и ждать, когда помощь придет сама. Было потрясающе тихо. Я слышал стук собственного сердца и снова был опасно близок к панике по поводу нехватки кислорода. Поэтому заставил себя срочно переключиться на другие мысли. Например, кто же таков наш бледнолицый «маг земли», черт бы его побрал.

Чтобы вместить все, чего я НЕ знаю о магии, понадобилась бы еще пара библиотек с каталожными карточками, справочными отделами и бронзовой лестницей, которая ездит туда-сюда по рельсам. Но я уверен, если б был простой распространенный способ голыми

руками делать здоровенные дыры в монолитном бетоне, Найтингейл бы мне о нем рассказал.

Помимо своего шефа я знаю только одного высококвалифицированного мага: Безликого. Того, который умеет ловить пальцами фаерболы, отмахивается от летящих в него дымовых труб и способен одним прыжком перелетать через невысокие здания. Но я знал, что мы преследовали не его – у таинственного «мага земли» и рост, и фигура другие. Может, это какой-то его подручный или один из Крокодильчиков? Или каким-то образом уцелевшая химера?

Много чего может быть, только я ничего не знаю.

«Маг земли» двигался на восток, к Вест-Энду. Он вышел из поезда на «Оксфорд-серкус». Бывший «Стрип-клуб доктора Моро» меньше чем в километре отсюда. Когда мы с Найтингейлом его прикрыли, то рассудили, что новая штаб-квартира Безликого будет не очень далеко от Сохо. Он-то, может, и Безликий, а вот его несчастные девочки-кошки и парни-тигрята вполне себе видимы. Им трудно перемещаться по городу незаметно, а видели их по большей части именно в этом районе. Когда я гнался за Бледной Леди, она рванула к станции «Пикадилли», словно в безопасное убежище. Но они точно не совались в метро, где повсюду камеры и рыщет вечно бдительный сержант Кумар.

Теперь я знал, что в подземке есть и другие тоннели, потайные и еще неизвестно какие, которые ведут неизвестно куда. А Безликому, может, и известно. Может, он даже прокладывает новые с помощью нашего «мага Земли». И соорудил подземную секретную базу в духе злодеев из «Джеймса Бонда». А что, это в его характере. Интересно, белая кошка у него есть? Мне вдруг живо представилось, как он сидит в крутящемся кресле, а на коленях у него самая настоящая девушка-кошка по имени Шэрон. Она болтает по телефону с подружкой:

– И он, прикинь, говорит: хочешь, чтоб я проговорился? А хозяин такой: нет, я хочу, чтоб ты подох. А он такой... Что? А, да это я рассказываю Трейс, что было ночью.

Я ухмыльнулся, и это было хорошо. Немного посмеяться очень полезно, если лежишь под каменным завалом.

Лично я считал, что этот хитрый стервец устроил себе новое логово под строящейся линией Кроссрейл. А почему бы нет? Уже многие годы в рамках этого проекта то тут, то там роют шахты

немереной глубины и в ближайшие пять лет точно не прекратят. У Тоттенхэм-Корт-роуд хоть вулканическую кальдеру копай, никто и не заметит.

А вот фирмы-подрядчики еще как заметят, да и служба охраны труда, если уж на то пошло. Подумав об этом, я вдруг вспомнил, что однажды холодным осенним вечером случайно увидел, как отдел убийств оцепляет место происшествия в начале Дин-стрит. Кто был жертвой, уж не младший ли братец Грэма Била? Главный субподрядчик по проекту Кроссрейла, потомственный прокладчик тоннелей, не изменивший полуторавековой семейной традиции? Мог ли Безликий прикончить его, чтобы сохранить в тайне свою новую базу? Ну, если и мог, то ничего не вышло. Потому что я-то теперь знаю, где тебя искать, безмозглая безлика сволочь.

Я громко расхохотался. Замечательное ощущение, хотя пыли наловил полный рот. Повернул голову набок, чтобы отплеваться, и снова принялся ржать. В голове зазвенел тревожный звоночек: я вспомнил, что эйфория – один из признаков кислородного голодания.

Наряду с помутнением рассудка. То, что я сделал дальше, иначе и не объяснишь.

Я засветил еще один светлячок и снова оглядел свой цементный гробик. И, чтобы повысить свои шансы на дополнительный кислород, решил проделать вертикальное отверстие в «потолке». Но не над собой, а чуть в стороне, чтобы не засыпало, если крыша начнет обваливаться. Поразмыслив, я выбрал верхний правый угол, аккуратно в конце арматурной решетки. И мысленно перебрал варианты *импелло*. По словам Найтингейла, *импелло*, как и *люкс*, представляет собой *formae cotidianae*. То есть многие поколения адептов ньютоновой магии издевались над этим заклинанием как хотели и путем эксперимента разработали много разных интересных вариантов. Потом передали эти знания своим ученикам, а они – своим. В магии сложнее всего понять, что она не может волшебным образом претворить твои мечты в жизнь. Например, нельзя получить невидимый перфоратор, просто нарисовав его в своем воображении. Нет, надо придать форме *импелло* нужный вид и направить его в нужную сторону. А потом включать и гасить максимально быстро.

Нет, наверняка существует какое-нибудь изящное и действенное заклинание четвертого порядка, которое решило бы проблему. Но я его

не знал, а когда лежишь под слоем бетона с риском лишиться кислорода, приходится работать с тем, что есть.

Глубоко вздохнув, чтобы успокоиться (правда, это не сработало), я вонзил свой «перфоратор» в дальний правый угол. Раздался стук, и довольно громкий, что не могло не радовать. Я ударил еще раз, потом еще, стараясь бить ритмично. С каждым ударом с потолка сыпалась пыль, повисала в воздухе. Где-то ударе на двадцатом я прервался, чтобы оценить результат, и понял, что не вижу, какого размера дыра получилась.

Поэтому принялся бить снова. Пыли становилось больше, дышать было все тяжелее. И тут что-то ударило в висок, позади правого глаза. Свет померк. Меня прошиб холодный пот от страшной мысли, что случилось нечто необратимое. Неужели я заработал инсульт? И ослеп – или это светлячок погас? В крошечной темноте было непонятно.

Новый шар я зажечь не осмелился, чтобы не заработать второй инсульт – если допустить, что был первый. Некоторое время просто лежал и корчил рожи в темноте. Лицевые мышцы вроде работали нормально.

Потом вдруг понял, что дышу глубже, а воздух стал свежее. Значит, мой «перфоратор» таки сработал.

Не знаю, сколько времени я провалялся в темноте, мучительно прислушиваясь к разрывающей череп боли, пока не заметил, что пространство вокруг моих ступней начинает заполняться водой. Дернув ногой, я услышал плеск. С тех самых пор, как я стал якшаться с богиней Темзы и ее дочками, во мне проснулся живой интерес к карте потаенных рек Лондона. И вот теперь не составило труда догадаться, что ближе всего ко мне протекает Тайберн. Но запаха не было, из чего я заключил, что где-то прорвало водопроводную сеть.

Когда в сороковом году во время бомбежки разорвало часть трубопровода и коллектор, станция «Болхэм» оказалась затоплена. Погибло шестьдесят пять человек. Я что-то не горел желанием устраивать реконструкцию этого исторического эпизода.

И начал убеждать себя, что моя маленькая каверна вряд ли так-то быстро заполнится, и даже думать нечего, чтобы вода поднялась хотя бы выше лодыжек. Сами понимаете, действовали эти доводы так себе, и я уже подумывал, не разразиться ли вновь отчаянными воплями о помощи, как вдруг услышал что-то наверху.

Это была дрожь бетонной толщи, пронзительный, въедливый скрежет металла по камню. Едва я открыл рот, чтобы закричать, как сверху градом посыпались комья земли. Пришлось повернуть голову набок и яростно отплеиваться, чтобы не задохнуться. Яркий солнечный свет ударил, как наотмашь, в лицо, и чьи-то пальцы вцепились мне в плечи. Раздалось кряхтенье и брань пополам со смехом. А потом меня дернули вверх, выволокли на свет божий и уложили на спину. Я забился, как рыба, замолотил руками по земле – просто потому, что теперь мог.

– Гляди, вот припадочный! – сказал кто-то.

Я успокоился и перевернулся на бок, пытаюсь отдышаться.

Лежал я, как ни странно, на траве. Чувствовал ее под щекой, свежий запах щекотал ноздри. Где-то над головой непривычно громко пели птицы. Слышалось многоголосье толпы, что было вполне логично. А еще – мычание скота, и вот это уже удивляло.

Как только глаза привыкли к яркому свету, я обнаружил, что лежу на заросшем травой берегу. Метрах в трех от меня колебалось марево пыли, которую поднимали идущие мимо люди и стадо коров. Это были миниатюрные коровы, высотой едва по грудь парнишке, который гнал их, умело щелкая кнутом с длинной рукоятью. За мини-коровами тянулась вереница странно одетых людей. У каждого был либо заплечный мешок, либо сумка на лямке. Одеты они были по большей части в длинные рубахи, темно-красные, зеленые и коричневые. На головах – шапки и капюшоны. Кто-то шел с голыми ногами, кто-то – в панталонах. Хватит пялиться, подумал я, надо собраться с силами и сесть.

От «Оксфорд-серкус до ближайшей фермы километров пятнадцать. Меня куда-то увезли?

Я попытался собрать во рту хоть сколько-нибудь слюны. Вот бы у кого нашлось попить. Желательно прямо сейчас.

В паре метров от меня сидели трое парней сомнительного вида и изумленно пялились на меня. На двоих были только свободные льняные штаны, завернутые за пояса и еле-еле достигающие коленей. Голые плечи лоснились от пота и бугрились узлами мышц. У одного вдоль предплечья протянулись двумя толстыми красными полосами ужасные рубцы. На головах у них были грязные повязки, тоже льняные. Но оба щеголяли аккуратно подстриженными бородками.

Третий был одет лучше: в изумрудно-зеленый камзол с тонкой вышивкой по вороту и манжетам. Под камзолом была белоснежная рубашка. Талию перехватывал кожаный пояс с затейливой пряжкой. А на поясе, вопреки пункту номер 139 «О запрете публичного ношения холодного оружия» Закона об уголовных преступлениях 1988 года, висел классический английский рыцарский меч с крестовидной рукоятью. Темные волосы меченосца были обрезаны по шее. Его бледное лицо и темно-синие глаза показались мне смутно знакомыми, словно я знал его брата или еще какого родственника.

– Обгорел, что ли? – спросил один из полуголых парней.

– Он родился горелым, – ответил рыцарь. – Это же арап.

– А он верует в Христа?

– Да, и думаю, еще покрепче тебя, – сказал рыцарь. – А вон там, – он указал куда-то вверх их голов, – разве не ваш господин? И разве не должны вы сейчас работать?

Второй парень, который молчал, только сплюнул на землю. Его приятель, мрачно дернув подбородком в мою сторону, сказал:

– Это мы его откопали.

– И он, я уверен, испытывает глубокую благодарность.

Ладонь рыцаря как бы случайно легла на рукоять меча. Молчун снова плюнул и хлопнул приятеля по плечу – пойдём, мол, отсюда. Глянув им вслед, я увидел вереницу людей в такой же одежде, где-то около тридцати человек. При помощи лопат, граблей и других орудий разрушения они рыли глубокую канаву параллельно дороге. И очень напоминали бригаду каторжников – у них даже надсмотрщик был. Тучный, в бежевых панталонах и красно-коричневой рубахе с потемневшими от пота подмышками. У него на поясе тоже висел меч. А вот классического атрибута злодея, солнечных очков с зеркальными стеклами, на нем не было – их еще не изобрели.

Мой благородный избавитель проследил за моим взглядом.

– Воры, – заметил он.

– Что же они украли?

– То, что по праву рождения принадлежит мне, – ответил он. – И сейчас продолжают это присваивать.

Несколько рабочих опускали в канаву выдолбленные изнутри бревна. Они скреплялись при помощи древесной смолы, образуя неровную корявую трубу, называемую также водоводом.

– Вода, – выдохнул я и сглотнул сухим горлом.

– А мозги у тебя от солнца не спеклись, – заметил мой собеседник.

И тут я его узнал. Вернее, понял, что он похож на отца. И на брата, Эша. С трудом поднявшись на ноги, я развернулся и посмотрел туда, откуда шли люди. Дорога, прямая и пыльная, тянулась по бескрайним полям. Кое-где отдельными полосами зеленели свежие всходы. Бесконечный поток людей, скота и запряженных в телеги лошадей двигался мимо меня к горизонту, подернутому рыжеватой дымкой. Там, вдалеке, ее пронзал, возносясь к небу, готический шпиль собора Святого Павла. Это был Лондон, это была Оксфорд-роуд. А молодой рыцарь с мечом мог быть только Тайберном. Тем самым первоизданным Тайберном, который стремился вниз с холмов Хэмпстед и утолял жажду толпы, собиравшейся на публичные казни. И которого теперь указом самого короля загоняли под землю, дабы промочить сорок тысяч лондонских глоток.

Меня никуда не увозили. Просто откопали на восемьсот лет раньше.

– Ты – Тайберн, – сказал я.

– Сэр Тайберн, – поправил рыцарь. – А ты – Питер из «Пекуотер Истейт», ученик чародея.

– Вот черт, – вздохнул я. – У меня галлюцинации.

– Ты уверен?

– Я слышал, как кто-то читает вслух Чосера, – ответил я, – и понимал дай бог одно слово из пяти. А Великий сдвиг гласных, после которого все слова звучат по-другому, был позже. И значит, я все еще там, куда свалился.

Если бы я вдруг запел «Золотые годы» Дэвида Боуи, то кому-то просто пришлось бы меня пристрелить.

Я заглянул в канаву, из которой Тайберн и его приятели меня «спасли». На самом дне чернела яма с неровными краями, не шире кошачьего лаза в двери.

– Ну, если ты знаешь, что застрял, то какая разница, где ждать помощи? – спросил Тайберн. – И я, например, не считаю себя галлюцинацией.

– А может, ты призрак, – возразил я, не отрывая взгляда от ямы и пытаясь понять, что лучше: просто спрыгнуть вниз или нырнуть

«рыбкой». – Или что-то типа остаточной памяти города.

Нет, пора, решительно пора составить нормальную терминологию для таких существей.

Я спрыгнул в канаву. На дне была мягкая, вязкая желтоватая глина. Та самая, лондонская. «Рыбкой» получилось бы быстрее.

– А может, лучше возьмем лодку, сплаваем в Саутворк? – предложил вдруг Тайберн. – Погуляем, выпьем, может, встретим веселых девиц из Фландерса. Ну давай, а? – взмолился он. – Развлечемся на славу! А то я...

Тайберн умолк.

– Что?

– Я здесь сижу совсем один, – закончил он, – уже так давно. Возможно, с пятидесятих годов девятнадцатого века, когда «захлебнулся потоком дерьма», как утверждает твой отец.

– Ты говоришь о том, о чем я только что подумал, – заметил я. – Как тут не подозревать галлюцинации?

Вот поэтому магия даже хуже квантовой физики. И то и другое, конечно, бросает вызов здравому смыслу, но все же бозон Хиггса, например, никогда не пытался со мной разговаривать.

– Слышишь? – спросил вдруг Тайберн.

Я уже хотел спросить, что именно, когда тоже услышал долгий вопль, летящий над полями со стороны Лондона. И вздрогнул.

– Что это такое?

Вопль раздался снова. В нем не было ни слов, ни смысла – только злорада, бессильная ярость и жалость к себе.

– Сам знаешь, – сказал Тайберн, – это ведь ты оставил его там, прикованного к мосту.

Эксперимента ради я сунул ногу в яму. Глина сомкнулась вокруг, неприятно шевельнувшись, словно живая.

Третий вопль звучал уже тише, рассеиваясь на ветру, теряясь в шуме толпы.

– Рано или поздно тебе придется освободить этого крючконосого мерзавца, – заметил Тайберн.

Но точно не сейчас, подумал я.

– Я не хочу умирать в этой яме, так и не открыв глаз, – сказал я.

– И не надо, – пожал плечами Тайберн и спрыгнул ко мне. – Есть другой путь.

– Неужели? – поднял я бровь. – Какой же?

– Вот этот, – ответил Тайберн и ударил меня наверху меча в висок.

Я пожалел о своем решении сразу же, как только открыл глаза в полной темноте и почувствовал, что вокруг коленей плещется вода. Было холодно – без движения даже гидрокостюм не держит тепло.

Я подумал: а стоило ли так торопиться? Не легче ли было умереть под теплыми лучами воображаемого солнца, чем встретить смерть здесь, в холодной темноте реальности? Не лучше ли умереть в блаженном неведении, чем все сознавать и сходить с ума от ужаса? Хотя для настоящего лондонца правильный ответ один: лучше вообще не умирать.

И тут у меня в голове родился самый идиотский план всех времен, начиная с того дня, когда я решил взять свидетельские показания у призрака. Такой невероятно глупый, что даже Болдрик^[45] отверг бы его с ходу.

Я вознамерился силой мысли отыскать пса по имени Тоби и связаться с ним. Ну, не то чтобы прямо мысли, это вряд ли возможно. Но с тех самых пор, как Молли отправила меня в веселое путешествие по закоулкам памяти Лондона, я понял, что все накопленные городом *вестигии*, питающие призраков, как-то связаны между собой. И места, где они копят, способны обмениваться информацией. Это что-то вроде магического интернета. Иначе как я мог увидеть столько всего, физически находясь в Безумстве? И вот теперь я надеялся это использовать. Нужно создать эдакую *форму* без формы, достаточно мощную, чтобы напитать ее магией камень. Тогда, возможно, получится своеобразный маяк. Сигнал, который пройдет сквозь память камня достаточно далеко, чтобы один особенно восприимчивый песик мог услышать его и распознать. А потом он тревожно залает и помчится со всех своих коротких лапок к станции «Оксфорд-серкус». И будет настырно крутиться у горы обломков, обнюхивая их. И какой-нибудь спасатель, не обделенный интуицией, скажет вдруг: «Эй, гляньте, собачонка вроде чего-то учуяла».

Я же говорил, что это самая дурацкая из всех моих идей, верно? Но других вариантов не было. Ибо, как только Лесли вступила в наши ряды, я первым делом купил колоду карт Зенера^[46], чтобы проверить, можно ли с помощью магии общаться мыслями. Как-то раз мы с Лесли

и доктором Валидом полдня развлекались, воссоздавая безумные телепатические эксперименты шестидесятых и семидесятых годов. Результаты были нулевые, у меня не получалось даже распознать *форму*, которую Лесли создавала у себя в голове. Удавалось только определить общий тип заклинания. И заметьте, нас при этом разделяло меньше метра.

Что я больше всего не люблю в научных исследованиях, так это отрицательные результаты.

Но Тоби давно доказал свою восприимчивость к магии. И я верил, что между нами существует взаимная симпатия. И вода уже плескалась у груди. И я начинал впадать в отчаяние.

Глубоко вздохнув, я мысленно создал *форму*. Похожую на *lux*, при помощи которой можно создавать светлячки. А если немного подправить, то и фаерболы, и скинни-гранаты, и воистину адское пламя, которым я когда-нибудь научусь прожигать сталь, если только пойму, как направлять жар строго в одну сторону. Об экспериментах с картами Зенера я Найтингейлу говорить не стал. Я вообще обычно скрываю от него свои маленькие импровизации – кроме тех случаев, когда приходится объяснять, почему горит одна из лабораторий. Да, *lux* подходила идеально: у нее очень сильный магический импульс. А то, что я собирался сделать, вызывало не жар, а громкий звук.

Мой бетонный гроб, который уже наполовину залило, наполнился неярким голубоватым свечением. По потолку заплясали бледно-зеленые блики. Я держал заклинание, сколько мог, но боль в голове вдруг усилилась, и *форма* выскользнула из сознания. В воображении зазвучали голоса мертвых. Ну, то есть хотелось верить, что только в воображении. Голоса множества людей, погибших в тоннелях метро, – кто-то в аварии, кто-то по собственной глупости, кто-то свел счеты с жизнью. Всех «подколесников», чьим последним желанием стало не дать народу приехать на работу вовремя.

Я слышал их всех. Каждый исходил у меня в ушах отдаленным криком, полным отчаяния и ярости. И все они обрывались внезапной тишиной, заставляющей вспомнить неудачливого рисовальщика по имени Макки.

– Я не из них! – заорал я в ответ, хотя тоже, скорее всего, мысленно.

И тут они обступили меня. Все, кто погиб в подземке и остался в ней: жертвы несчастных случаев, подземных пожаров, аварий на путях и страшного шага, которым оборвал свою жизнь парень из Брэдфорда, не желавший больше работать в папиной закуской. Многие из них не успели ничего понять или почувствовать. Но другие сознавали, что умирают, а некоторые – их вопли были самыми жуткими – даже успели поддаться тщетной надежде, а потом тьма поглотила их, навечно вогнав в каменно-бетонную память тоннелей.

Вода прибывала, холодным обручем сдавливала мне грудь. Я совсем не хотел умирать.

Но дело в том, что иногда ты ничего не решаешь. Иногда можно только ждать, терпеть и надеяться.

Наверху раздался шорох и дробный стук. В какой-то момент я подумал, что это сэр Тайберн хочет еще немного поболтать, но потом услышал самый долгожданный звук. Благословенный скрежет перфоратора о камень.

Дождался, пока он умолкнет, и завопил в последний раз, от всей души. Тут же хватанул полный рот бетонной пыли. Потом по глазам ударил свет, который тут же заслонило чье-то чернокожее лицо.

– Приятель, ты как? – спросил его обладатель. Проморгавшись, я разглядел желтую каску и толстую огнеупорную куртку. – Ты Питер Грант?

Я попытался было сказать «да», но рот был забит пылью.

– Пить хочешь? – спросил спасатель. Не дожидаясь ответа, он аккуратно просунул мне в рот коктейльную соломинку. – Осторожно, сразу много нельзя. Извини, доктора у нас тут нет, вышла небольшая закавыка.

В глотку потекла вода. На вкус она была как... как вода после многочасовой жажды. То есть как сама жизнь. Сколько же времени я провалялся под кучей обломков? Хотел спросить, но снова закашлялся. Решил молча наслаждаться живительной влагой. Набрал полный рот и запрокинул голову. Спасатель убрал соломинку. Тут я понял, что он лежит на платформе и свешивается вниз, чтобы дотянуться до меня через пролом в бетоне. Позади него стоял штатив с переносным прожектором, дальше в полутьме угадывались груды битого камня. Это было странно – я мог поклясться, что провалился не глубже чем на

пару метров. Но чтобы извлечь меня на поверхность, понадобился еще целый час.

Трудно описать безмятежность, которая приходит, когда тебя спасают от смерти. Как будто рождаешься заново. И точно знаешь, что будешь теперь делать со своей жизнью – даже если и раньше делал то же самое.

Меня уложили на носилки, поставили капельницу, подключили кардиомонитор и посредством маски дали вдохнуть живительного кислорода. И все было прекрасно, пока надо мной не склонилась Леди Тай с недовольным лицом.

– Тайберн, – сказал я.

– А ты кого ждал? – усмехнулась она. – Международную спасательную службу?

Вообще-то пса по имени Тоби, подумал я, но промолчал: жить мне еще не надоело.

– Вы слышали меня? – спросил я вместо ответа, удостоверившись, что рядом никого нет. – Я послал зов при помощи магии.

– Нет, мальчик мой, я тебя почуяла. Ты ужасно вонял там, над коллектором. Я бы тебя там и оставила, но не могла: подохнув, ты стал бы вонять еще хуже.

Леди Тай склонилась еще ниже, почти качаясь губами моего уха. Ее дыхание пахло шафраном и мускатным орехом.

– Однажды, – промурлыкала она, – я попрошу тебя оказать мне услугу. И знаешь, каков будет твой ответ?

– Да, мэм, конечно, мэм, как пожелаете, мэм.

– Если встанешь у меня на пути, Питер, – прошептала она, – я буду считать тебя врагом. Так что, становясь у меня на пути, подумай дважды, хочешь ли ты быть моим врагом.

Я не успел придумать в ответ ничего умного – она выпрямилась и ушла.

22. Уоррен-стрит

Я никогда не относился к людям, которые, заболев, убеждают всех, что они совершенно здоровы и порываются раньше времени встать с больничной койки. Если чувствуешь себя так же дерьмово, как я сейчас, значит, организм пытается сказать: лежи, так тебя растак, смирно и поглощай много жидкости. Желательно внутривенно.

Что я, собственно, и делал.

Сначала удивился, что меня привезли в Королевский госпиталь, – есть клиники гораздо ближе к «Оксфорд-серкус», и в каждой имеются отделения травматологии. Но потом из-за плеча ординатора, изучавшего мои синяки, порезы, ссадины и другие возможные повреждения, начал выглядывать доктор Валид. Ординатору, который, судя по выговору, получил частное образование и унаследовал от родителей живой и уверенный ум, надо отдать должное: он старался демонстрировать профессиональное спокойствие и хладнокровие. Но жилистый и молчаливый шотландец шести футов ростом не может не внушать робость. Поэтому, вызвав медсестру, чтобы та сделала нужные перевязки, ординатор улыбнулся дежурной улыбкой и немедленно свалил из палаты. Днем доктор Валид – всемирно известный гастроэнтеролог. Но под покровом ночи он надевает зловещий белый халат и превращается в главного британского эксперта в криптопатологии. Все необычное в живом или мертвом виде попадает к нему. Включая меня и Лесли.

– Добрый вечер, Питер, – улыбнулся он, подходя ближе. – А я-то надеялся, вы хотя бы до Рождества дотянете без телесных повреждений.

С этими словами доктор посветил мне в глаза фонариком, проверить реакцию зрачков. До него сегодня это уже делали четыре человека. Но, возможно, он как раз проверял что-то другое.

– Опять на МРТ отправите? – поинтересовался я.

– Непременно, – отозвался доктор, прямо-таки светясь от радости. – Благодаря вам с Лесли я наконец начал составлять пристойную статистику изменений, которые происходят с мозгом человека, когда он приобщается к магии.

– О каких изменениях идет речь?

– Пока рано говорить, – покачал головой доктор. – Но хотелось бы обследовать вас как можно скорее. Сегодня вечером у меня поезд в Глазго.

– Едете домой на Рождество?

Усевшись на край кушетки, доктор Валид нацарапал что-то в своем блокноте.

– Я каждый год езжу на праздники в Оубэн.

– А ваши родные – они разве не мусульмане?

– О нет, – мягко усмехнулся доктор, – преданные сыны и дочери шотландской церкви, все до единого. Очень строгие, серьезные люди, но только не в это время года. Они от души радуются Рождеству – а я радуюсь встрече с ними. И потом, они всегда рады видеть меня, я ведь везу им птицу к праздничному столу.

– Значит, индейку вы покупаете?

– Конечно, – кивнул доктор, – я должен знать наверняка, что она халяльная.

Сказано – сделано: меня усадили в кресло-каталку и повезли на МРТ. Томограф штука очень дорогая, пациентов, которым назначено это исследование, записывают в лист ожидания. Но доктору Валиду, очевидно, на лист плевать, коль скоро он меняет его по собственному усмотрению. Когда я спросил, откуда у него такие исключительные привилегии, он ответил, что Безумство внесло в фонд госпиталя щедрое пожертвование через благотворительное медицинское общество, основанное еще в 1872 году. Благодаря этому доктор Валид имеет приоритетный доступ ко всей аппаратуре, даже если случай у него не экстренный.

Лаборанты, обслуживающие томограф, с самого лета регулярно видят меня и Лесли. Одному богу известно, что они думают о моем диагнозе. Наверно, считают, что у меня какая-то редкая опухоль головного мозга. А я, должно быть, успел привыкнуть к процедуре, ибо уснул на ее середине, невзирая на металлический грохот магнитных катушек.

Суббота

23. Уоррен-стрит

Проснулся я в одноместной палате, наверно, той самой, где отлеживался Найтингейл, когда его подстрелили. И обнаружил, что Лесли уснула на стуле рядом с моей кроватью. Она не может спать в маске, поэтому сняла ее и неуклюже отвернула голову, чтобы кто-нибудь, случайно заглянув в палату, не увидел ее лица. Маску она зажала в руке, чтобы моментально нацепить, если я вдруг проснусь.

Во сне ее лицо выглядело не менее ужасно. Но – вот странно – больше походило на нормальное. Сейчас смотреть было проще: я точно знал, что она не смотрит на меня в ответ, не пытается оценить мою реакцию. На улице было темно, зимой это может означать и ранний вечер, и раннее утро. Поразмыслив, я решил не будить Лесли сразу: мало ли что она учинит, если увидит, что я плююсь на нее без спросу.

Поэтому опустил обратно на кровать, прикрыл глаза и нарочито громко застонал. Лесли проснулась.

– Все уже, – сказала она. – Надела, можешь смотреть.

До меня дошло, сколько времени я проспал, лишь когда приспичило так, что пришлось бегом бежать в туалет. Я провел там какое-то запредельное количество времени, справляя малую нужду. Приняв душ и надев свежую больничную рубашку – с вырезом на спине, как и у предыдущей, – я с удовольствием забрался обратно в кровать и снова заснул.

Когда проснулся, было светло и пахло едой из Макдоналдса. В животе заурчало.

Запрещенную еду принесла Лесли, вместе с газетами и заверениями, что Кумар и Рейнолдс отделались синяками и ссадинами.

– А все-таки, что там забыла мисс ФБР? – поинтересовалась Лесли. В обмен на бигмак и обещание принести нормальные чистые шмотки я поведал ей историю необыкновенных приключений Питера Гранта под землей. Особенно ее впечатлили тусовка на «Холланд-парк» и момент, когда я посредством галлюцинаций перенесся аж в четырнадцатый век.

– Держу пари, он красавчик, – сказала она, когда я упомянул Тайберна. – Все эти сверхъестественные чуваки такие красавчики.

Я почти боялся, но все же спросил:

– Про нас что, в газетах пишут?

Лесли показала какое-то бульварное издание с заголовком на первой странице: «Кошмар в метро». Как по мне, газетчики очень сильно приуменьшили. Я заметил, что они забыли упомянуть предрождественскую суету, и тогда Лесли протянула мне еще одну «желтую» газетенку. Всю первую страницу занимала «Рождественская жуть в подземке». Я с трудом подавил желание рухнуть обратно на подушки и накрыться одеялом с головой.

Комиссар с телеэкранов категорически заявил, что о теракте говорить не приходится, это подтверждает Транспорт Лондона и Министерство внутренних дел. Инцидент позиционировался как авария в системе водоснабжения, которая вызвала повреждение несущих конструкций, внезапное обрушение платформы и, как следствие, локальный транспортный коллапс. Ущерб ограничивался одной станцией, и движение поездов рассчитывали восстановить ко второму дню Рождества, когда начнутся распродажи.

В новостях не показали ни записей наружных камер наблюдения, ни даже видео, снятых на смартфон. Как я выяснил позже, та фигня, которую учинил наш «маг земли», напрочь спалила все микрочипы в радиусе десяти метров. А в радиусе еще двадцати попортила большую часть камер и смартфонов.

– Поздравляю, – усмехнулась Лесли. – После такого о пожаре в Ковент-Гардене никто и не вспомнит.

– Мое имя упоминали?

– Как ни странно, нет, – ответила Лесли. – Когда тебя стали доставать, у какой-то очень беременной женщины начались роды. Она разрешилась прямо в медпункте на станции, почти перед объективами камер.

– Может, это отвлекло газетчиков? – с надеждой спросил я.

– Еще как, – кивнула Лесли, – у нее двойня.

Уж вряд ли Найтингейл или еще кто-нибудь намеренно это устроил, подумал я. Ну, то есть нельзя же постоянно держать в резерве бригады беременных женщин, это как минимум непрактично. Вот черт, все газетные редакторы сейчас наверняка бьются головой об

стол, сиюсь впихнуть в заголовок первой полосы слова «чудо» и «малыш».

– Ставлю на «Чудесных рождественских малышей», – сказал я.

– Не, «Рождественские малыши – чудесное рождение», – возразила Лесли. – Это отбросило кишечную палочку аж на четвертую страницу.

– А сюда заходил еще кто-нибудь? – спросил я. Сивелл со Стефанопулос вряд ли в восторге от нашей «сенсации».

– Найтингейл, – сказала Лесли. – Хотел отругать тебя как следует, чтобы продемонстрировать свою заботу. Разумеется, в суровой мужской манере, исключая любые гнусные домыслы на тему ориентации. Но ты крепко спал, поэтому он походил-походил вокруг твоего одра, да и свалил.

– А у тебя там чем дело закончилось? – спросил я.

– В отличие от некоторых, – съязвила Лесли, – я выполняла прямые обязанности офицера полиции.

– Ну, кто-то же должен был, – пожал я плечами.

Лесли устремила на меня долгий и пристальный взгляд. Иногда мне, несмотря на маску, удается понять, что она думает. А иногда не удается.

– Они связаны между собой, – наконец сказала она. – Все три семьи: Билы, Галлахеры и Нолены. А знаешь, что именно их связывает?

– «Несокрушимая Имперская Керамика»?

– Нет, там обошлось без Ноланов, – покачала она головой. Выудила мандарин из вазочки на прикроватном столике. – По крайней мере, на начальном этапе. Нолены появились позже. Компанию же в 1865 году основали Юджин Бил, Патрик Галлахер и Мэттью Кэрролл – обрати внимание на фамилии.

– Да уж, они крайне редкие, – кивнул я.

– Я узнавала в Регистрационной палате, – продолжала Лесли, пропустив мою шпильку мимо ушей, – Билы всегда были совладельцами «Имперской керамики». К моменту банкротства от нее уже остался жалкий огрызок некогда масштабного и серьезного предприятия, которое занималось проектированием, строительством и инженерным субподрядом. Сын Мэттью Кэрролла, Уильям, числится в реестре как глава дублинского отделения этой фирмы. Знаю, на какие

мысли это тебя наводит – и угадай, кому принадлежит печь для обжига?

– Райану Кэрроллу.

– Точно, – кивнула Лесли, помахав блокнотом. – Он не платит за аренду мастерской. Значит, либо у него там хорошие семейные связи, либо Билам просто импонирует его фамилия.

– Может, нам его допросить?

– Думаешь?

– А Джеймс Галлахер? Как он со всем этим связан?

– О, это прекрасная история. Тебе понравится.

По словам Лесли, у американских сенаторов вместо обычных блогов есть огромные, пафосные, профессионально разработанные сайты – во множественном числе. И там можно найти всю информацию, которая вам нужна. Точнее, всю, какая вам нужна по мнению сенатора.

– Но милых котиков там, конечно, маловато, – добавила Лесли.

А вот чего там достаточно, так это данных о семье сенатора Галлахера. Есть там и жизнеописание Шона Галлахера, который эмигрировал в Штаты в 1864 году, мечтая о новой жизни, полной свободы, равенства и яблочных пирогов.

– А также чтобы избежать ареста по подозрению в убийстве, – добавила Лесли. – Это информация из судебного архива. Шарахнул какого-то типа по башке бутылкой в пабе, где в основном пили чернорабочие, местные хулиганы и прочие темные личности.

– А он его правда убил?

– Тогда дела расследовали по старинке, – сказала Лесли. – Один пьяный ирландец пристукнул другого ирландца, не менее пьяного. Все слышали, как они принялись спорить и ругаться, но само убийство никто не видел. Все, кто был в заведении, совершенно внезапно ослепли и оглохли. Вероятно, из-за джина, который дружно потребляли. Так или иначе, его брат Патрик вместе с Юджином Билом внесли за него залог и оплатили ему побег в Штаты.

А уж там он и его потомки основали пользующуюся дурной славой политическую систему Нью-Йорка. Почему дурной, Лесли не могла сказать – знала только, что все так говорят.

И все же на что мы наткнулись там, в коллекторе? На тайное общество? На другую расу? Найтингейлу надо рассказать все как есть.

А вот шеф-инспектор Сивелл потребует гораздо более «веских доказательств», прежде чем разрешит проводить допросы.

– Нужно посмотреть в Общей библиотеке, – решил я. – Может, там есть что-то по довоенным тоннелям.

– Вообще-то завтра Рождество, если ты не в курсе, – напомнила Лесли.

– Ага, я и забыл, – отозвался я. – Хочешь сказать, с меня подарок?

– Хочу сказать, что завтра уезжаю к родителям в Эссекс, – пояснила она. – И да, я помню про твою странную неприязнь к регламенту. Но и ты не забывай, что следствием по делу Крокодилчиков руководит Найтингейл, а по делу Джеймса Галлахера – Сивелл. А значит, без их разрешения ты не предпринимаяешь ничего. Даже с кровати не встаешь.

– Ну тогда хотя бы принеси мне ноутбук, – потребовал я.

– Окей, – кивнула Лесли.

– И винограду. Лежу тут, понимаешь, уже сутки, а винограду так никто и не принес!

Кивнув еще раз, Лесли отчалила. А я заглянул в мусорку под столом и обнаружил там целых два пластиковых контейнера с оципанными виноградными веточками. Следующие полчаса я упоенно продумывал многочисленные ответные каверзы, одну интереснее другой. Потом пришел Найтингейл, принес сменную одежду. В его понимании это был строгий темно-синий костюм «Маркс и Спенсер», который я, вообще говоря, берег. И надевал сугубо на похороны и судебные заседания.

Я принялся излагать ему свои соображения насчет Безликого и Кроссрейла, и с каждым словом они казались мне все менее убедительными. Однако Найтингейл решил, что проверить все же стоит.

– Хотя бы для того, – сказал он, – чтобы исключить такую возможность.

Тут нас прервал очень молодой темнокожий ординатор с короткими толстыми пальцами и бирмингемским акцентом. Он в очередной раз померил мне давление и взял анализ крови. Я спросил про доктора Валида и выяснил, что, поскольку моя жизнь вне опасности, он уехал вчера вечером в Шотландию.

– Просто чудо, что вы избежали травм, – сказал ординатор. – Но доктор велел оставаться здесь до завтра, вас еще надо понаблюдать. Вы переохладились, так что должны отдыхать, отогреться и пить много жидкости.

Я заверил его, что так и собираюсь поступить, и он, удовлетворенный, вышел из палаты. Найтингейл сказал, что у меня усталый вид и что он тоже оставляет меня в покое. Я пожаловался, что скучно, и он, выдав мне «Дейли телеграф», предложил поразгадывать кроссворд. Сработало: через пятнадцать минут я бессильно шлепнул газетой по подушке.

– Двенадцать по вертикали, – сказала Тайберн. – Обязательство перед кем-то, четыре буквы.

Она стояла в дверном проеме. На ней были коричневые брюки и белоснежный свитер из ангорской шерсти.

– Может, дадите прийти в себя? – попросил я. – А потом уж таскайте по инстанциям.

Тайберн вошла и чопорно уселась на самый краешек кровати. Оглядела палату, нахмурилась:

– Почему тебе никто не принес виноград?

– Сам удивляюсь, – ответил я. – А вы вот даже без цветов пришли.

– Вы действительно считаете, что в системе коллекторов живут люди?

– А вы?

– Я полагаю, такое возможно, – сказала она. – И если да, к этому вопросу надо подойти со всей ответственностью.

– И вы считаете, что справитесь с этим?

– Я богиня этого места, – напомнила леди Тай. – Кому же, как не мне?

Я, конечно, мог сказать, что мы с Найтингейлом держим все под контролем, но сомневался, что она в нынешней обстановке в это поверит.

Тайберн наклонилась ко мне и пристально посмотрела в глаза.

– И сколько, по-твоему, это может продолжаться? – спросила она. – Если в коллекторах действительно живут люди, не лучше ли помочь им влиться в нормальное общество?

– Начислить пенсии, выдать квартиры и отправить детей в школы? – уточнил я.

– Может быть, – кивнула она. – Или хотя бы как-то привести в порядок их нынешнее место жительства, обеспечить образование и квалифицированную медицинскую помощь. Им нужна поддержка. Или хотя бы возможность выбора.

– Это если там и вправду люди, – заметил я.

– Я лишь хочу, – вздохнула Тайберн, вставая, – чтобы ты хоть немного об этом задумался.

Я досадливо застонал, и она вышла. Очень хотелось есть, и я как раз подумывал спуститься вниз, найти чего-нибудь пожевать. И тут пришли мои родители. Принесли тройную порцию риса по-нигерийски, острую говядину и – о, счастье! – два пластиковых контейнера свежепожаренных бананов. Мама тревожилась из-за вспышки кишечной палочки, а будучи профессионалом, придерживалась определенного мнения о стандартах чистоты в больницах. Поэтому настрого запретила мне есть здешнюю еду. Как примерный сын, я послушно наелся до отвала и дал честное слово, что Рождество в любом случае буду встречать у тетушки Джо.

Почти кило риса по-нигерийски даже бегемота свалит с ног, поэтому, когда родители ушли, я лег в кровать и сразу задремал. А когда снова открыл глаза, увидел, как Закари Палмер лезет в мой контейнер с бананами.

– Эй!

Он шлепнул обратно банан и расплылся в улыбке.

– Твоя мама офигительно готовит! Полный отпад!

– А ну отдай, мерзкий воришка! Это мое! – сказал я, отбирая у него контейнер. Ничуть не смутившись, Зак переключился на фрукты. Водолазка на нем была чистая, на рукавах до сих пор виднелись острые складки. Такие остаются только после утюга Молли.

– Ты что тут забыл? – спросил я.

– Ну как: пришел убедиться, что ты в порядке.

– Мило, – хмыкнул я.

– Не моя идея, ты ж понимаешь, но он малость беспокоится, – сказал Зак.

– Он? Кто это «он»?

Зак застыл, не донеся до рта мандариновую дольку.

– Э-э-э... я сказал «он»?

– Сказал, – кивнул я.

– А... а можно все-таки немножко бананов?

– Нет, нельзя, – сказал я, покрепче сжимая контейнер.

– Ну и ладно. Бывай тогда! – улыбнулся он. Бросился к двери и был таков.

В жизни есть моменты, когда ты должен что-то сделать, хотя знаешь, что это будет неприятно, больно или унизительно. А то и все вместе. Пойти, например, к зубному, первый раз пригласить девушку на свидание, субботним вечером разогнать чересчур буйный мальчишник у бара «Румба». Или, как вот сейчас, бежать за подозреваемым, путаясь в длинной больничной рубашке с вырезом на спине.

Я помчался прямо к лестнице: Зак либо рванул к лифтам, и там я его прищучу, либо тоже к лестнице, и тогда он окажется точно передо мной. Но, форсировав несколько тяжелых пожарных дверей и оказавшись на лестничной площадке, я его не обнаружил. И поскакал вниз, перепрыгивая через три ступеньки. Остановился только на пару секунд – проораться, когда больно ударился пальцем.

Лесли утверждает, что залог успешной погони – знать, куда преступник бежит. Даже если конечная его цель неизвестна, все равно надо попытаться угадать, где ему можно окончательно перерезать путь. В нашем случае это было фойе первого этажа: только через него можно войти или выйти. Именно туда я и помчался. К сожалению, выходов было два, в противоположных концах фойе. Гололед, вспышка гриппа и агрессивный предрождественский шопинг сделали свое дело: первый этаж буквально наводнили пациенты и их родственники.

Если бы у Зака хватило ума пройти через фойе медленно и спокойно, ему бы удалось смыться. Но он, к счастью для меня, бегом бросился к северному выходу, так что я мог просто ориентироваться на недовольные возгласы тех, кого он расталкивал, стремясь выскочить на улицу. Правда, они завопили еще громче, когда на них понесся я. Страшно же: одетый в больничную рубашку негроид, хоть и посветлевший по зимнему времени. Естественно, все поняли происходящее неправильно и бросились в разные стороны, дабы убраться с моего пути.

Я слетел вниз по широкому крыльцу, наступил босой ногой на ледышку и чуть не скатился кубарем. Удержался, поймал равновесие, глянул вправо-влево. Если не заходить в больницу, на этом отрезке

тротуара делать совершенно нечего, только дышать выхлопными газами. Поэтому Зака я на ней увидел сразу: он свернул влево.

Я побежал за ним, и каждый шаг босиком по заледеневшей земле подтверждал, что я не напрасно трачу столько денег на кроссовки. Мышцы работали, и я не мерз, но о прискорбной нехватке штанов напоминал холодный ветер, обдувающий пятую точку. А еще залихватский свист, которым меня проводили на углу Тоттенхэм-Корт-роуд.

Зак, судя по всему, решил, что можно выдохнуть, и перешел с бега на быстрый шаг. Я его почти догнал, когда он меня заметил и снова рванул вперед, как бешеный заяц. Развил колоссальную скорость, и стало ясно: босиком мне его нипочем не догнать. И он бы ушел, если бы не Лесли, которая именно в этот момент выходила из «Сейнзбери» с покупками. Увидела меня, увидела Зака и приняла одно из тех молниеносных решений, за которые ей в Хендоне прочили к тридцати годам чин старшего суперинтенданта.

Она не стала форсить а-ля «опрокинь преступника одним ударом в грудь». Нет, она банально подставила ему ногу в нужный момент, он не удержался и упал на живот. По-прежнему держа в руках *не только* свои покупки, но и мой ноутбук, Лесли подскочила к Заку и прижала его ногой к асфальту, чтобы точно никуда не делся. Пока я добежал, вокруг успела собраться небольшая толпа.

– Полицейская операция, – крикнул я, – расходитесь! Не на что тут глазеть.

– Еще как есть! – ответил чей-то веселый голос.

– Зак, сейчас я уберу ногу и ты сможешь встать, – сказала Лесли. – Только давай без глупостей.

– Ну ладно, ладно, – закивал он, – только не надо поспешных действий.

– Поспешных?! Да я из-за тебя нагишом скакал по Тоттенхэм-Корт-роуд! По-твоему, надо было сначала все взвесить?

Откуда-то появились двое копов в форме. Мы с Лесли их впервые видели, поэтому наша операция вполне могла накрыться медным тазом. На их месте я бы нас непременно арестовал. Но вскользь упомянутое имя инспектора Стефанопулос сделало свое дело: копы выразили полную готовность к сотрудничеству. Однако если уж воззвал к Мириам Стефанопулос, изволь дальше действовать строго по

ее правилам, иначе будут большие проблемы. И вот нам пришлось ждать, пока из отдела убийств приедут арестовать Зака. Его забрали в управление на допрос, а я тем временем смылся обратно в госпиталь, одеваться и выписываться. Вы не представляете, какой это долгий процесс.

24. Слоун-сквер

Я был сильно разочарован, когда не обнаружил на своем столе в отделе обработки данных ни одного нового документа.

– Когда ты попал в больницу, дела передали другим сотрудникам, – пояснила Стефанопулос.

То есть я уже шесть дней числюсь в отделе убийств и за это время выполнил всего два с половиной задания. Мало того что при оценке работы это будет выглядеть не очень убедительно, так я еще здорово сомневался, что мистическое сражение в канализации с туннельным «магом земли» прокатит в качестве оправдания.

Во избежание бумажной волокиты мы не предъявили Заку никаких обвинений. Однако доходчиво объяснили, что у него есть все шансы встретить Рождество в камере, если он не будет «сотрудничать со следствием».

Кабинеты для допроса в отделе убийств – это невзрачные комнатки со стенами цвета пачек «Виндзор блю» и потертыми деревянными панелями. Из обстановки – исцарапанный деревянный стол, стулья, обычный двухкассетный магнитофон для записи. На потолке шар из помутневшего плексигласа, за которым прячется видеокамера. Зака усадили в один из этих кабинетов, и он за час воздвиг на столе небольшую горку из шоколадных оберток, увенчанную останками растерзанного пластикового стаканчика.

– Привет, прелестное создание! – улыбнулся он, когда мы с Лесли вошли.

– Ну спасибо за комплимент, – хмыкнул я.

– Есть чего пожевать? Умираю с голоду.

Я смахнул мусор в корзину для бумаг и шлепнул перед Заком сверток из воощеной бумаги, подозрительно мягкий. Зак осторожно раскрыл его, понюхал и блаженно улыбнулся.

– Молли делала?

– Что это такое? – спросила Лесли.

– Бутер с зельцем, – ответил он.

– Понятно, – протянула Лесли, которая, как и положено девушке из Эссекса, печенку от рубца вполне себе отличает. Как-то раз она

добрых полчаса объясняла, какие неожиданные и замысловатые части тел животных могут таиться в блюдах «традиционной кухни», которые готовит Молли. Если вы не знаете, что такое «зельц», я лучше и говорить не буду. Остановимся на «заливном», это общее название подобных блюд.

Не будь Лесли в маске, я б наверняка увидел, как вытягивается ее лицо при виде Зака, жадно наворачивающего это кушанье.

Есть несколько методик ведения допроса по принципу кнута и пряника. Сивелл рассказывал, что раньше, когда почти все поголовно курили, достаточно было некоторое время не давать подозреваемому сигарет, и он очень скоро кололся, только бы дали покурить. Способ неплохой, если вам нужен формальный результат. Но если требуется качественная и достоверная информация, действовать надо тоньше.

Обсудив все перед допросом, мы пришли к выводу, что мало вынудить Зака заговорить. Надо еще заставить его говорить здраво и по делу. Низкий уровень сахара в его крови сделал бы только хуже, но Стефанопулос сказала, что тут главное не переборщить. Поэтому он и получил вдобавок к сладостям бутерброд с требухой.

– Итак, что скажешь насчет своего друга?

– Какого? – «не понял» Зак. – У меня много друзей.

– У которого чересчур умелые руки, – пояснил я.

Зак непонимающе уставился на меня, но я знал, что он блефует.

– С бледным лицом, – добавил я, – в толстовке с капюшоном.

Крушит бетон голыми руками.

Зак покосился на магнитофон, в котором крутились две кассеты.

– А вам разве можно об этом говорить?

– Ну, нас же никто не услышит, – сказала Лесли.

Да если бы, подумал я. Найтингейл, Сивелл и Стефанопулос, скорее всего, наблюдают за нами через монитор, подключенный к камере, и пишут примечания к каждой фразе, будто боксерский поединок комментируют. Еще, небось, таблицу очков составили и ведут подсчет.

– Там, в подzemке, где была вечеринка, ты пытался меня задержать, – напомнил я. – Не хотел, чтобы я гнался за ним?

– Еще бы! Видишь, чем все кончилось?

– Так ты все-таки его знаешь, – сказала Лесли.

– Ну пересекались пару раз, – пожал плечами Зак. – Иногда по делам, иногда просто тусовались вместе.

– Кто он такой?

– Его зовут Стивен, – ответил Зак, – слушайте, а как насчет еще одного «Марса»?

– Фамилия? – спросил я.

– А может, горячего шоколада? – не унимался Зак. – После зельца самое то.

– Фамилия?

– Нет у них фамилий, – вздохнул Зак.

Очень хотелось спросить, у кого это «у них», но иногда полезно, чтобы допрашиваемый решил, что ему удалось вас надурить. Поэтому я спросил, где Стивен живет.

– В Пекхэме.

Мы спросили, где конкретно, но точного адреса Зак не знал.

– А для чего ему пистолет, ты не в курсе? – спросил я.

– Какой пистолет? – удивился Зак.

– Из которого он пытался нас подстрелить.

Пару секунд Зак таращился на нас как на сумасшедших. Потом свел брови.

– А-а-а, тот пистолет! Ну, вы, наверное, что-то натворили, потому что это оружие он носит только для самозащиты. Не думайте, он не бежит с ним по улицам и не отстреливает людей.

– А тебе он его показывал?

– Что показывал?

– Пистолет. Ты его видел?

Зак откинулся на спинку стула и как-то неопределенно махнул рукой.

– Было дело, – сказал он. – Но в руки не давал.

– А ты помнишь, что это был за пистолет? – спросила Лесли.

– Да просто пушка, – ответил Зак, сложив пальцы «пистолетиком», – я не разбираюсь в огнестреле.

– Револьвер? – спросила Лесли, – или самозарядный?

– «Глок», – ответил Зак, – как у копов.

– Ты же вроде не разбираешься в огнестреле, – напомнил я.

– Это Стивен его так называл, – пояснил Зак. – Слушайте, ну налейте шоколада, я сейчас подохну!

Столичная полиция – структура по большей части невооруженная. И поэтому она очень строго относится к незаконному владению огнестрелом. Такие дела привлекают особое внимание старших офицеров, которые не колеблясь задействуют очень серьезные ресурсы. В итоге обычно привлекают СО19, вооруженное подразделение столичной полиции. Их неофициальный девиз – «Пушки не убивают – мы убиваем из них». И Заку наверняка известно о таком серьезном подходе. И вот вопрос: что такого важного он пытается скрыть, что готов выдать своего приятеля Стивена и подтвердить, что тот незаконно владеет оружием? Особенно если учесть, что отдел убийств, осмотрев «Оксфорд-серкус» и опросив всех свидетелей, установил: у этого самого Стивена на момент выхода из вагона оружия-то и не было.

– Горячего шоколаду, значит? – переспросила Лесли, поднимаясь.

– О да! – воскликнул Зак.

Лесли спросила, буду ли я кофе. Я сказал «да» и добавил, обращаясь к магнитофону, что констебль Лесли Мэй покинула помещение для допроса.

Зак ухмыльнулся – похоже, решил, что ему удалось что-то от нас утаить. Чего мы, собственно, и добивались.

– Значит, твой приятель Стив так сказал?

– Стивен, – поправил Зак. – Он не любит, когда его называют Стивом.

– Твой приятель Стивен из Пекхэма, – кивнул я. – Как давно ты его знаешь?

– С детства, – ответил Зак.

Я заглянул в блокнот.

– С того времени, когда жил в приюте Святого Марка? – уточнил я.

– Да, так уж получилось.

– А он у нас находится в Ноттинг-Хилле, – заметил я, – меньше чем в пяти минутах ходьбы от дома Джеймса Галлахера. Далековато от Пекхэма, не находишь?

– Ну, не сидеть же на месте, – невозмутимо ответил Зак, – есть же бесплатные автобусы и все такое.

– Значит, вы вместе тусили?

– Тусили? Да, было дело. Еще частенько отрывались. А бывало, что и зависали где-нибудь.

– Где-нибудь в твоих краях? – уточнил я. – На Портобелло, в районе Лэдброк-Гроув?

– Ну, на рынке же всегда есть какая-то движуха, – ответил Зак. – А Стивен – он, знаешь, слегка повернут на искусстве. И вот мы там подрабатывали: ну, поручения разные выполняли, еще всякую всячину делали.

– А сам он каким-то искусством увлекался? – спросил я.

– Ну, руки у него растут откуда надо, – ответил Зак.

И как-то он так это сказал, что я заинтересовался: почему он так старательно обходит тему искусства?

– Может быть, гончарным делом?

Зак как-то замялся – явно подбирал слова. Но ответить не успел: вошла Лесли с подносом, на котором стояли кофе, горячий шоколад и тарелка с печеньем. К сожалению, эта часть допроса была заранее прописана в плане и импровизации не допускались. Поэтому вместо того, чтобы выжать из Зака ответ, я пометил в блокноте: *Стивен – керамика? – мотив?*

Лесли, доложившись магнитофону, наклонилась ко мне и прошептала на ухо:

– Тут самый отвратный кофе во всей столичной полиции.

Я многозначительно глянул на Зака.

– Да? Надо же, как интересно.

Вид у него был равнодушный, но слегка настороженный.

– Так, говоришь, у твоего приятеля есть пистолет? – продолжал я.

– У него *был* пистолет, – возразил Зак, – а теперь он его, наверно, уже выкинул.

– На «Окфорд-серкус» у него пистолета уже не было, – заметил я.

– Я же говорю – выкинул.

– Не выкидывал он его, – покачала головой Лесли. – Ни в поезде, ни на путях – вообще нигде. Мы не нашли никакого оружия на всем отрезке пути от лестницы на Холланд-парк до станции «Оксфорд-серкус». Хотя очень хорошо искали.

– И вот, понимаешь, какая странная штука, – сказал я, – в меня-то стреляли не из «Глока». В меня стреляли из пистолета-пулемета «Стэн». Отличить одно от другого очень легко, можешь мне поверить.

– Да, особенно если провести баллистическую экспертизу, – добавила Лесли.

– Значит, их было как минимум двое, – заключил я, отхлебывая кофе. Он и вправду оказался мерзким. – Бледномордых типов в толстовках с капюшонами. И почему-то мне кажется, что ни один из них не родился в Пекхэме. А, Зак?

– Они родные братья, – сказал Зак.

Его упорство вызывало уважение. Но значения не имело, ибо ложь на допросе может оказаться столь же полезной, как и правда. Это потому, что всякая качественная ложь непременно содержит толику правды, способную, по мнению лжеца, помочь ему выйти сухим из воды. Правда постепенно накапливается: гораздо проще помнить ее, чем придуманные объяснения. И она, в отличие от лжи, от ответа к ответу не меняется. Поэтому надо просто перефразировать один и тот же вопрос, пока не получится четко выделить правду из лжи. Вот почему «содействие полиции в расследовании преступления» может отнять целый день. Это в лучшем случае.

– Они из народа фей? – спросила Лесли.

Зак нервно зыркнул на магнитофон, потом на камеру.

– Вам *точно* можно про это говорить?

– Так они из фей или нет? – переспросил я.

– Слушайте, вообще это слово употребляете только вы, – заметил Зак. – У нас никто так не говорит – если, конечно, не хочет лишиться зубов.

– Но ты говорил, твой отец был фейри, – напомнил я.

– Ну, был.

– А Реки говорят, ты наполовину гоблин.

– Вот знаете, ничо не хотел плохого сказать, но эти Реки – просто кучка надутых сук, возомнивших о себе невесть что!

На последних словах Зак слегка повысил голос.

Наконец-то, подумал я, зацепило.

– А твой друг Стивен – он гоблин? – спросила Лесли.

– Не стоит обзывать гоблинами кого попало, раз не знаешь, что это значит, – заметил Зак. Он снова говорил как обычно – простовато-беспечным тоном, но я расслышал тщательно скрываемое напряжение. Вдобавок он нервно забарабанил пальцами по столу.

– А как же нам их тогда называть? – поинтересовалась Лесли.

– Вам, – сказал Зак, наставив на нас палец, – вообще никак не надо. А что вам надо, так это оставить их в покое.

– Один из них стрелял в меня, – возразил я, – из пистолета-пулемета, а второй пытался меня закопать. Прямо, мать его, в землю, Зак, и оставить там подыхать. Черта с два я их оставлю в покое, вот что я тебе скажу.

– Они просто защищали... – начал Зак и осекся.

– Что защищали?

– Себя, – сказал он. – Ты исааковец, и мы много о тебе слышали. Знаем, что будет, если ты окажешься не в то время не в том месте.

Значит, точно фейри, подумал я.

– Так *кого* они защищали? – повторил я вопрос.

– Себя.

Врет и не краснеет.

– А как зовут его брата?

Пауза.

– Маркус.

Снова врет.

– А он, наверно, очень любит овощи? – спросила Лесли. – Раз братцы Ноланы на двоих каждый раз привозят такую кучу зелени.

– Ну, они ведут активный и здоровый образ жизни, – «пояснил» Зак.

– Зак, – вздохнул я, – мы совсем тупые, по-твоему?

– Даже не знаю, – ответил он, – вам по десятибалльной шкале подсчитать?

– Кто они такие? – резко спросила Лесли.

Зак открыл было рот спросить, кто «они», но Лесли сердито стукнула кулаком по столу.

– Зак, у меня очень чешется лицо под маской, – прошипела она, – чем скорее ты скажешь правду, тем скорее я окажусь дома и смогу ее снять.

– Так кто они? – спросил я.

– Просто люди, – выдохнул Зак, – и вам следует оставить их в покое.

– Слишком поздно, – ответил я, – твой приятель вызвал коллапс на Центральной ветке во время предрождественского ажиотажа. Власти говорят об ущербе в миллионы фунтов и о том, что станция в

ближайшие полгода не откроется. Как думаешь, им понравится, если я приду и скажу: мы знаем, кто это сделал, но решили отпустить его с миром?

Зак театрально стукнулся лбом о стол и застонал.

– Нам нужны сведения, которые можно сообщить руководству, – сказал я. – Поделись этими сведениями, и мы заключим с тобой соглашение.

– А какие гарантии дадите? – спросил Зак.

– Честное слово.

– Не обижайся, Питер, – хмыкнул Зак, – но мне не нужно слово марионетки. Обещание должен дать тот, кто дергает за ниточки. То есть Найтингейл.

– Если они действительно *особенные*, – сказал я, – то мы можем не предавать это дело большой огласке. Но уж если тебе непременно надо подключить моего босса, то придется для начала все рассказать мне.

– Так все-таки, кто же они? – снова спросила Лесли.

Насколько знал Зак, именно их повстречали Юджин Бил и Патрик Галлахер, когда прокладывали рельсы к югу от реки.

– Это когда они там рыли коллекторы? – спросил я.

– Не, еще до того, – покачал головой Зак, – они помогали копать тоннель в Уоппинге.

Тогда понятно, подумал я, почему у бригады Била дела резко пошли в гору.

– Так ты говоришь, они не из фей, – продолжил я, – но от других людей они отличаются?

– Угу.

– Чем именно отличаются? – спросила Лесли.

– Ну как, – сказал Зак, – различия ведь бывают двух видов, правильно? Можно родиться другим. Как я, или дочка Темзы, или те, кого вы называете «феями», хотя ни черта не понимаете, что это означает. А можно стать другим по собственному выбору, как ты или мастер Найтингейл.

Он вдруг нахмурился, указывая на меня пальцем.

– Ну ладно, трех видов: те, кто родился другим, кто пожелал стать другим и кто стал другим по чьей-то воле.

Он перевел палец на Лесли:

– Например, после несчастного случая.

Лесли пристально посмотрела на палец, и Зак его тут же опустил.

Я хотел спросить, что он имеет в виду, но Лесли велела не отвлекаться.

– Обо мне не беспокойся, – сказала она. – Так они, значит, от рождения другие, ты это хочешь сказать?

Зак кивнул. Так и хотелось написать в блокноте «другой подвид», но доктор Валид как-то раз сделал мне суровое внушение на тему «не используй биологические термины, не зная их точного значения». Я написал «мутанты» и сразу зачеркнул. Доктору придется обойтись формулировкой «другие от рождения».

Лесли заставила его подтвердить это вслух: допрос по-прежнему записывался.

– Да, от рождения, – снова кивнул Зак. – Откуда они вообще взялись – понятия не имею. Галлахер и Билы где-то пересеклись с ними в те времена, когда копали тоннель. Может, из-под земли достали, не знаю.

– А та керамика – это ведь их работа, верно? – спросил я.

Зак опять кивнул и, повинуясь косому взгляду Лесли, сказал вслух:

– Да, это они ее делали.

– Но название у них есть? – спросила Лесли.

– У кого?

– Ну у тех, кто ее делал. Как-то же их надо называть? Гномами, эльфами, гоблинами – как?

– Мы зовем их Тихим Народом, – ответил Зак.

– И ты привел Джеймса Галлахера к ним под землю? – спросил я, не дав Лесли возможности уточнить, вправду ли они «тихие».

– Мне кое-кто шепнул, что он интересуется «Имперской керамикой», – ответил Зак, – и я решил на этом подзаработать. Поэтому и познакомился с ним. Помнишь, я рассказывал тогда, в первый раз, как показывал ему город и все такое?

– А ту вазу для фруктов ты покупал?

– Не вазу, – сказал Зак, – статуэтку. Точнее, я сводил его на гоблинскую барахолку, и там он ее купил.

Лесли недовольно покосилась на меня, когда я сообщил магнитофону, что под «гоблинской барахолкой» имелся в виду

нелегальный передвижной базар. Но я подумал, Найтингейл в любом случае захочет уточнить.

– Это которая на Повис-сквер?

– Не, – помотал головой Зак, – на предыдущую. Ту, что была на Повис-сквер, он потом сам нашел, без меня. Смышленный парень был, что правда, то правда.

С этими словами он взял кружку и принялся пальцем собирать со стенок остатки горячего шоколада.

– А ваза для фруктов?

– Тоже сам купил.

Рискуя снова навлечь на себя гнев Лесли, я продолжил отклоняться от темы. Достал ту самую миску, специально захваченную из Безумства как раз на этот случай. Ее *вестигий* ощущался даже сквозь пластиковый пакет для вещдоков. Я поставил миску на стол и пододвинул к Заку.

– Это она?

– Она, – кивнул Зак, даже не глянув.

– Та самая? – уточнил я. – Не похожая, а именно та?

– Угу.

– А откуда ты знаешь?

– Просто знаю, и все.

– И что, ты так можешь идентифицировать любую глиняную посудину? – поинтересовался я. – Или твои суперспособности распространяются только на керамику?

– Чего?

– Если я сейчас принесу из столовки тарелку и покажу тебе – сможешь ты через неделю выбрать ее из ряда тарелок, выставленных на опознание?

Опознание тарелок... одному богу известно, что на это скажет Сивелл.

– Да ты рехнулся, что ли? – возмутился Зак. – Она ж не на китайской штамповальне сделана. Ее изготовил Тихий Народ.

Он говорил медленно, словно желая, чтоб я как следует понял.

– У них не бывает двух одинаковых изделий, как не бывает одинаковых человеческих лиц. Вот почему я знаю, что это именно та миска.

Я подумал: возможно ли, что Зак – полуфейри, полугоблин, полунепонятно-кто – воспринимает *вестигии* иначе, чем я, Лесли или Найтингейл. Если да, тогда логично, что и реагирует он на них по-другому: возможно, более спокойно. Я сделал в блокноте соответствующую пометку, понимая, что Лесли сейчас снова возмутится.

– Идем дальше, – сказала она, словно услышав мои мысли. – Так, значит, ты привел Джеймса Галлахера в коллектор на встречу с этим Тихим Народом?

Зак улыбнулся.

– Слушай, а сними маску – ты же знаешь, мы не против. Да, Питер?

Я ожидал, что она либо пропустит это мимо ушей, либо скажет, чтобы он заткнулся. Но она вместо этого повернула голову ко мне и вопросительно посмотрела.

– А у меня не надо спрашивать, – пожал я плечами, все еще надеясь, что она не станет снимать.

Потом снова глянула на Зака, тот криво ухмыльнулся.

– Я ее сниму, – тихо сказала Лесли, – если ты перестанешь морочить нам голову.

– Идет, – тут же кивнул он.

Лесли расстегнула маску и аккуратно сняла. Ее лицо было все так же безобразно и блестяло от пота. Я на миг «завис» и только потом сообразил подать ей салфетки. Она принялась вытирать лицо, а я заметил вдруг, что Зак глядит на меня, как-то нехорошо сощурившись.

– Ну вот, маска снята, – сказал я, – твой ход.

– Давай, – кивнула Лесли. – Про Джеймса Галлахера и семерых гномов.

– Кто сказал «гномов»?

Мы молча смотрели на Зака. Деваться ему было некуда, пришлось рассказывать.

Джеймс Галлахер, как выяснилось, обладал упорством, свойственным только американцам – да еще, пожалуй, агентам по продаже пластиковых окон. Зак чего только не делал, даже рванул бегом до ларька с алкоголем. Но бесполезно: Джеймс стоял на своем.

– И тогда, – сказал Зак, – мы разжились кое-какой экипировкой и нырнули в кроличью нору.

Это была на редкость вонючая кроличья нора. Я заставил Зака точно отметить на распечатке Гугл-карты то место, где они проникли в коллектор. Это оказался тот самый люк в пятидесяти метрах от дома Джеймса. Уж не им ли воспользовалась агент Рейнолдс, подумал я.

Еще некоторое время мы потратили на то, чтоб показать Заку ботинки Джеймса и получить подтверждение, что это таки его ботинки. Ну или просто похожи на те, что Джеймс купил для вылазки в коллектор, а так ведь они могут быть чьи угодно, разве нет? Было бы странновато, если б он так уж внимательно приглядывался к ботинкам Джеймса, а?

– Хотя, если ты повернут на обуви, почему нет, – добавил Зак, – люди ведь все разные.

Я еле сдерживался, чтобы не побиться головой об стол.

В конце концов Лесли кратко, но доходчиво дала Заку понять, что еще немного, и побьет *его* головой об стол. Подействовало: мы перешли наконец к эпизоду, когда он представил Джеймса Галлахера Тихому Народу.

– Не то чтобы они вот прям так и назывались...

– Спасибо, про неоднозначность мы поняли, – пресек я очередное «пояснение».

Но Зак мало того что не знал их точного названия, он еще не мог с уверенностью сказать, где они живут.

– Я знаю, как добраться к ним под землей, – пожал он плечами, – но хоть убейте, не в курсе, где это наверху. Ну вы поняли.

Где-то в Ноттинг-Хилле. Точнее он не знал.

А я подозревал, что как раз таки знаю. Но делиться подозрениями не спешил.

И еще Зак хотел, чтобы мы запомнили: они живут вовсе не в канализации. У них есть собственные тоннели, сухие и удобные. Нет, описать он их не может.

– Там ничего не видно, они не любят света.

Джеймс же с первого прикосновения вспылал к ним любовью.

– Только и говорил, что об этих стенах, – сказал Зак.

– А что в них такого? – спросил я.

– Ему нравилось, какие они на ощупь. А Тихому Народу понравился Джеймс – они, типа, в нем увидели родственную душу.

Тогда они первый раз и пропустили меня через коридор – и то, наверно, потому, что я дружу со Стивеном.

– Так, значит, Стивен – его настоящее имя.

– Да, – кивнул Зак. – Поверьте, я не вру. У них у всех такие имена: Стивен, Джордж, Генри... Даже странно, что они не носят плоских шляп и штанов на подтяжках.

Но на поверхность они почти не выходят, Стивен скорее исключение из этого правила. Зак сказал, те, кто взаимодействует с наземным миром, с ними не живут.

– Так что там искал Джеймс? – спросила Лесли.

– Не знаю, – пожал плечами Зак, – может, что-то связанное с искусством. А может, девчонку какую подцепил. Есть у них присловье: фею познаешь – назад пути не узнаешь.

Что-то он скрывал. Слишком уж упорно раз за разом уходил от темы.

– Стало быть, Джеймс пошел к ним тоннель, а ты остался снаружи? – спросила Лесли.

– В коридоре, – уточнил Зак.

– Но сам-то как думаешь, зачем он туда пошел?

– Меня вообще дальше коридора не пустили – и это после того, что я для них сделал! – сказал Зак, пафосно складывая руки на груди. – Не хотят меня там видеть, и все тут.

– А Джеймса, значит, хотели, – заключил я. – И ты обиделся?

– Вообще да, – сказал Зак, – должен сказать, было такое дело.

Еще бы: радостная встреча, обнимашки и веселье достались Джеймсу, а Зака, хотя он столько раз покрывал Стивена или разруливал за него наверху всякие проблемы, не пустили. Только потому, что он не потомок Биллов или Галлахеров. Никакого упитанного тельца^[47] ему не приготовили – хотя о тельцах, тем более упитанных, речи вообще не шло.

– Но все равно, – возмущался Зак, – хоть бы как поблагодарили.

Вот почему надо держать язык за зубами, если сидишь на допросе в полицейском участке. Мы ведь с Лесли были вполне готовы вычеркнуть Зака из списка подозреваемых – пока он не обнаружил свою неприязнь. А это уже был мотив.

Мы переглянулись. Я понял: она тоже слабо верит, что Зак убийца. Отвел глаза и вдруг понял, что посмотрел на нее без маски и

просто прочитал мысль на лице, впервые не подумав о том, во что оно превратилось.

– А Грэму Билу подносили упитанного тельца? – спросил я. – Или, может, Райану Кэрроллу?

– Кто такой Райан Кэрролл? – спросил Зак.

– Известный художник и скульптор, – ответил я. – Джеймс был его поклонником.

– Извини, не знаю такого, – пожал плечами Зак, – не могу же я знать всех и каждого. Но если это был правильный Кэрролл – то да, и его могли впустить.

– А как насчет Грэма Била? Директора фирмы? – спросил я.

– Бывал он там, – кивнул Зак. – Но гораздо чаще заходил его брат. Очень уж любил копать. Жаль, что так погиб. Стивен говорил, с тех пор Грэма Била они больше не видели.

– Сколько их там? – спросила Лесли.

– Не знаю.

– Десять, двадцать, двести?

– Больше двадцати, – сказал Зак, – по крайней мере несколько семей.

– Семей, – выдохнула Лесли, – о боже.

– Они многие сотни лет живут наособицу, – сказал Зак. – Зуб даю, твой наставник и знать о них не знал. А теперь-то что? Явитесь туда всей толпой? Узнаете, что их дети не ходят в школу, и доложите в соцзащиту? Выпишете штраф за незаконное проживание в метро?

Он прожигал меня гневным взглядом.

– Чего молчишь? Сами не знаете, что будете делать, так ведь?

Он был прав. Я действительно не знал, что мы будем делать. Но ведь для этого Бог и создал начальство.

Однако и оно не знало, что делать дальше.

– Вам было известно, что там живут люди? – спросил Сивелл у Найтингейла.

Мы собрались возле маркерной доски в отделе убийств – там обычно висят расписания, записки и фото тех, кого только что вычеркнули из списка подозреваемых или свидетелей.

– Нет, – ответил мой шеф.

– Может, сейчас и не время об этом говорить, – надулся Сивелл, – но для меня налицо явный недосмотр с вашей стороны. Припомните,

Томас, что случилось за этот год: я завел излишне близкое знакомство с мистером Панчем и участвовал в поджоге Ковент-Гардена. А Мириам достались бабы с зубастыми вагинами и люди-кошки. И теперь, значит, вы хотите поставить меня перед фактом, что под Ноттинг-Хиллом живут гребаные люди-кроты, вооруженные пистолетами «Стэн»? И их там целое гребаное поселение? Меня постоянно призывают считаться с вашим мнением во всем, что касается *необычных* и *особых* дел, но теперь у меня есть все основания выразить крайнее недовольство вашим подходом к служебным обязанностям!

– Это, разумеется, очень досадно... – начал было Найтингейл.

– Это, вашу мать, не досадно, – очень тихо сказал Сивелл. – Это просто непрофессионально.

Я уже достаточно хорошо знал Найтингейла и только поэтому уловил, как он едва заметно поморщился. И понял, что это означает.

– Вы, разумеется, правы, – вежливо сказал Найтингейл. – Я допустил недосмотр и приношу свои извинения.

Взгляд Стефанопулос вопрошал: «Че за хрень происходит?» А я и сам не понимал. Даже у Сивелла вид был настороженный.

– До того как стать главой Безумства, – пояснил Найтингейл, – я редко участвовал в городских операциях. Большую часть времени проводил за границей. Мы лишились большей части наших... – Он замялся, подбирая выражение. – Словом, большинство моих коллег, имеющих опыт подобной работы, не могли более нести службу. Весьма вероятно, что я нашел бы упоминания об этих подземных людях в соответствующей литературе, однако меня, как и вас, в последнее время отвлекали внешние факторы.

Сивелл сощурился.

– Я хочу, чтобы мы отправились туда как можно скорее. Пока эти гады не зарылись под землю. В смысле, не залегли на дно, – добавил он, сообразив, что сказал.

– Я предлагаю провести эту операцию после Рождества, – сказал Найтингейл.

– Хотя бы из-за свехурочных, – кивнула Стефанопулос. – Как вы знаете, и СО19, и транспортники будут заняты на своих операциях аж до Нового года. Они непременно потребуют свехурочных. А малым числом соваться в подземку нежелательно.

– Но мы можем хотя бы допросить Грэма Била? Сегодня после обеда? – спросил Сивелл.

– Это не такая уж чертовски сложная задача, по-моему.

– И еще Райана Кэрролла, скульптора, – добавил я. – Нужно выяснить, были ли у него контакты с Тихим Народом.

– Тихим, мать его, Народом, – покачал головой Сивелл. – Короче, сразу после Рождества первым делом собираем всех представителей рода человеческого – тепленькими, прямо от рождественского стола. И как только у всех выветрится похмелье, сразу двигаем в подземку.

– Я переговорю с «Темз Уотер», – пообещал Найтингейл.

– Обещаете? – нахмурился Сивелл. – Это было бы прекрасно.

Вздыхнув, Стефанопулос многозначительно глянула на меня.

– Кофе? – предложил я.

– Спасибо, Питер, с удовольствием.

Столовка здесь была не самая мерзкая. Даже несмотря на безвкусное «рождественское оформление» в виде мишуры, обмотанной вокруг кассового аппарата и разбросанной в витрине среди конфет, батончиков-мюсли и пачек печенья. Я не стал повторять ошибку и взял чай.

Пока кассирша – уроженка Конго – пробивала мой заказ, я огляделся и увидел, что мишура висит прямо над лотками с горячим, а конец ее болтается совсем низко над котлом с «вечным» рагу. И периодически туда макается, когда налетает сквозняк. Вот из-за такого отношения к гигиене питания сотрудники частенько и уходят на больничный. Но тут, конечно, свою роль еще играет перебор взаимодействия со служебными собаками, природными стихиями и добрыми горожанами.

Они тут что, подумал я, не знают про кишечную палочку?

Аккуратно поставил поднос, развернулся и пулей вылетел из столовки. Помчался вверх по лестнице обратно в отдел, перепрыгивая через три ступеньки зараз.

Похоже, не суждено мне тут платить за чай-кофе.

– Нам надо в подземку сегодня, – с порога брякнул я. – Пока Кевин, мать его, Нолан, не уничтожил половину ее жителей.

25. Лэдброк-Гроув

Наблюдать Сивелла в деле как минимум весьма поучительно. Он может сколько угодно казаться эдаким начальником-самодуром образца семидесятых годов, грубым и бесцеремонным, способным наорать, обложить тебя матом или напоить до потери сознания. Но когда речь идет о подготовке операции, он чрезвычайно деятелен.

Сопровождать нас готовилась группа СО19, вооруженное подразделение. Я не сомневался, что Найтингел предпочел бы Фрэнка Кэффри и его веселых ребят из воздушного десанта. Но дело по-прежнему висело на отделе убийств, а Сивелл придерживался довольно старомодных взглядов на несанкционированное привлечение вооруженных силовиков. Кроме того, он намекнул, что тут не обошлось без терроризма, и ему выделили дополнительную группу. Минус был только один: сержанта Киттреджа тоже пришлось оповестить, поскольку именно он представлял в данном районе антитеррористическую службу.

Мы собрались на западной стороне Вестберн-парк-роуд. Зак говорил, оттуда ближе всего до коллектора. Уже стемнело, и последние островки грязного снега похрустывали под нашими ботинками, когда мы выгружались из машин.

– Черт! – воскликнула Стефанопулос, поскользнувшись на заледенелом асфальте. Сивелл поймал ее за локоть, помог удержать равновесие. – Хорошо хоть туфли на шпильках не надела, – усмехнулась она.

– Сэр, вы с нами? – спросил я у Сивелла.

– Не валяй дурака, парень, – ответил он. – Я слишком большая шишка, чтоб туда лезть. Это работа для констеблей, сержантов и психов. Так что давайте, вперед. Мы вам чайку горячего оставим.

Найтингейл стоял чуть поодаль, под фонарем. Зеленовато-серое пальто от «Барбэрри» делало его похожим на героя какого-то старого фильма. Не хватало только сигареты, шляпы и роковой любовной связи с какой-нибудь домохозяйкой.

Лесли осталась в микроавтобусе присматривать за Заком. Там в ее полном распоряжении был термос с кофе и стратегический запас

кукурузных колечек. Мне такой роскоши не полагалось. В первую очередь потому, что это я поставил всех на уши.

К нам присоединился Киттредж – высокий худощавый тип в темно-синем костюме-тройке и с кислым лицом. Последнее легко объяснялось: его выдернули на службу из-за рождественского стола, даже веточка омелы еще торчала из петлицы. Увидев ее, я вдруг подумал про доктора Валида, который находился сейчас в шестистах километрах к северу. Мне почему-то представился старый приземистый каменный дом, много веков принадлежащий его семье. Сам доктор Валид сидит у огромного пылающего камина и поднимает тост, держа бокал с чертовски хорошим напитком, который Священная Книга почему-то не одобряет.

Киттредж хмуро поглядел на меня и повернулся к Найтингейлу.

– Есть проблема, – сказал он.

– Американка? – спросил Найтингейл.

– Она слишком много видела, – пожаловался Киттредж.

– Ну, стало быть, вы знаете, что с ней делать, – сказал Сивелл.

– Очень смешно.

– Да кому интересно, что подумают эти янки? – буркнул Сивелл. – Им плевать на всю эту колдовскую хренотень, разве нет?

– У меня другие данные, – процедил Киттредж. – Есть информация, которая не должна уйти за пределы страны.

– Тогда предлагаю взять нашу юную гостью с собой, – сказал Найтингейл.

– С ума сошли? – поднял брови Киттредж. – Одному богу известно, что ФБР может из этого состряпать. Говорю же, она и так видела слишком много!

– Наоборот, – не согласился Найтингейл, – полагаю, она видела недостаточно. А кстати, где она сейчас?

– Там, – Киттредж махнул рукой в сторону улицы, – за углом. Сидит в красной «Шкоде Фабиа», которую одолжила у няни детей заместителя торгового атташе.

– Вы уверены? – спросил я.

– С тех пор как вас откопали, я подрядил целую группу следить за ней.

– Ну, после драки кулаками не машут, – сказал Найтингейл.

– Хватит! – занервничал Киттредж. – Все шло по плану, пока не вмешались вы.

– Я хранил государственные тайны еще до того, как вы появились на свет, – мягко заметил Найтингейл. – Поэтому просто доверьтесь мне. К тому же юная леди необычайно умна. Тут нет ничего такого, чего она не могла бы сама выяснить.

– Но все же лучше, чтобы она не увидела ничего своими глазами.

– К счастью, – сказал Найтингейл, – увидеть не всегда значит поверить. Питер, – окликнул он меня, – почему бы вам не пригласить эту даму присоединиться к нам?

Я кивнул, развернулся и пошел прочь, беззаботно насвистывая что-то веселое, как и положено мелкой сошке, которая знает: сколько бы дерьма теперь ни вбросили в вентилятор, никто не скажет, что это ты его включил.

Неплохо было бы, конечно, подкрасться к Рейнолдс и напугать ее, но есть одно золотое правило: нельзя пугать человека, у которого может быть ствол. Я подошел со стороны лобового стекла и помахал рукой. Рейнолдс недовольно скривилась: таки решила, видно, что утратила бдительность. Ну хоть какая радость.

– У вас есть экипировка для спуска в коллектор? – спросил я, когда она вышла из машины.

– В багажнике, – ответила она. – Нам опять надо туда?

– Вам – не обязательно.

– Я буду готова через пять минут.

У нее это, может, и заняло пять минут, а вот мы готовились не меньше часа. Проверяли экипировку, паковали все, что может пригодиться, бесцельно ошивались вокруг.

На этот раз мы одолжили у хмурого джентльмена из «Темз Уотер» нормальные болотные сапоги из ярко-оранжевой резины, с голенищами почти до пояса. Парни из СО19 предпочли форменные темно-синие бронежилеты и шлемы. Все это делало их похожими на незадачливых современных ниндзя, вынужденных полностью пренебречь маскировкой и защитой ниже пояса. На мне тоже был бронежилет, совершенно новый. Поверх я надел светоотражающую куртку. Но собирался избежать огнестрельного ранения путем дипломатии. А если она не поможет, просто держаться позади ребят с пушками. Зак сказал, что оружие вообще лучше не брать, но ведь в

этом и смысл присутствия вооруженной группы: если она понадобится, времени ждать не будет совсем.

План был хорош. И, как бывает со всеми хорошими планами, ему не суждено было выдержать столкновение с реальностью.

Когда мы закончили приготовления, Сивелл в прощальном напутствии велел не облажаться еще больше, чем мы уже умудрились. После чего вместе с Киттреджем и Стефанопулос неспешно направился в ближайший паб, разворачивать «центр управления операцией».

Хмурый джентльмен из «Темз Уотер» высунулся из люка и сказал, что для нас все готово.

Найтингейл спустился первым, за ним офицеры из СО19. Потом я, за мной Зак. Арьергард составляли Лесли и Рейнолдс.

Едва спрыгнув с последней ступеньки лестницы, я понял, где мы. На той самой развилке, где оказались, когда неизвестный с пистолетом «Стэн» отправил нас в водослив, из которого нас вынесло на подземную тусовку Олимпии, Челси и их приятелей. Но в прошлый раз здесь бесновался ревуший поток, а сегодня просто было немножко сыро. Даже воздух был свежим, насколько это возможно для лондонской канализации.

Здесь нас ждал сержант Кумар.

– Ну как же без вас, – сказал я.

– Тут теплее, чем наверху, – пояснил он. – Как вы вообще решились спуститься?

Сказать по правде, я и сам не знал. В люк лезть очень не хотелось, но я внушил себе, что должен. И успокоился. Мысль о том, что со мной люди, на которых можно положиться, внушала уверенность. Как говорил незабвенный Конан-варвар, *«то, что не убивает нас, не убивает нас»*.

– Куда теперь? – спросил я у Зака.

Он показал вперед и вниз: там, как я теперь знал, находился резервный коллектор Северного Кенсингтона. И его низкий потолок однозначно не позволял идти, выпрямившись во весь рост. Ребят из СО19 можно было понять: им совсем не хотелось лезть в длинную и узкую трубу. Они предложили никуда не двигаться, пока им сюда не спустят противопоулевые щиты. Но Найтингейл жестом велел пропустить его вперед.

– Сначала разведаем обстановку, – сказал он и поманил с собой меня и Зака. Под сочувственными взглядами вооруженной группы мы вошли в тоннель вслед за ним. У меня начинается нервный тик, если сзади идут копы с оружием, – а вот Зак, похоже, ничуть не нервничал. Либо просто не думал, что что-то может случиться, либо полагался на Найтингейла больше, чем я.

Мы прошли метров двадцать, и тут Зак остановился.

– Извиняюсь, ошибочка вышла, – сказал он. – Чуть дальше забрались, чем надо.

Мы вернулись на пару метров назад, и он вдруг принялся с равными промежутками простукивать кулаком лежущую стену тоннеля. Потом прекратил. Потом несколько раз ударил по одному и тому же месту.

– Похоже, пришли, – сказал он.

Я положил ладонь на то место, по которому он стучал. Сразу как будто потянуло жаром из открытой печи. И легким запахом свинарника. А может, и просто туалета, если учесть, где мы находились.

Ладонь Найтингейла легла рядом с моей.

– Невероятно, – сказал он, – а как попасть внутрь?

– А вот так, – сказал Зак. Развернулся, прислонился спиной к стене, уперся ногой в противоположную. И нажал, так что часть стены поддалась назад, образуя нишу. Ее идеально ровные стенки покрывала знакомая керамика, миска для фруктов была сделана из такой же. Раздался глухой щелчок, и стена позади Зака вновь стала неподвижной.

– Неплохо, а? – ухмыльнулся он, указывая наверх. Над ним в потолке чернел проем люка. – Это тут вроде автоматической пожарной двери. Надо, чтоб кто-нибудь подержал, пока я залезу.

Найтингейл поднял руку, еле заметно двинул пальцами. «Живой» кусок стены шевельнулся и щелкнул снова. Зак опасно передернул плечами.

– Ну, можно и так, – сказал он.

Найтингейл обернулся и крикнул остальным, чтобы подошли. Двое вооруженных офицеров остались у развилки, еще двое – в тоннеле. Взобравшись наверх, он протянул руку мне.

Пока поднимались Зак с Лесли, я успел оглядеться. Помещение, в котором мы оказались, незавидными размерами напоминало гостиные в муниципальных квартирах. Но даже и там не бывает таких низких потолков. Я периодически стукался каской.

– Береги голову, красotka, – посоветовал Зак Лесли, забравшись наверх.

Сначала мне показалось, что стены отделаны в викторианском стиле, темным деревом. Но нет, дерево должно быть темнее. Постучав по стене костяшками, я услышал мелодичный отзвук, который может давать только керамика. Но коснувшись ее кончиками пальцев, ощутил волокнистую деревянную текстуру. А еще почуял запахи табачного дыма, пива и виски. Глянул на Найтингейла – тот недоуменно хмурился, не отнимая ладони от стены. Поймав мой взгляд, он кивнул. Неподвижный воздух был сухим и спертым.

– Надо двигаться дальше, – сказал мой шеф. Теперь, когда Кумар, Рейнолдс и два оставшихся вооруженных копа тоже поднялись, здесь стало совсем тесно. А выход был только один: дверной проем, отделанный теми же самыми панелями из керамики «под дерево».

Как и подобает добропорядочным копам, мы пропустили СО19 вперед. В конце концов, какой смысл привлекать вооруженную группу, если постоянно лезешь между ней и потенциальной целью?

За дверью был длинный коридор. Его стены покрывало не искусственное дерево, а обои отвратительного розовато-лилового оттенка. Эти обои для меня явились финальным доказательством того, что у Тихого Народа напрочь отсутствует цветовосприятие. На стенах висели будто бы пустые картинные рамки, на одинаковом расстоянии друг от друга. Найтингейл, положив ладони на плечи офицеров из СО19, скомандовал:

– Теперь, ребята, вперед – быстро и тихо.

И мы двинулись вперед, с максимальной скоростью, какую позволяет тяжеленная снаряга. Полезная информация: болотные сапоги для тихого и быстрого хода не предназначены. В паре метров от перпендикулярного коридора мы остановились.

– Куда теперь? – спросил Найтингейл у Зака.

– Не знаю, – пожал тот плечами, – в прошлый раз тут такого не было.

– Ох, лучше б ты этого не говорил, – вздохнула Лесли.

Мне самому вспомнился «Спейс Халк», но некоторые вещи коп не должен говорить вслух в присутствии коллег.

Найтингейл не стал колебаться. Жестом указал офицерам, кому куда идти. Сам пошел с одним, а к другому присоединился я.

Раздался выстрел, один-единственный. В замкнутом пространстве просто оглушительный. Я бросился за угол, но Найтингейл крикнул:

– Не стрелять!

Тишина длилась довольно долго, и я успел взять себя в руки.

– Полагаю, это был предупредительный выстрел, – сказал мой шеф. – Питер, будьте так добры, попросите мистера Палмера выйти вперед.

Зак яростно затряс головой. Лесли пихнула его в спину и продолжила пихать, пока он не высунул голову за угол.

– Будьте любезны сообщить им, что мы пришли с миром, – попросил Найтингейл.

– Ага, думаете, кто-то на это купится?

– Мне не нужно, мистер Палмер, чтобы кто-то «покупался», – покачал головой Найтингейл. – Мне нужно добиться взаимопонимания. Иначе, боюсь, положение может стать очень серьезным.

– Почему вы думаете, что им это надо?

– При желании они бы уже успели нас перестрелять.

Офицер из СО19, стоявший слева, кашлянул.

– Обычно, – сказал он, – мы стремимся ликвидировать подобные ситуации максимально быстро. Чем дольше длится конфликт, тем выше вероятность его неблагоприятного разрешения.

Это была сильная речь для человека, который больше всего хочет вернуться туда, откуда пришел.

– Принял к сведению, – кивнул Найтингейл.

– Ой, да ладно, Зак, – не выдержал я, – тебя же обычно не заткнуть, в чем теперь дело?

Вздыхнув, Зак двинулся вперед. Теперь он выглядывал из-за плеча Найтингейла.

– Хэй! – позвал он. – Экскаватор здесь? Тут с ним поболтать хотят!

Мы слушали затаив дыхание. И вот из темноты до нас донесся еле слышный шепот.

– Слышали? – спросила Лесли.

– Не мешай, – шикнул на нее Зак. И, снова высунувшись из-за плеча Найтингейла, крикнул: – Еще раз, я не расслышал!

Лесли закатила глаза, но ничего не сказала. А я по-прежнему не мог разобрать ни слова.

– Он говорит, Найтингейл и люди с оружием должны оставаться на месте, – «перевел» Зак, – но они согласны поговорить с метисом. То есть с тобой, приятель, – добавил он, обернувшись ко мне.

– А почему со мной?

– Не знаю, может, просто не боятся.

– Без моего ведома ничего не предпринимайте, – велел Найтингейл.

На этот счет у меня не было никаких возражений.

Ну надо же, подумал я. Метис. Давненько же я не слышал этого слова. С тех самых пор, как мама напрочь разругалась с тетушкой Дорис. Последняя выросла на Ямайке, в пятидесятые годы, и что такое политкорректность, понятия не имела. Я подумал, если уж они в этом так старомодны, то, возможно, и кое в чем еще. И это нам поможет.

– Скажи им, что с нами медсестра, – попросил я. – Пришла проверить, все ли здоровы.

– Что вы задумали, Питер? – спросил Найтингейл.

Я обернулся назад. Там рядом с Кумаром стояла Рейнолдс. Кивнул ей, чтобы подошла поближе.

– Ваша штучка при вас?

Она сначала не поняла, потом кивнула.

Лесли пихнула меня под локоть.

– Без меня никуда не пойдете.

– Две медсестры, – сказал я Заку.

Чтобы не слепить Найтингейла и вооруженных офицеров, мы отводили от них лучи фонариков. Но даже и не видя толком своего шефа, я был уверен: он категорически не согласен подвергать дам опасности.

– Сэр, – сказал я, – так надо.

Вздохнув, Найтингейл кивнул Заку, и тот крикнул, что с ним будут две медсестры. Слов, прозвучавших в ответ, я так и не смог разобрать. Зак обменялся со своим собеседником еще парой фраз, облегченно выдохнул и сказал, что они готовы общаться.

- С кем я буду разговаривать? – спросил я его.
- С Экскаватором. А может, и с его дочерью.
- Интересно, – протянул я.
- К которой ты даже не посмеешь клеиться, – нахмурился Зак.
- С чего это я буду к ней клеиться?
- Просто не смей даже думать об этом, понял?
- Не шалить с дочкой Экскаватора, – кивнул я. – Понял.
- Это он о чем? – поинтересовалась Лесли.
- Понятия не имею, – ответил я, хотя и догадывался.

– Если идти, то прямо сейчас, – поторопил Зак. Крикнул в темноту, что мы идем, и шагнул вперед, мимо стоявшего слева парня из СО19. Я двинулся следом. Найтингейл сказал, чтобы я соблюдал осторожность.

- Это входит в мой план, – сказал я.
- У вас есть план? – удивилась Рейнолдс.
- Может, хватит, а? – буркнула Лесли.

И мы пошли за Заком. Посветив фонариком вперед, я увидел дальше в тоннеле чьи-то бледные лица.

– Лучше опусти фонарик. Свети только на пол, прямо перед собой, – сказал Зак.

- Это еще почему? – спросила Лесли.
- У них очень чувствительные глаза.

Работая в полиции, надо создавать впечатление, что вы лучше всех вокруг понимаете, что происходит. Проще всего создать его, на самом деле зная больше всех вокруг. Вот пример: я был абсолютно уверен, что знаю, где находится поселение Тихого Народа. Мы с Найтингейлом и Лесли решили остановиться на этом термине: слово «деревня» нас не устраивало своим намеком на многолюдность. По той же причине мы отказались от «поселка».

– А если там у них городок? – предположила Лесли на совещании перед операцией. – Или даже целый большой город?

- Будем надеяться, это не так, – сказал Найтингейл.

Я предположил, что тогда нам придется передать всю ответственность Тайберн. Найтингейла это отнюдь не обрадовало. Он сказал, прежде чем приступить к решению проблемы, нужно определить ее масштаб. Я не стал напоминать, что Тихому Народу удалось прожить в подземке как минимум сто шестьдесят лет и не

стать при этом проблемой. По крайней мере, такой, которая угрожала бы общественному порядку. Что, если оглянуться назад, исторически несвойственно тому месту, под которым они живут.

Лондон первым в мире стал мегалополисом. Конечно, на эти лавры могли претендовать и Пекин, и Константинополь, и Рим. Но Лондон вырвался вперед и стал задавать тон благодаря одному-единственному фактору: он разрастался с поистине чудовищной скоростью. В девятнадцатом веке застройка двигалась в основном на запад, ибо высший и средний классы жаждали отселиться подальше от бедняков, а бедняки – от крыс. Землевладельцы, в большинстве своем аристократы, массово отреклись от своей мистической принадлежности родовым наделам и раздраконили собственные угодья, благодаря чему появились новые жилые комплексы. В Миддлсексе возникали сразу целые районы, и для всех этих новых домов, коттеджей и особняков требовалось одно: кирпич. Много-много тонн кирпича. Но, к счастью, в болотистой сырой низине к западу от Портобелло-роуд нашли богатые залежи мелкозернистой желтой глины.

Тут же появились формовщики кирпичей, и вскоре по обеим сторонам свежепоименованной Поттери-лейн задымили печи для обжига и выросли хибарки строителей – по иронии судьбы «сапожники» пока жили без «сапог». А поскольку сэндвич с беконом – наилучший способ поддержать силы перед тяжелыми трудами по обжигу кирпичей, туда же подтянулись и свиноводы. Их подопечные рылись в грязи посреди улицы и опорожнялись кишечники на задворках, за печами для обжига. Но одними кирпичами и бутербродами город жив не будет. И вот возник третий двигатель его роста – сеть железных дорог. Она стала обвивать своими цепкими пальцами все окрестности. Для прокладки путей требовались целые армии рабочих. И они селились там, где жилье было дешевое, пиво варилось рядом, а полиция почти не появлялась. «Гончарни и Свинарни» – вот как прозвали этот район. Именно здесь жили Юджин Бил и его землекопы, пока не разбогатели. И было у Юджина прозвище, эдакий псевдоним, взятый в соответствии с профессией. Его прозвали Экскаватором, и теперь я крепко сомневался, что это совпадение.

В самом центре «Гончарен и Свинарен» располагался искусственный пруд, полный свиного дерьма, который называли

Океаном. Но даже в Викторианскую эпоху существовали какие-то нормы, и, когда город окончательно поглотил «Гончарни и Свинарни», на месте этого бассейна не стали ставить новые дома, а разбили парк. Под ним-то, как я подозревал, и находилось поселение Тихого Народа. Аккурат на уровне залежей мелкозернистой глины.

Мы долго шли по тоннелям – узким, сводчатым, сплошь облицованным гладкой керамикой. Было похоже на исключительно грязную и неухоженную станцию метро, вот только без ламп и камер наблюдения.

Нас вели тощие белые ребята в толстовках «Адидас». Они мне кое-кого напоминали, и это ни капельки не обнадеживало. Незнакомцы то и дело указывали, куда поворачивать, пару раз в темноте мелькали длинные тонкие пальцы. Но от фонариков наши провожатые шарахались, хоть их глаза и защищали узкие темные очки.

В одном коридоре я ощутил заметный сквозняк, в другом явственно слышал стрекот сушилки, какие ставят в прачечных. Даже пахло кондиционером для белья.

Одно можно было сказать наверняка: если это потомки затерянной в подземке бригады тоннельных рабочих, ударившиеся в каннибализм, то они явно симпатичнее, чем в кино.

– Похоже, они слегка успокоились, – заметила Лесли, когда один из знакомцев жестом велел нам остановиться перед какой-то дверью.

– Это потому, что мы уже в их краях, – пояснил Зак.

– Краях? – подняла брови Рейнолдс.

– В их пенатах, – сказал я.

– Вотчине, – добавила Лесли.

– Местах? – предположил я, видя непонимающий взгляд Рейнолдс.

– На районе, – бросил Зак.

– Да дошло уже, – сказала Рейнолдс.

Парень в капюшоне шагнул к Заку, прошептал что-то ему на ухо.

– Он говорит, надо выключить фонарики, – сказал Зак. – Свет режет им глаза.

Мы не торопились выполнять просьбу – на уме у всех было одно и то же. Я ощутил, как Лесли и Рейнолдс подобрались и поменяли позы, освободив руки. Рейнолдс еще и проверила, удобно ли вынимается табельный «Глок». Мы не можем иначе. Мы служим в

полицейской, и умение в нужный момент включить паранойю входит в список важных профессиональных навыков. Серьезно, мы и тесты на это проходим.

– Или можем просто развернуться и уйти, – предложил Зак, – лично я очень советую.

Я глубоко вдохнул, выдохнул и погасил фонарик на каске. Лесли с Заком тоже. Последней, бормоча что-то под нос, выключила свой фонарь спецагент Рейнолдс.

Первые несколько секунд ничего не менялось. А потом я как будто снова очутился под платформой «Оксфорд-серкус». Дыхание участилось, я очень старался взять себя в руки, но все равно почувствовал, что меня начинает трясти. Чья-то твердая рука ухватила меня под локоть, скользнула вниз, к ладони, и крепко сжала пальцы. Лесли, сообразил я. И так удивился, что даже забыл про страх.

Впереди открылись высокие створчатые двери. Мы увидели зал, освещаемый тусклой зеленью. Лесли выпустила мою руку.

Зал был огромный, с высоким куполообразным потолком, с которого свисала большая кованая люстра-подсвечник. Только вместо свечей там мерцали зеленые палочки. И словно пассажиры в метро в час пик, сюда толпой набился Тихий Народ.

Они были разного роста и комплекции, хотя детей я не заметил. Но большинство худые, с узкими бледными лицами и большими глазами. Краем глаза я углядел даже двоих светловолосых – правда, скорее светло-русых. Они, несомненно, составляли отдельную этническую группу. И тут я сообразил, что повел себя как всякий, кто не отличает друг от друга представителей иной расы. То есть решил, что преследовал в метро того же человека, который в меня стрелял. Даже стыдно, особенно для лондонского полукровки, который по идее должен разбираться в этом лучше других. Думаю, все дело в проклятых капюшонах.

Зак сказал, что Тихий Народ захочет нас потрогать.

– Где именно потрогать? – насторожилась Лесли.

– Просто потрогать. Представь, что они слепые. И очень многое воспринимают осязанием.

– Зашибись, – сказала Лесли.

– И ты тоже их потрогай, – добавил он. – Совсем легонько прикоснись пальчиками, чисто из вежливости.

– А больше им ничего не надо? – поинтересовался я.

– Надо, – сказал Зак. – Не повышай голос. Здесь это вроде как дурной тон.

Сказав так, он развернулся и вошел в зал.

Я последовал за ним.

Трогать меня начали сразу же. Не грубо и вовсе не исподтишка. Осторожные руки ощупали плечи, легонько сжали бедро. Кто-то кончиками пальцев скользнул по нижней губе, и я чуть не чихнул.

– О боже, – выдохнула позади меня Лесли. – Как будто мне снова пятнадцать!

В ответ я касался людей, мимо которых проходил, тыльными сторонами ладоней. Этого вроде как было достаточно. Пахли они как самые обычные люди: кто-то потом, от кого-то тянуло едой, от кого-то – пивом. И везде слегка тянуло свиным дерьмом.

В центре зала стоял дубовый стол, узкий и длинный, в викторианском стиле. То, что он сделан из настоящего дуба, не подлежало сомнению: после всей этой глины я буквально ощущал запах дерева.

У стола нас терпеливо ожидал высокий худой человек в черном, шитом на заказ костюме в стиле семидесятых. Под стать костюму был и галстук-сеledка, широкий и яркий. Глаза скрывали темные очки-авиаторы. Уголки его губ чуть приподнялись в ироничной, но вежливой улыбке.

Сила, исходившая от него, шарахнула меня в солнечное сплетение, словно звуковая волна из самой мощной в мире басовой колонки. Ничего подобного я не испытывал с тех самых пор, как повстречался лицом к лицу со Стариком – самим Батюшкой Темзой. В этой силе были гордость и трудовой пот, стук кайла по камню и запах угольного дыма. Удары молота и жар печи для обжига.

Вот черт, подумал я. Если это не сам Король-под-Горой, то я тогда директор Криклвудского отделения Женского института. Нет, ну все совпадает – только он, правда, не гном. И окажется вовсе не королем, и делают они посуду, а не мечи и не магические кольца. Но уже понятно: это еще один, мать его, гений места или какая-то столь же могущественная тварь. Найтингейл будет в ярости. Даже если, по обыкновению, не выразит свою ярость ничем, кроме поджатых губ.

– Меня зовут, – донесся до нас шепот, – Мэттью Экскаватор. А это моя дочь, Элизабет.

Рядом с ним стояла девушка в солнечных очках. Ее темные волосы были заплетены во французскую косу, которая опускалась с плеча на грудь. Лицо у нее было узкое, рот небольшой, а глаза огромные. Очки еле держались на маленьком вздернутом носике. Несмотря на тускло-зеленое освещение, я заметил, какая у нее бледная кожа, почти прозрачная. Заметил и то, как Зак отвел глаза, когда она взглянула на нас.

Бедный маленький гоблин мечтает о принцессе, понял я. Ничего хорошего из этого не выйдет.

Мэттью Экскаватор указал на огромную скамью, обитую кожей и отделанную медью. Скамья тянулась от входа до самого стола. Элизабет жестом пригласила Лесли и Рейнолдс сесть напротив нее. Когда мы расселись, остальные придвинулись ближе и встали у нас за спинами. Чьи-то пальцы снова сжали мне плечи, скользнули к локтям, пробежались по спине. Они словно исследовали мою одежду, снимали воображаемые ниточки со светоотражающей куртки и довольно-таки приятно массировали шею. Классический пример ритуала груминга, как позже объяснил доктор Валид. Его практикуют наши собратья-приматы для укрепления связей внутри стаи. Еще он сказал, что хомо сапиенсы для этой цели обычно используют речь – вот почему иногда приходится болтать о всякой ерунде с незнакомцами на автобусной остановке. А потом сидишь и думаешь: за каким чертом мне это понадобилось?

Как только я сел, Экскаватор взял меня за руку и потянул к себе. Я чуть не вылез на середину стола. Он долго рассматривал мои пальцы и ногти. Потом перевернул кисть и провел по ее тыльной стороне своей мозолистой ладонью. Насмешливо улыбнулся – полагаю, из-за гладкости моей кожи – и разжал пальцы. С другого края стола Элизабет проделывала то же самое с Рейнолдс и Лесли. Зака никто не трогал. Должно быть, по поводу его рук ни у кого давно не было никаких сомнений.

Экскаватор перегнулся через стол так, что его дыхание почти касалось моей щеки.

– Выпьете чашечку чая? – прошептал он.

– Нет, спасибо, – так же шепотом ответил я, – боюсь, у нас совсем нет времени.

Настоящая причина, естественно, была иной, но нельзя же попросту оскорблять отказом гостеприимного хозяина. Так что капитан Пикар меня бы сейчас одобрил.

Я глянул туда, где сидели Элизабет, Рейнолдс и Лесли. Их головы почти соприкасались, и я не мог расслышать, о чем они шепчутся. Внезапно они все повернулись и уставились на Зака. Тот аж вздрогнул.

Экскаватор поймал мой взгляд.

– Что же за срочное дело, – прошептал он, – что нельзя даже выпить чаю?

– Нельзя выпить чаю... – прошелестело у меня за спиной. Потом другой голос, чуть дальше и тише, повторил то же самое. Вскоре десятки голосов, словно эхо, разнесли его слова по залу. *Нельзя выпить чаю... срочное дело...*

– Я полагаю, Кевин Нолан намеревается вас убить, – прошептал я.

Кевин Нолан... Убить... – зашептали вокруг.

Губы Экскаватора дрогнули, словно он с трудом сдерживал смех.

– Вы очень сильно ошибаетесь, – тихо проговорил он. – Кевин ни разу не удостоил нас визитом. Он так боится тихих мест.

Ошибаетесь... не удостоил... мест... – отдалось у меня в ушах еле слышным шелестом.

– Не думаю, что он хочет этого намеренно, – сказал я.

Думаю... хочет... намеренно... – повторил невидимый хор. Дорого бы я дал, чтобы они замолчали.

– Его старший брат говорил, – прошептал Экскаватор, – Кевин мухи не обидит.

Зак фыркнул – вспомнил, видимо, как эти братцы Ноланы отделали его у Шепердс Буш.

– Полагаю, он привез вам продукты, зараженные кишечной палочкой, – ответил я.

На этот раз рефрена от толпы не последовало. Но глядя, как вытягиваются лица Экскаватора и его дочери, я осознал, что они не поняли ни слова.

– Последний раз вам привезли ядовитые продукты, – повторил я.

Ядовитые... – пронеслось по залу.

Экскаватор, похоже, был в шоке.

– Вы уверены?

У меня с собой были увеличенные фотографии, которые сделала Лесли. Те, где Кевин грузил в фургон ящики. На боках у них виднелась надпись «Коутс и сын». Это предприятие оптовой торговли в тот самый день лишилось лицензии, не пройдя проверку Агентства по пищевым стандартам. Однако не постеснялось сбить по дешевке последнюю оставшуюся партию. Кевин ее и взял, сложил в кузов своего «Форда», и прямо у нас на глазах повез Тихому Народу.

– Слово ученика чародея, – сказал я – возможно, громче, чем следовало. – Главный вопрос: кто-нибудь из вас ел продукты, которые привезли позавчера?

Экскаватор откинулся на спинку стула, глубоко вдохнул. Раскрыл рот и принялся издавать странное прерывистое шипение. У него даже лицо порозовело. Не переставая шипеть, он слегка наклонился над столом и с размаху шлепнул по нему ладонью.

Меня передернуло. Хотелось то ли отпрянуть назад, то ли броситься к нему и реанимировать приемом Геймлиха^[48]. Я уже готов был вскочить, как вдруг понял, что он так смеется.

– Мы это не едим, – прошептал он, едва отдышавшись. – Овощи мы покупаем только у иудея.

– У какого именно? – поинтересовался я.

Экскаватор протянул руку и коснулся локтя дочери.

– Как там его, этого иудея?

Элизабет закатила глаза. По крайней мере, мне так показалось. За этими темными очками ни черта не видно.

– «Теско», – прошептала она. – Он говорит о «Теско».

– Вы закупаетесь в «Теско»?! – удивился Зак, забыв о том, что надо говорить тихо.

– У них есть служба доставки, – прошелестела Элизабет.

– А что ж ты тогда меня посылала за покупками? – спросил он.

Экскаватору это явно не понравилось. Он грозно поглядел на дочь, но она словно бы и не заметила.

– Ты сам всегда предлагал сходить, – прошипела она, – услужливая крыска.

– Что такое? – шепотом возмутился Экскаватор. – Вы сговаривались у меня за спиной?

– Эй! – воскликнул я в полный голос. Мой окрик поднял в зале волну, как вертолет над высокой травой. – Не отвлекайтесь, дело серьезное. Если вы не едите эти овощи, то что вы, черт побери, с ними делаете?

Я почуял их задолго до того, как увидел. Жидкое свиное дерьмо пахнет совершенно по-особому. Ничто больше не может так вонять. И никакая другая вонь не будет держаться так долго.

Как я уже говорил, раньше этот уголок назывался «Гончарни и Свинарни». Вспомнив сей факт, я подумал: сознательно ли предки Экскаватора решили перенести сюда свои свинарни? Или они просто медленно уходили в землю, как ракетоплан «Буревестник», возвращаясь на базу на острове Трейси?^[49] Скорее второе, понял я, когда Экскаватор взял меня за руку и повел мимо ряда куполообразных помещений. В каждом находились кормушка, яма-купальня и жирные свиньи-альбиносы. В корытах я и увидел весь тот набор овощей, который Кевин прямо у нас на глазах повез сюда позавчера.

Ну естественно, этих тварей тоже полагалось потрогать. Экскаватор чуть ли не силой пихнул меня к здоровенной хрюшке, блаженно погрузившейся в лужу по самую шею. Хотя мама моя и родом из маленькой деревушки посреди леса, я-то совсем не фанат сельской жизни. И мне не нравится, когда потенциальный бутерброд с беконом любопытно обнюхивает мои пальцы. Но иногда, чтобы быть вежливым, надо просто задержать дыхание и гладить свинью.

Я ощутил под пальцами тугую и теплую плоть. Гладкая кожа неприятно напоминала человеческую. Эксперимента ради я почесал ее ногтями, и свинья благодарно хрюкнула.

– Отличные свиньи, – шепнул я Экскаватору, – очень жирные.

Честное слово, иногда сам не понимаю, откуда берется вдохновение.

Передается ли кишечная палочка по цепи питания? Мне, очевидно, предстояло это выяснить. Нужно придумать, как вызвать сюда санинспектора, который, во-первых, не впадет в истерику, а во-вторых, не побежит рассказывать газетчикам или, того хуже, Матушке Темзе.

Здесь, конечно, воняло. И в замкнутом пространстве мы уже должны были задохнуться насмерть. Оглядевшись, я различил в полутьме бледные силуэты голых по пояс людей, которые лопатами

грузили навоз в тачки. Стало понятно, как они справляются с вонью. Как-то раз на Трафальгарской площади Гринпис проводил акцию протеста, и я разговорился с одной симпатичной активисткой. Она рассказала, несколько более подробно, чем мне бы хотелось, что свиное дерьмо абсолютно бесполезно в качестве удобрения. Оно скорее похоже на токсичные отходы какого-нибудь производства. И уж наверняка Тихий Народ не стал бы сбрасывать его в реку, иначе Матушка Темза не замедлила бы явиться для... «беседы».

– Куда же вы деваете все это дерьмо? – спросил я.

Экскаватор легонько сжал мое предплечье – я уже начал понимать, что это означает одобрение, – и повел меня дальше по коридору, выложенному блестящей белой плиткой. Дождавшись, пока я закончу исследовать ее гладкую поверхность, он прошептал:

– Убираем, легко и просто.

Мы шли за одним из тех парней с тачками. Вскоре он свернул из коридора в помещение со сводчатым потолком и таким же плиточным полом. В полу был люк, он его открыл и одним отточенным движением вывалил туда содержимое тачки. Взял стоявшее рядом ведро с водой, оно слегка задрезжалось по полу. Плеснул на тачку и на края люка, открыл кран в стене, налил ведро снова и покатил тачку назад. Очевидно, чтобы опять наполнить ее дерьмом.

Выходя из комнаты, мы встретили его коллегу с полной тачкой.

Когда Экскаватор подвел меня к следующей двери, я понял, какое зрелище меня ждет.

И ошибся.

Позднее, изучив статистику, я выяснил: на килограмм живого веса средняя свинья производит вдесятеро больше отходов, чем человек. А если учесть, что здешние свиньи отнюдь не средние, речь шла об охренительно большой куче дерьма. Мало того что в нем можно утонуть, так оно еще и самое вонючее из всех известных науке продуктов жизнедеятельности – хотя попробуй объясни это соседям. Но все это дерьмо можно взять и пропустить через агрегат, который называется «горизонтальный поршневой биореактор с пульсирующим потоком». С одного конца загружается свиное дерьмо, с другого выходит высококачественное минеральное удобрение. В остатке имеем метан. Запах при такой обработке тоже исчезает, и на некоторых фермах ее проводят исключительно с этой целью. Но загвоздка в том,

что при холодном климате, как у нас, большая часть метана будет уходить на прогрев помещения, чтобы поддерживать рабочую температуру. Вот почему эта технология непопулярна в Северной Европе. Это экологически безопасная, низкотехнологичная обработка, ее обычно предпочитают маленькие некоммерческие организации, Гринпис и пожилые фермеры в твидовых куртках с обшитыми кожей локтями.

Словом, я ожидал чего-то столь же простого.

А увидел конструкцию из медных труб высотой метров десять. Тут и там к ней лепились циферблаты, измерительные приборы и вентили. Двое немолодых мужчин в темных очках, армейских брюках из плотного хлопка, белых рубашках и кожаных жилетах без рукавов управляли рычагами, располагающимися в два ряда. У меня такие ассоциируются со старыми сигнальными панелями на железнодорожных станциях. Где-то посередине агрегата зазвучал свисток у восходящего ряда труб. Один из рабочих тут же шагнул к приборам. Провел пальцами по циферблату без стекла. Быстро, но спокойно поднял один за другим два рычага, повернул вентиль на четверть влево. Свист прекратился.

За последние семь лет техническая химия почти совсем выветрилась из моей головы. Но основы все же как-то удержались, и благодаря им я сейчас заметил крекинговую установку, как будто сошедшую со страниц романа Жюль Верна. Тихий Народ в промышленных масштабах наладил выделение углеводов из производимого свиньями сырья.

Вот в этот момент я и понял, что Тайберн не права.

Не можем мы допустить, чтобы мир узнал о существовании Тихого Народа. Если их не разгонит Комиссия по здравоохранению и безопасности, это обязательно сделают богатенькие жители района, под которым стоит необычное очистительное сооружение. Комиссия, конечно, в чем-то будет права, ибо здесь налицо тот же уровень безопасности труда, который снискал дурную славу викторианским фабрикам и заводам.

Это если не задумываться, что скажет о свиньях Общество защиты животных. Как Ассоциация служб водоснабжения посмотрит на близость жилья к системе коллекторов. Как Комитет по стандартам в сфере образования отнесется к обучению здешних детей – если

допустить, что они где-то учатся. Как поведут себя жилищно-коммунальные службы Кенсингтона и Челси. Тихий Народ ликвидируют очень быстро и без лишнего шума, как каких-нибудь пигмеев, к несчастью для себя поселившихся на чересчур богатой ископаемыми земле.

– Это наша гордость, – прошептал Экскаватор. Он, конечно, решил, что я просто потерял от восторга дар речи.

– Еще бы, – шепнул я. И спросил, для чего они это все делают.

Конечно, чтобы обжигать керамику. Для чего же еще?

Экскаватор провел меня в мастерскую, где Стивен – мне все лучше удавалось их различать – лепил на гончарном круге какой-то сосуд. За этим процессом наблюдали Рейнолдс и Лесли – их привела Элизабет. Лесли взяла меня под руку, как здесь принято, и заставила наклониться к ней. Прошептала в самое ухо:

– Надо уходить. Найтингейл терпеливый, но дольше он ждать не станет и скоро будет здесь.

И притащит с собой столько вооруженных копов, сколько найдет.

Даже в полутьме Лесли разглядела выражение моего лица.

– Да, – кивнула она, – и ты не видел, какой они тут арсенал припрятали.

– Бери Рейнолдс, и возвращайтесь, – вполголоса сказал я.

– Оставить тебя здесь? – прошипела Лесли. – Одного?

– Если что-нибудь случится, вернетесь за мной.

Лесли развернула меня лицом к себе, посмотрела в глаза.

– Ты опять за свое? – спросила она.

– Его дочка тебе что-нибудь рассказала? – сменил я тему.

– Стивен – ее жених, – прошептала Лесли, – по крайней мере, так полагает ее отец. Но мне кажется, Стивен хочет уйти отсюда.

Я глянул на Стивена. На нем, как я давно заметил, не было солнечных очков. Яркий свет его, похоже, совсем не раздражал. Менее чувствительное зрение или более раскрепощенный ум?

По словам Лесли, возник любовный треугольник, а может, даже и прямоугольник. Так или иначе, по меркам Тихого Народа, который Лесли окрестила последним оплотом джейностиновской морали, это было страшным скандалом. Элизабет предназначалась Стивену, но, поскольку не уделял своей принцессе достаточно внимания, ее

сердцем завладел веселый и обаятельный кузен, прибывший из-за моря.

– Райан Кэрролл? – поднял я бровь. – Я смотрю, она неравнодушна к искусству.

– Еще как, – кивнула Лесли, – и отнюдь не ограничивается в этом смысле Ирландией. Был еще симпатичный сын американского сенатора. В данный момент немножко мертвый.

Джеймс Галлахер.

– Они с ней?..

Элизабет особа чересчур утонченная, чтобы говорить о таких вещах вслух, но Лесли с Рейнолдс не сомневались: как минимум поцелуйчики по углам точно были. Я вспомнил, как Зак избегал смотреть ей в глаза: безответная любовь брала свое. А это еще одна клеточка на полицейской «карточке бинго». Я осторожно оглянулся – убедиться, что Зак не смылся, пока мы занимались своими делами. Но он все так же держался позади нас и не сводил глаз с Элизабет.

– Ран у него на руках не было, – задумчиво прошептал я.

Хотя мало ли, вдруг они очень быстро затянулись?

– Все будет ясно, когда придут анализы ДНК, – прошептала в ответ Лесли.

– Представь, как задерет нос наша спецагент, если выяснится, что это его рук дело.

Мы глянули на Рейнолдс – убедиться, что она не подслушивает. Но она не отрываясь смотрела, как работает Стивен, и было в ее взгляде что-то похожее на благоговение. Я взглянул на сосуд, который возникал под его пальцами. От него исходило мягкое мерцание, которое мы с Лесли просто не могли не узнать.

– Что ж, – сказала Лесли в полный голос, – это многое объясняет.

Карточка бинго в моей голове заполнилась на сто процентов.

– Возвращайтесь к Найтингейлу, сейчас же, – скомандовал я. – Зака оставьте, я за ним присмотрю.

– Опять задумал какую-нибудь глупость? – прошелестела Лесли.

Я сказал, что тревожиться не о чем и что к рождественскому ужину все разрешится.

– У тебя шестьдесят минут, – шепнула Лесли, ее дыхание щекотнуло мне ухо. – Не успеешь – я вернусь с воздушным десантом.

– Справлюсь за полчаса, – прошептал я в ответ.

В действительности мне понадобилось меньше двадцати минут.
Вот что значит профессионализм!

Рождество

26. Слоун-сквер

С такими преступниками, как он, удобно работать: они вечно полагают, что вышли сухими из воды и им уже ничего не грозит. Мало того что их особо и искать не надо, у них еще бывает абсолютно потрясающее выражение лица, когда они открывают дверь и видят на пороге полицию.

Он гостил у друга в Уилсдене, и – вот так оно и бывает – сам открыл дверь.

– Райан Кэрролл, вы арестованы за убийство Джеймса Галлахера, – сообщил я.

Его взгляд заметался туда-сюда: от меня к Стефанопулос, потом к Рейнолдс, выглядывающей из-за моего плеча. Рейнолдс мы взяли в качестве наблюдателя, а Киттреджа – чтобы наблюдал за Рейнолдс. В какой-то момент мне показалось, что Кэрролл бросится бежать, но он, видимо, понял всю бессмысленность такого хода. Опустил плечи. Вот вам и подарочек на Рождество.

Зачитав арестованному права, я препроводил его к одной из машин. Наручники мы на него надевать не стали, и Рейнолдс это очень удивило. Киттредж пояснил, что внутренний регламент столичной полиции предписывает не использовать наручники, если преступник не оказывает сопротивления. Так надо, чтобы он не поранил себе руки, не задохнулся случайно из-за неудобного положения или не покалечился, запутавшись в собственных ногах и рухнув лицом на асфальт. А вовсе не потому, что я опять не взял с собой наручники.

Мы усадили его в кабинет для допроса, налили чаю и выдали чего-то пожевать. Дали минут пять на то, чтобы освоиться, после чего в кабинет вошел я. По словам Сивелла, до прибытия адвоката оставалось еще полчаса, так что можно было пока особо не давить.

Я представился, сел напротив и спросил, не нужно ли ему чего.

Лицо у Райана Кэрролла было бледное, осунувшееся, волосы надо лбом слиплись от пота. Но голубые глаза под стеклами очков смотрели ясно и осмысленно.

– Я ведь попросил вызвать моего адвоката, верно? – уточнил он. – Полагаю, все гражданские права ко мне по-прежнему применимы.

Я заверил его, что это так и что адвоката мы ждем с минуты на минуту.

– А пока давайте немного побеседуем. И тема нашей беседы, возможно, поможет вам избежать суда.

– Что же это может быть за тема? – любопытствовал Кэрролл. Он явно успел собраться с духом и успокоиться. Это меня не устраивало.

– Тихий Народ, – сказал я.

Кэрролл уставился на меня с искренним недоумением. Нехороший знак.

– У них темные очки и бледные лица, они живут в канализации, держат свиней и делают глиняные горшки. Не припоминаете?

– А, – понял он, – вы про Шепчущих?

– Вы их так называете? – спросил я. Нет, все-таки пора издать какой-то документ, который привел бы нашу чертову терминологию к одному знаменателю. Возможно, на уровне Евросоюза, благодаря чему классификация странной фигни достигнет единообразия в европейском масштабе. А может, и не достигнет – если ее напишут, к примеру, на французском.

– А вы слышали, как они шепчут? – спросил Кэрролл.

– И чувствовал их прикосновения, – кивнул я.

Он криво усмехнулся.

– Ну это они просто выделываются.

– Кажется, вас не слишком удивляет предмет нашей беседы, – заметил я.

– Раса, живущая в подzemке на западе Лондона, эдакие морлоки, – кивнул он. – Самое настоящее викторианское общество, ушедшее под землю вместе со своими плоскими шляпами и паровыми механизмами. Я ирландец и поэтому не удивляюсь, что британская служба госбезопасности аж туда залезла.

– Удивлялись бы, черт возьми, если б там работали.

Кэрролл улыбнулся, не разжимая губ.

– Если вы уже знаете о Шепчущих, – сказал он, – то чего хотите от меня?

– Вы же понимаете, что так или иначе все равно сядете за убийство Джеймса Галлахера?

– Ничего подобного я не понимаю, – бросил он и как бы невзначай убрал под стол ладонь со свежей повязкой. На выставке в «Тейт Модерн» он был в перчатках без пальцев. Не ради позерства, а в целях маскировки.

– На данный момент мы имеем порезы у вас на руке, которые совпадают по размеру с орудием убийства. В течение двенадцати часов мы получим результат анализов ДНК крови, обнаруженной на осколке. И он будет идентичен анализу, который вы сдали десять минут назад.

Я умолк, чтобы дать ему время все осмыслить.

– Как только стало известно о других точках доступа в тоннели, мы собрали записи со всех камер Бейсуотера и Ноттинг-Хилла. Можете не сомневаться, рано или поздно мы опровергнем ваше алиби.

Согласно данным в ХОЛМСе, Райана Кэрролла допросили на следующий день после нашей встречи. И его алиби подтвердила некая Шивон Берк: она сообщила, что в ночь убийства он был с ней.

– Обвинят теперь мисс Берк в содействии преступлению или нет, – сказал я, – зависит от результатов нашей с вами беседы.

Тут я откровенно лгал. Стефанопулос могла бы припугнуть Шивон Берк обвинением в лжесвидетельстве, чтобы та, испугавшись, сдала Кэрролла. Но мы подумали, он расскажет больше, если сочтет, что все наше внимание приковано только к нему. Мы не гордые, мы можем использовать против вас любые средства, даже ваше собственное эго.

Довольно рискованно пытаться расколоть преступника до приезда его адвоката. И я прямо-таки слышал, как скрипит зубами Сивелл, несомненно наблюдающий за процессом через монитор камеры. Стефанопулос, как я понимал, тоже там, и Найтингейл, и, возможно, агент Рейнолдс. А раз так, значит, и Киттредж с ними, ибо он должен за ней следить. Многовато наблюдателей для неофициального допроса.

– Это слишком подло, – покачал головой Кэрролл, – даже для полиции.

– Вот что я вам скажу, Райан, – начал я, – по факту у нас есть все, чтобы упечь вас за решетку. Но мы должны знать ваш мотив. Поэтому даем вам возможность облегчить душу и заодно удовлетворить наше любопытство.

– Вам же не надо, чтобы общественность обо всем узнала, верно? – спросил он. – Может, заключим сделку?

– И не мечтайте, – отрезал я. Сивелл был очень категоричен на этот счет.

– Ну, тогда должен предупредить, что использую это в целях защиты, – сказал он, – расскажу все только на открытом слушании. Посмотрим тогда, как вы сохраните вашу тайну.

– Попробуйте, – пожал я плечами, – расскажите. Про странный низкорослый народ, который живет в канализации, разводит свиней и делает горшки. Готов спорить, вы очень скоро окажетесь в Бродмуре, под торазином.

– Торазин, – усмехнулся Кэрролл, – это прошлый век. Сейчас вливают клорозил либо сердолект. Ну, – вздохнул он, – у вас-то, конечно, все схвачено. Шепнете пару слов нужным людям, и все, история замята.

Я изо всех сил старался скрыть облегчение. Да, мы, конечно, не предавали бы ничего огласке. Но минус секретной информации в том, что она не может вечно оставаться секретной. В одном Тайберн была совершенно права, и я не мог не согласиться: нынешнее положение вещей не может длиться вечно.

– Что вас изначально привело к ним? – поинтересовался я.

– К Шепчущим? – переспросил Кэрролл. – О, это семейная традиция. Мы все могли бы быть истинными католиками и добропорядочными буржуа, стать, как заведено, юристами и врачами. Но мы храним память о моем прапрадеде Мэттью Кэрролле. Самом Скотнике-Землекопе.

Который, подобно Юджину Билу и братьям Галлахерам, прибыл в Англию, чтобы рыть каналы, прокладывать тоннели и строить железные дороги.

– Я с раннего детства слышал рассказы о шепчущем народе, – сказал Райан, – но никогда не верил.

– Вы поэтому перебрались в Лондон? – спросил я.

Райан откинулся на спинку стула и рассмеялся, чем-то напоминая Экскаватора.

– Уж извините, – сказал он. – Не обижайтесь, конечно, только не для всех предел мечтаний – переехать в Лондон. Мои дела и в Дублине шли неплохо.

– И все же вы переехали, – заметил я.

– Попробуйте понять, каково это – оседлать «кельтского тигра», – улыбнулся он. – Над нами столько лет потешались, и внезапно вот он, прорыв! У нас, в Дублине! Тут же возникли кофейни, картинные галереи и сразу несколько сетей пабов вместо одной. Появилось много приезжих: людям захотелось жить в Ирландии, и это было понятно.

Райан пристально посмотрел на меня – и, очевидно, не уловил в моем взгляде ожидаемого сочувствия. Это его встревожило. Оперевшись локтями на стол, он сказал:

– Главный принцип международного художественного рынка в том, что собственно рынком управляют миллиардеры – и те, кто готов им отсасывать за кусок хлеба.

Райан очень достоверно изобразил соответствующее действие, я даже хихикнул.

– Что до художественной части, то здесь на сцену выходит ваш покорный слуга и ему подобные. То есть непосредственно люди искусства, – сказал он. – А для нас главная цель – выразить... – он замаялся, как-то неопределенно повел рукой, – выразить невыразимое. Зачем спрашивать, что означает то или иное произведение? Если бы это можно было объяснить словами, разве стали бы мы тратить время на расчленение коров и консервирование акул? Думаете, кто-то хочет целый долбаный день пилить корову? А потом приходят какие-нибудь дебилы и говорят: «Ой, ну это конечно клево, но разве это искусство?» Да, вашу мать, это искусство! Или вы думаете, я эту херню есть буду?

Он прихлебнул чай, раздраженно хмурясь.

– Господи, нет бы водки попросить. Может, нальете водки-то?

Я покачал головой.

– А вы тоже пилили коров?

– Только на тарелке, в виде бифштекса, – ответил Райан. – Я не брезгливый и не боюсь пачкать руки, но фекалии и трупы животных не для меня. Руки – важный инструмент, ибо нужно четко чувствовать материал, с которым работаешь. Вы в школе учились изобразительному искусству?

– Только актерскому мастерству, – ответил я.

– Но ведь наверняка что-то лепили, хотя бы из пластилина?

– Ну это совсем в детстве.

– Помните ощущение, когда сжимаете его и он скользит между пальцами? – спросил он. И, не дожидаясь ответа, продолжил: – Глину тоже наверняка трогали, ну хотя бы раз в жизни.

Я кивнул и сказал, что помню ее скользкую упругость под пальцами, помню, как волновался, ставя свои поделки в печь для обжига. Правда, не стал говорить, что ни одна из них не вышла обратно: обычно они взрывались прямо в печи и портили при этом работы других учеников. В конце концов мистер Стрэплосс, преподаватель изобразительного искусства, попросту запретил мне трогать глину. Отчасти поэтому я и выбрал актерское мастерство.

Райан заявил, что отношения художника и его материала – это и есть движущая сила искусства.

– Вам мои материалы могут показаться бессмысленной кучей барахла, – сказал он. – Но какое-то значение всегда присутствует. Когда мне было шестнадцать, я внезапно понял, что хочу знать, как это все сочетается, чтобы показать людям, как я вижу мир посредством той малой доли таланта, что у меня есть. Вы понимаете, о чем я?

– Понимаю, – кивнул я. И, не удержавшись, добавил: – Я сам хотел стать архитектором.

У Райана буквально отвисла челюсть.

– Архитектором?! Но что же вам помешало?

– Экзамены на А-уровень я сдал нормально, но мне сказали, что черчение сильно хромает.

– Но сейчас же есть компьютерная графика!

Я молча пожал плечами. Некоторое время назад я очень постарался вычеркнуть этот эпизод из своей жизни. И теперь вовсе не хотел о нем говорить, особенно перед полдюжиной коллег.

– Все было несколько сложнее, – сказал я. – А вы как стали тем, кем стали?

– Я-то? – улыбнулся он. – Мне улыбнулась ирландская удача. Я тот счастливчик, который оказался в нужное время в нужном месте. И появился на арт-сцене, аккурат когда она в Дублине возникла. Меня безумно привлекало японское и китаское искусство. Все необычное, странное, экзотическое. Улавливаете тенденцию?

Ну конечно же, под оглушительный рык «кельтского тигра» ирландцы оголтело наслаждались жизнью. Они перли напролом, и ничто в мире не могло их остановить.

– Ни англичане, ни католическая церковь, ни тем более мы сами, – признался Райан. – И я, местный, никому не известный парень, почти уже взял свое.

И тут все закончилось. Кредитно-финансовая система обвалилась, запустили программу спасения банков – и все, как будто ничего и не было.

– А хуже всего, – процедил он, – что многие были просто рады, когда все полетело к чертям. «Ну что ж, – говорили они, – все хорошее когда-нибудь заканчивается». Старую Ирландию снова извлекли из дальнего угла, как облезлые, стоптанные, но все еще удобные ботинки. Твари! – Он шарахнул пустой чашкой по столу. – Еще бы два года – и я стал бы известен во всем мире! Да и за год бы успел, если б знал, что будет дальше.

– Так вы приехали в Лондон с целью обогатиться?

– Вы, английские ублюдки, привыкли так думать, а? – беззлобно поинтересовался Райан. – Если честно, я хотел отправиться в Нью-Йорк, но, чтоб покорить город, который никогда не спит, надо все-таки иметь некоторый вес в творческих кругах. Поэтому я выбрал Лондон, и вот что вам скажу: вашему проклятому городу все равно, война вокруг, мир, кризис или еще что. Лондон всегда остается Лондоном.

Это все, конечно, было очень интересно. Но я ни на секунду не забывал, что адвокат Кэрролла вот-вот будет здесь. А Сивелл четко дал понять: после того как дело попадет к юристам, никакой «паранормальной херни» туда просочиться не должно. Согласно версии отдела убийств, Райана Кэрролла застали на месте преступления. Им больше ничего не нужно было, чтобы его упечь.

Но я-то должен был удостовериться в своей правоте. И сейчас оставалась последняя возможность.

– Так вы с ними контактировали через Билов? – спросил я.

– Разумеется. Через англо-ирландскую ветвь этого семейства, – с ударением на «англо» сказал Райан. – Они свели меня с Ноланами, а те познакомили со Стивеном. А уж потом я отправился в самые недра земли. Я видел, как Стивен делал из глины миску для фруктов – самую что ни на есть простецкую. Вылепил на круге из глины, просушил и отправил в печь для обжига. А вы знаете, – ухмыльнулся Райан, – что их печи работают на свином дерьме? Очень современная технология, но речь-то идет о тайном подземном народе. Поэтому я думаю, – он

многозначительно поднял палец, – там дело не только в свином дерьме. И вам известно, в чем еще дело. Я это знаю. Я видел, как вы смотрели на мои работы там, в галерее. Даже толпа и та что-то почувствовала. Но вы уловили самую суть.

– Магию, – кивнул я.

– Истинную суть, – подтвердил Райан.

Как и я, увидев магию в действии, Райан захотел освоить ее. И вот Стивен принялся учить его делать небьющуюся посуду – и, как бы между прочим, напитокывать ее *вестигиями*. Они помогали любителям искусства «прикоснуться к непостижимому», как это называл сам Райан. Только он вряд ли рассчитывал, что осваивать ее придется долгие месяцы.

– А вы это знаете, верно? Готов на любую сумму спорить, – сказал он.

Как объяснял Стивен, работая с глиной, ты должен вроде как мысленно петь песню. Лепишь горшок на круге, поешь про себя – и горшок каким-то образом становится волшебным.

– Месяц за месяцем я сидел там, пил чай, мял в руках глину, пел беззвучные песни, – сказал Райан. – Но художник – он вроде акулы. Надо все время двигаться, иначе утонешь. И я попросил Стивена изваять лица, те самые, которые вы видели в галерее, согласно моему описанию. И он изваял.

– А как же вы поместили в них эмоциональную составляющую? – поинтересовался я. – И что Стивен получил взамен?

– Я просто объяснил, что он должен чувствовать при виде того или иного лица, – сказал Райан. – Представьте же мое удивление, когда они начали появляться из печи, меняясь в выражениях, как лица живых актеров. А Стивен, – Райан покачал головой, – Стивен получил свою плату.

Я спросил, не считается ли это обманом. Он нарочито тяжело вздохнул и посоветовал мне не быть занудой.

– И манекены я тоже не делал, и все остальное, что использовал в экспозиции. Истинный художник – тот, кто, соединив части, получит больше, чем целое.

Он пренебрежительно взмахнул рукой, а я подумал: никого ты, парень, не обманешь, кроме себя.

– И тогда появился Джеймс Галлахер? – спросил я.

– Да, просочился, как мерзкая вонь. Вы вот ненавидите американцев, нет? Джеймс не то чтобы был плохим. Нет, я никогда не считал его плохим. Но судите сами: вот он вдруг появляется ниоткуда, со своим тугим кошельком, со своими связями. Честно скажу: художник из него сносный, если, конечно, вам импонирует старомодный стиль. Попади он в Прекрасную эпоху, уже через неделю оказался бы у какой-нибудь парижанки под юбкой.

И надо же было так случиться, чтобы Джеймс заинтересовался керамикой, нарушил личное, доселе тайное художественное пространство Райана Кэрролла. И Райан бы это даже пережил – вот только Джеймс Галлахер, чтоб его, и петь про себя умел гораздо лучше.

– Но он тоже не прямо сразу взял и все сделал, – сказал Кэрролл. – Это я привел его в мастерскую, помог устроиться, дал инструменты. Даже показал, где уборная.

– Сколько времени у него заняло обучение?

– Около трех недель. Я чувствовал, как он вкладывает в керамику свою душу, но знаете что? Когда он пел свою песню, я делал то же самое. Мысленно. Внезапно это оказалось просто, очень просто. И вот мы уже пели вместе и пропускали сквозь пальцы влажную глину, и в тот момент я чувствовал, как моя песня вплетается в полотно Вселенной, звучит вместе с музыкой сфер.

Но это ведь как хлеб печь – не узнаешь, что получится, пока не получится. И вот на следующий день оба поспешили под землю, на торжественную церемонию открытия печи.

– Для Стивена это давно стало рутиной, – сказал Райан, – и тот день в мастерской ничем не отличался от остальных. Поэтому нам пришлось ждать, пока он достанет все свое и дойдет до поддона с нашими мисками.

Он улыбнулся своим воспоминаниям.

– И вот мы их увидели – обе две, идеально обожженные. Когда Стивен протянул мне мою миску, еще теплую, я понял, что она моя. Буквально почувствовал это всей кожей. Мы с Джеймсом поглядели друг на друга и принялись хохотать, как маленькие дети.

Райан умолк и опустил голову. Посмотрел на свои руки. Перевернул правую ладонь вверх, рассеянно потер повязку.

– Качество изделий проверяют просто – бьют ими о стену печи, – сказал Райан, не поднимая взгляда. – Мы долго препирались, кто первый будет бить: давай ты, нет, ты, нет, давай ты. А потом малыш Джимми шарахнул своей миской прямо об угол печи – об угол, заметьте! – и она зазвенела, словно колокол.

Он посмотрел мне в глаза.

– Догадываетесь, что было дальше?

Тут меня прошиб холодный пот: а вдруг я сам попался на собственную удочку? Ведь если миска разбилась у него в руках, то рану на ладони можно объяснить именно этим. Да и кровь на осколке тоже, если адвокат толковый попадется.

– Ваша разлетелась на куски?

– Нет, – покачал головой Райан, – она треснула.

Клянусь, я буквально услышал, как дружно выдохнули все, кто смотрел допрос по монитору из соседнего кабинета.

– Однако с точки зрения художника лучше бы она разбилась, – сказал Райан. – Джеймс тогда посмотрел на меня, и в его взгляде прямо читалось вот это пренебрежительное: «Не повезло тебе». Победа стала для него стократ слаще благодаря моему поражению, американцы все такие. Я поглядел на него в ответ, и, думаю, по *моим* глазам он понял, что будет дальше. Потому что сразу ушел, сославшись на какие-то дела.

Райан снова посмотрел на ладони.

– Он бросился бежать, я за ним, мы заплутали в тоннелях, я ударил его миской, она развалилась на части. Он попытался смыться, я пырнул его осколком в спину. Вы это хотели услышать?

Я услышал даже больше, чем хотел, но долг полицейского – докопаться до всех деталей. Этот долг заставил меня еще полчаса выпытывать у Кэрролла подробности погони и точную последовательность действий до и после того, как он пырнул Джеймса осколком миски. Его ответы, конечно, нельзя было приложить к делу, зато они могли пригодиться отделу убийств для перепроверки разных официальных заявлений.

Потом Найтингейл отправил нас с Лесли в Безумство отсыпаться. К этому времени выстывшие, покрытые снежной кашей улицы совсем опустели. Я повернул на Черинг-Кросс-роуд, и Лесли положила руку мне на плечо.

– Ты сегодня поработал, как настоящий коп, – сказала она, – с Рождеством тебя.

Поздним утром приехала одна из сестер Лесли, чтобы забрать ее домой, в Брайтлинси. Там, я знал, будет индейка, хлопушки и обычные семейные ссоры – словом, все по традиции. Найтингейл сообщил, что Рейнолдс пригласила в гости одна сильно набожная семья из посольства. Соответственно, ее ждал тот же набор, только чуть больше украшений с остролистом и, наверно, чуть меньше перепалок. Кумар с Заком все Рождество раздавали Тихому Народу рождественские подарки и брали у них анализы крови. Таким образом, в нашем гипотетическом своде неписаных соглашений появилось еще одно.

Найтингейл торжественно вручил мне небольшой сверток, аккуратно запакованный в серебристую оберточную бумагу. И замер, глядя на меня с чересчур уж будничным выражением, которое не могло меня обмануть. Я сделал вид, что собираюсь развернуть подарок позже, но на Рождество нельзя быть таким жестоким. Под оберткой обнаружили часы «Омега» – настоящие, антикварные, черно-серебристые. Механические, а стало быть, устойчивые к магии и стоившие раз в семьдесят-восемьдесят дороже подарка, который я ему купил. А именно Нокии с тонким корпусом, ручным выключением питания и памятью, в которую я внес все телефоны, какие только могут понадобиться. Включая номера Комиссара, мэра и его любимого ателье – «Деж и Скиннер» на Сэвил-роу.

С родителями я встретился у тетушки Джо. Вообще она мне вовсе не тетушка, просто мама дружит с ней еще с тех времен, когда обе они учились в школе в Камбии. У нее большой дом на съезде с Холловей-роуд и множество детей. Все они учатся в университете, о чем она хвастливо напоминает нам каждое Рождество. Заметьте, я сказал не «каждый из них», а «все они» – пусть теперь скажут, будто я не знаю грамматики! В общем, на Рождество мы с родителями всегда ходим к ней в гости, где едим и пьем до состояния «сейчас лопну». Я позвал с собой и Найтингейла, но он сказал, что не может оставить Молли на Рождество одну. Вернувшись, я рухнул на диван, включил рождественскую серию «Доктора Кто» и подумал: а ведь он так и не сказал, почему не может ее оставить.

День Подарков и Не Только

27. Тоттенхэм-Корт-роуд

Мы отправились на операцию целой толпой: впереди Найтингейл, за ним мы с Лесли, оба в утяжеленной защитной экипировке. За нами гуськом двигалось подкрепление: несколько надежных парней из территориальной группы обеспечения вместе с Гулид и Кумаром. А за ними уже Стефанопулос, ответственная за порядок в случае, если с нами что-то произойдет. Найтингейл ничего не сказал, но было у меня подозрение, что где-то недалеко стоял фургончик «Форд» без маркировки, битком набитый десантниками. Они меня не беспокоили: если потребуются их участие, уже поздно будет о чем-то беспокоиться.

Я оказался прав: Безликий действительно перенес свою штаб-квартиру под сооружения Кроссрейла. Просто удивительно, до чего можно додуматься, когда лежишь, погребенный под грудой бетона. Хотя лично я не рекомендую этот способ для стимуляции мыслительного процесса. Кумар с Найтингейлом безжалостно вытащили из-за рождественского стола не только Грэма Била, но и еще нескольких строительных подрядчиков. И сравнивали между собой их проектные схемы до тех пор, пока не заметили следующее несоответствие: котлован в конце Дин-стрит был только на одном из представленных планов.

Кумар с Найтингейлом обнаружили это как раз в тот момент, когда моя матушка собиралась устроить традиционную рождественскую перебранку с сестрой. Папа на этом этапе праздника обычно уже клюет носом, а мы с сестрами-братьями-племянниками-племянницами кучкуемся на кухне, доедаем оставшиеся вкусняшки и делаем вид, что моем посуду. Ну, с моими-то родственниками индейка никогда не залеживается, зато на сей раз я добыл отличную копченую ветчину, которую и употребил с французской горчицей. Слава богу, операцию решили отложить на полсутки, иначе после такого застолья я просто не смог бы двигаться.

Попасть вниз можно было через цокольный этаж офиса международных денежных переводов на Дин-стрит. Мы не стали дожидаться, пока вышибут дверь. Вместо этого Найтингейл применил одно хитрое заклинание, от которого все петли и крепежные болты

толстой противопожарной двери просто отвалились от косяка. Дверь медленно опрокинулась назад и с грохотом рухнула на пол. Найтингейл жестом остановил меня, не позволив сразу же броситься вперед, и спустя несколько долгих секунд велел следовать за ним.

Мы увидели колодец цилиндрической формы, шести метров в ширину и двадцати в глубину. Дверь, которую мы вынесли, была совсем рядом с ним. От колодца вниз по периметру вела металлическая лестница, достаточно новая, с добротными крепкими перилами. Не заметить его было легко: на проектных чертежах он обозначался как аварийный доступ на дальнюю часть пассажирских платформ Кроссрейла. Лично мне он напомнил вывернутую наизнанку волшебную башню, но делиться этим наблюдением я не стал. Еще там был открытый лифт, из тех, что обычно используют на стройплощадках. Первым в него никто лезть не хотел, все опасались мин-ловушек.

Рядом с этим колодцем в конце Дин-стрит находился другой, не такой глубокий. Именно там в свое время обнаружили тело брата Грэма Била.

– А полов-то нет, – заметила Лесли.

– Их еще не проложили, – отозвался я. – Видишь выемки на стенах? Туда будут вставлять несущие балки.

– Чего это он? – подняла брови Гулид.

– Да просто как-то раз арестовал архитектора, – ответила Лесли.

Внизу, точно в центре голого бетонного пола, лежал двуспальный надувной матрас, такие обычно берут с собой в походы. На нем была опрятная постель: белая простынь в голубую полоску, подушки и одеяло в соответствующих наволочках и пододеяльнике. Все чистое, свежее, тщательно разглаженное. Рядом с матрасом стояло пустое инвалидное кресло, а в постели лежал Альберт Вудвилл-Джентл. Как по мне, главный кандидат на роль Неэтичного Мага номер раз, наставника Безликого. Он лежал на спине, закрыв глаза и сложив руки на груди. По мнению Стефанопулос, он был мертв уже дня три как. Доктор Валид, примчавшись на следующий день из своего Оубэна, подтвердил ее догадку.

– Смерть от естественных причин, – сообщил он нам, получив результаты анализов, – усугубленных обширным гипермагическим некрозом.

Упомянутое состояние – следующая ступень после гипермагической деградации. Доктор настоял, чтобы Найтингейл, Лесли и я присутствовали в лаборатории при вскрытии черепа Вудвилл-Джентла. В целях сурового предупреждения, не иначе. Найтингейл сказал, доктор всегда очень воодушевляется, когда получает на растерзание свежий мозг.

Но все это было еще через несколько дней. А сейчас мы ждали криминалистов, и Лесли задала вопрос, который и мне не давал покоя:

– Почему же он не оставил капканы для демонов? Я бы на его месте уж постаралась устроить неприятный сюрприз, который мог бы со всеми нами покончить.

Найтингейл огляделся.

– Наш этически ограниченный маг слишком осторожен, чтобы сюда возвращаться, – сказал он. – Каковы бы ни были его планы насчет этого места, думаю, он изменил их после ваших выкрутасов на крыше в Сохо.

– Ну, не думаю, что он так-то уж испугался, – покачал я головой. – Презрение выказывал, да, но не страх.

– Он осторожен, как я уже сказал, – заметил Найтингейл. – Вероятно, он велел сиделке привезти старину Альберта сюда и бросить. Нам на устрашение, полагаю.

– Как думаете, нам удастся найти эту сиделку?

– Она мертва, – сказала Лесли, – если только не хуже. Он умеет заметать следы.

Однако поискать все же стоило.

28. Биггин Хилл

Аэропорт Биггин Хилл расположен довольно далеко за чертой города. Особенно если учесть, что ехать туда надо по полям, лесам и заснеженным дорогам. Когда-то это была знаменитая база ВВС, теперь же – площадка для частных самолетов тех, кто, по мнению Райана Кэрролла, заправляет мировым художественным рынком. Кто-то из близких друзей одолжил сенатору свой самолет, чтобы он мог через два дня после Рождества увезти тело сына домой. Агент Рейнолдс улетала вместе с сенатором, и вот я утром поехал в Биггин Хилл, чтобы попрощаться с ней.

Я обнаружил ее в зале вылета, до крайности монохромном, с белой мебелью, светло-серым ковровым покрытием и столешницами из матового стекла. На ней был темно-синий, тщательно отглаженный костюм, да и вообще она выглядела отдохнувшей и бодрой. Сказала, что у нее осталось несколько фунтов, и предложила на них выпить. Я сказал, что буду пиво.

– Где сенатор? – спросил я, когда мы сели за столик.

– В местной часовне, – ответила Рейнолдс.

– А сын его что, тоже...

– Нет, – сказала она и пригубила виски. – Он уже на борту, в целости и сохранности.

– Как он, сенатор-то?

– Уже лучше, с тех пор как узнал, что убийцу сына поймали.

– Если вы не говорите «посадили», то и я тоже не буду.

– Думаете, с головой у него в порядке было? – спросила она.

– У Джеймса? Не думаю...

– Нет, – покачала она головой, – у Райана Кэрролла. Помните, у Джеймса нашли ту книгу? Может, он за Кэрролла переживал, а не за себя?

– Возможно, – кивнул я. – Но я бы не стал говорить об этом его отцу. Вряд ли ему станет легче от мысли, что убийство сына можно было предотвратить.

Рейнолдс вздохнула. За окном самолет оторвался от полосы и принялся плавно набирать высоту.

– Что вы собираетесь ему рассказать? – спросил я.

– Хотите знать, – уточнила Рейнолдс, – стану ли я рассказывать о... как вы это называете?

– О магии.

– Что, вот прямо так и говорите, «о магии»? – нахмурилась она. – Как будто для вас это обычное дело?

– По-вашему, лучше использовать какое-то иносказание?

– Когда вы узнали, что магия существует? – спросила Рейнолдс.

– В январе.

– В январе? – сдавленно пискнула она. Взяла себя в руки, переспросила нормальным голосом: – То есть почти двенадцать месяцев назад?

– Ну да, в общем-то.

– Значит, вы обнаружили, что магия, духи, призраки и все такое прочее существует на самом деле? И вас это устраивает? Вы просто принимаете это как данность – и все?

– Это легче принять, если у вас научный склад ума.

– И почему же легче?

– Я однажды столкнулся с призраком лицом к лицу, – сказал я. Теперь это воспринималось гораздо спокойнее, чем тогда. – Было бы глупо с моей стороны делать вид, будто его не существует.

Рейнолдс подняла стакан с виски, чуть качнула им в мою сторону.

– Вот так просто?

– Может быть, и не просто, – ответил я. – Но большинство людей так или иначе верит в сверхъестественное: в призраков, привидения, злых духов, в загробную жизнь и высший разум – да много во что. Магия, вопреки расхожему мнению, не представляет собой концептуальный прорыв.

– Концептуальный прорыв? – подняла брови Рейнолдс. – Н-да, недооценили мы ваше образование при составлении досье.

– На меня есть досье в ФБР? – удивился я. Да уж, Найтингейл будет счастлив.

– Теперь есть, – ответила Рейнолдс. И рассмеялась: – Не надо так нервничать. Оно попадет в папку благонадежных. И потом, это будет очень краткое досье, поскольку о наиболее интересных фактах, касающихся вас, я умолчу.

– Например, о моей сверхъестественной привлекательности? – уточнил я.

– Нет, об иных фактах, – улыбнулась Рейнолдс. – Почему не пьете пиво?

– Так что же будет в вашем отчете? – спросил я, прихлебывая, чтоб скрыть беспокойство.

Она холодно сощурилась:

– Вы прекрасно понимаете, что я опущу все, что знаю Тихом Народе, о Реках и прочей гаррипоттеровской фигне.

– Потому что иначе начальство вам не поверит? – спросил я.

– А вы на это и рассчитывали, верно? Потому и взяли меня с собой. Вы знали: чем более бредовым мне покажется происходящее, тем менее вероятно я включу это в отчет. Не знаю, – покачала она головой, – верит ли мое начальство в магию. А вот в психологическое освидетельствование точно верит. А я люблю свою работу и не хочу, чтобы погоня за сверхъестественным послужила поводом для проверки и последующего отстранения.

– Кстати, о погоне, – вспомнил я и достал два жучка – один со своей машины, другой с фургона Кевина. – Думаю, это ваши.

– Ничего подобного, – ответила агент Рейнолдс. – Несанкционированное использование радиоэлектронных средств для слежки за иностранным гражданином на территории дружественного государства? Да это же нарушение регламента Бюро.

Она вдруг широко улыбнулась.

– А вы-то сможете потом их использовать?

– Разумеется, – кивнул я, пряча жучки.

– Тогда пусть это будет ваш рождественский подарок.

Тут к Рейнолдс подошла женщина в летной форме и сказала, что пора в самолет. Мы допили и отправились к выходу на посадку. Я сам всегда летал только из крупных аэропортов, поэтому впервые в жизни провожал кого-то прямо до трапа.

Самолет сенатора был узким и длинным и вблизи оказался гораздо больше, чем я ожидал.

– Удачи вам, – сказал я.

– Спасибо, – улыбнулась агент Рейнолдс и поцеловала меня в щеку.

Я еще постоял: хотел удостовериться, что они взлетели. Потом повернулся и пошел к парковке.

Слава богу, одной заботой меньше, думал я. Сегодня, пожалуй, даже удастся посмотреть спортивный канал.

Мечтай, что называется, больше – аккурат в этот момент у меня зазвонил мобильный. Женский голос в трубке сообщил, что со мной говорит инспектор транспортной полиции, и поинтересовался, знаю ли я некую Эбигейл Камара. И не могу ли сделать одолжение и забрать ее из главного управления транспортной полиции в Кэмдене, где она в данный момент находится.

Я, по правде говоря, уже давно ждал чего-то подобного. Однако надеялся успеть сначала как-то подготовить Найтингейла.

Заверил инспектора, что заберу девочку сразу же, как только проясню пару вопросов со своим начальником. Инспектор поблагодарила меня и поздравила с Новым годом.

29. Морнингтон Кресент

Эбигейл я обнаружил в кабинете для допросов. Она там поглощала сэндвич из Бургер Кинга и читала журнал «Джеки» за прошлый месяц. Транспортная полиция застала ее в тоннеле под нашей школой. По-хорошему, ее следовало с позором отправить домой, а может, и пригрозить ответственностью в случае повторных приводов. Но Эбигейл упомянула мое имя, и транспортники резко преисполнились милосердия. Хотя скорее, стремились избежать бумажной волокиты.

Я сел за стол напротив, и мы молча уставились друг на друга. Эбигейл первая сломалась.

– Я дорисовывала граффити, – сказала она, – ну ту надпись, которую писал призрак. В тоннеле, по которому ходит Хогвартс-экспресс. Он тогда ее не дописал, его, ну, ты помнишь, расплющило, и...

– Зачем?

– Я подумала, если его послание дописать, он тогда успокоится и уйдет.

Я не стал спрашивать, куда, по ее мнению, он должен уйти.

– Я решила, что в Рождество надо сделать что-то такое, доброе.

– Рождество было два дня назад.

– Мы уезжали встречать его к дяде Бобу в Уолтем Форест, – пояснила она. – И мне подарили новое пальтишко. Как тебе?

«Новое пальтишко» представляло собой синий стеганный пуховик на несколько размеров больше, чем надо.

– А у меня для тебя тоже есть рождественский подарок, – сообщил я.

– Неужели? – спросила она, недоверчиво склонив голову набок. – И что же это?

Я протянул ей сверток и стал смотреть, как она отдирает скотч и аккуратно разворачивает оберточную бумагу. Я подарил ей черный блокнот «Молескин» – настоящий, как у журналистов. Или как у копов – то есть все думают, что мы такие носим. Но Молескин для полиции слишком дорого. Мы такие блокноты покупаем в «Найсдей».

– И что мне с ним делать?

– Записывать, – сказал я, – все необычное, странное и интересное, что попадется тебе на глаза...

– Вроде того призрака?

– Вроде того призрака, – кивнул я. – Только будет несколько условий: нельзя вылезать на рельсы, нарушать границы частной собственности, болтаться на улице поздно вечером или еще как-то подвергать себя опасности.

– А школу прогуливать можно?

– Нет, и школу прогуливать тоже нельзя.

– Тогда я не уверена, что вижу положительные стороны этого соглашения.

– Каждую субботу, – сказал я, – ты будешь приходить ко мне, на Рассел-сквер. Мы будем смотреть твои записи и на их основе разрабатывать планы дальнейших действий.

– Звучит интересно, – сказала Эбигейл.

– Среди этих действий могут быть развернутые исследования и совместные полевые испытания, целью которых будет подтверждение твоей информации, – сказал я. Помолчал некоторое время, чтобы до нее дошло. – Как, теперь видишь положительные стороны?

Найтингейла привела в ужас сама эта идея, когда я озвучил ее, собираясь отправиться сюда.

– Это что же, вы общество герлскаутов хотите у нас тут основать? – спросил он.

Я ответил, что это совершенно абсурдное предположение. Не в последнюю очередь потому, что нам ни за что не соблюсти все правила техники безопасности, регулирующие деятельность скаутских движений. Найтингейл же сказал, что главная проблема вовсе не в этом.

– Нет, но представьте, что это кружок по боксу, – упорствовал я. – Мальчишки все равно будут лупить друг друга по физиономиям, так не лучше ли начать грамотно управлять этим процессом в благих целях? Эбигейл в любом случае полезет на пути высматривать необычное, так давайте она будет делать это с пользой для нас. Ну, по крайней мере, мы сможем за ней присматривать.

Против логики моих доводов Найтингейл возразить не мог. Но в одном он был абсолютно непоколебим:

– Вы не станете никого учить магии, – сказал он. – Во-первых, потому что будете слишком безответственны по отношению к выбору учеников. А во-вторых, вы просто не достигли уровня, при котором можно учить других. Любой, кто будет воспринимать от вас магию, станет воспроизводить все ваши нечеткие *формы*, все ненужные украшения, которые вас так забавляют. Поэтому я требую, чтобы вы здесь и сейчас поклялись мне как ученик мастеру, что не станете никому передавать никаких знаний без моего особого разрешения.

Я поклялся.

– Если возникнет такая необходимость, я сам обучу Эбигейл всем формам и премудростям, – сказал Найтингейл. Потом улыбнулся: – Возможно даже, она в итоге окажется более прилежной ученицей, чем вы.

И вот теперь Эбигейл вертелась на стуле, обдумывая мое предложение.

– А нашивки будешь выдавать? – спросила она.

– Чего?

– Нашивки! Ну, как в Своде скаутских правил: «Медик», «Пожарный»... «Организатор вечеринок»?

– А последняя за что выдается?

– А сам-то как думаешь?

– Так, значит, – улыбнулся я, – тебе нужны нашивки?

Эбигейл нахмурилась, закусив губу.

– Не-а, – сказала она, помолчав. – Выглядеть буду по-дурачки.

А жаль, подумал я. Нашивки – это было бы весело. Например, такие: «Профи по фаерболам», «Мастер световых шаров», «Знаток латыни». И самая крутая – «Смертельное кровоизлияние в мозг».

– Так как? Уговор?

– Уговор, – кивнула Эбигейл, мы пожали друг другу руки, и я повез ее домой.

По дороге она спросила, можно ли рассказать мне кое-что глупое. Я заверил ее, что мне можно рассказать все что угодно. И добавил:

– Обещаю не смеяться, если только это не будет смешно.

– Там, в тоннеле под школой, я видела говорящую лису, – сообщила Эбигейл.

– Говорящую лису?

– Угу.

Я немного помолчал, обдумывая услышанное. Потом спросил:

– И что, она действительно говорила человеческим языком?

Прямо вот слова произносила, по-настоящему?

– По-настоящему, – кивнула Эбигейл, – можешь не сомневаться.

– Неужели? И что же она сказала?

– «Передай своим друзьям, что искать надо по другую сторону реки».

Благодарности

Я хотел бы поблагодарить Боба Хантера, Камиллу Лоуренс, Иэна Лоусона и Кэролин Данн из Лондонской полиции, Рамси Аллена из Департамента транспорта Лондона, а также Джейми Рэгга из Центрального колледжа искусства и дизайна имени Св. Мартина за их помощь и терпение. Все вероятные неточности в тексте остаются, разумеется, на моей совести.

notes

Примечания

Консультационные услуги для детей и молодежи до 19 лет в Соединенном Королевстве, предоставляемые Обществом по защите детей. Они решают любые проблемы, которые вызывают беспокойство или тревогу; некоторые из наиболее распространенных проблем включают жестокое обращение с детьми, издевательства, психические заболевания, разлучение родителей или развод, подростковую беременность, алкоголизм, наркоманию, пренебрежение и психологическое насилие. *(Здесь и далее – прим. переводчика и редактора.)*

Альберт Шпеер (1905–1981) – архитектор, рейхсминистр вооружений и военного производства.

Карл Дёниц (1891–1980) – гроссадмирал, командующий подводным флотом (1939–1943), главнокомандующий военно-морским флотом нацистской Германии (1943–1945), преемник Адольфа Гитлера в качестве главы государства и главнокомандующего вооруженными силами (с 30 апреля по 23 мая 1945 года).

4

Впереди 4 не снабжаемых энергией колеса, далее 3 пары движущих колес и ни одного хвостового.

Трейнспоттинг (англ. trainspotting; от train – поезд и spotting – обнаружение; букв. «отслеживание поездов»). Цель трейнспоттеров – увидеть все локомотивы, а по возможности вагоны, курсирующие в стране. С этой целью они собирают подробную информацию о движении поездов по железнодорожной сети и обмениваются ею, обсуждают все увиденные новинки.

Джон Уильям Полидори (1795–1821), английский писатель и врач. Друг Байрона и Шелли, автор романа «Вампир» (1819) – первого художественного произведения о вампирах.

Трупы, обнаруженные на пожарище, нередко находятся в так называемой позе боксера, при которой верхние и нижние конечности согнуты в суставах и приведены к туловищу. «Поза боксера» является признаком посмертного действия высоких температур и пламени.

Выражение президента США Теодора Рузвельта: «Говори мягко, но держи в руках большую дубинку, и ты далеко пойдешь».

О. Джей Симпсон – знаменитый афроамериканский футболист и актер, убивший бывшую жену и случайного свидетеля. В 1995 году был оправдан судом присяжных, но признан виновным гражданским судом и приговорен к штрафу в 33,5 млн долларов. В 2008 году был признан виновным в вооруженном ограблении и осужден на 33 года.

Стивен Патрик Моррисси – британский музыкант и поэт, писатель, уроженец Манчестера, основатель и вокалист существовавшей с 1982 по 1987 год британской постпанк-группы The Smiths. После распада группы продолжил сольную карьеру. В автобиографии он описывает детство в Манчестере как период мрачной и гнетущей атмосферы.

Ноттинг-Хиллский карнавал – ежегодный карнавал, который проводится с 1966 года на улицах лондонского района Ноттинг-Хилл, округ Кенсингтон и Челси, в течение двух выходных дней в августе («банковский понедельник» и предшествующее воскресенье).

Свободное владение (freehold) – форма владения недвижимостью, когда земля, на которой она расположена, принадлежит тому же собственнику. Отличается от формы владения «долгосрочная аренда» (leasehold), когда дом принадлежит собственнику, а земля – нет.

Джон Байам Листон Шоу (1872–1919) – британский художник-прерафаэлит. Шоу был плодовитым книжным иллюстратором, его работа на этом поприще включает 39 томов Шекспира. Основал также Художественную школу Байама Шоу в 1910 году.

Культовый роман Антона Роберта Уилсона и Роберта Шея, первая часть постмодернистской трилогии «Иллюминатус!».

Международная благотворительная организация, которая содержит сеть магазинов, осуществляющих продажи на принципах справедливой торговли и жертвовании товаров.

«*Кельтский тигр*» – экономический термин, происходящий от принятого образного названия «экономические тигры» экономики стран, показывающих резкий рост, используемый для описания экономического роста Ирландии, первый этап которого проходил с 1990-х до 2001 года, второй этап наблюдался в 2003 году, третий пик – в 2008 году.

Здания Второй категории – «крайне важные здания особого интереса» в списке «Английского наследия», британской государственной Комиссии по историческим зданиям и памятникам Англии. Комиссия осуществляет управление значимыми историческими памятниками страны (от Стоунхенджа до Первого металлического моста), содержит Национальный архив памятников в Суиндоне и занимается отнесением архитектурных объектов к той или иной категории.

Сладкое мясо – кулинарное название желез внутренней секреции теленка, реже ягненка, иногда коровы или свиньи. Блюда считаются деликатесом.

МИ-6 (*англ.* Military Intelligence, MI6) – государственный орган внешней разведки Великобритании. С 1994 года штаб-квартира МИ-6 официально находится в здании на набережной Альберта, 85, в районе Воксхолл.

«*Knees Up Mother Brown*» – старинная песня, которую обычно связывают с культурой кокни. Исполняется в пабах и на вечеринках.

Raison d'être – «СМЫСЛ ЖИЗНИ» (фр.).

Святой Бернар – покровитель путешественников. Основал приют для путников на перевале Мон-Жу, через который проходила главная дорога из Италии в Швейцарию и Центральную Европу (впоследствии Большой Сен-Бернар), а также на другом перевале, соединяющем Италию с Францией, который сейчас носит название Малый Сен-Бернар. На обоих перевалах монахи, жившие там, предлагали еду и кров путешественникам. За долгие годы августинцы вывели особую породу собак сенбернар, которых обучали спасению людей в горах.

Жюль Барбе Д'Оревильи (1808–1889) – французский писатель, денди, романтик, символист и декадент, вернувшийся к католицизму. Друг Бодлера и Гюисманса.

Грог – огнеупорная смесь для изготовления керамических изделий, содержащая кремнезем и глинозем для придания шероховатой текстуры.

Камень Коуд – вид глины, обожженной в печи при высокой температуре; использовался в Лондоне в конце XVIII – начале XIX в. при создании скульптурных памятников, единичных статуй, архитектурной отделке интерьера.

Лондонская глина, или *лондонская глинистая формация*, – морское геологическое образование ипрского яруса (раннеэоценовая эпоха, около 56–49 миллионов лет назад), которое обнажается на юго-востоке Англии.

Пентонвиль – мужская тюрьма, управляется Тюремной службой Ее Величества. Располагается на севере Лондона в районе Барнсбури округа Айлингтон.

Мерик Касабон (1599–1671) – писатель, коллекционер, критик оккультизма. Один из первых авторов, описавший магическую деятельность Джона Ди. Первым перевел Марка Аврелия на английский язык.

Алистер Кроули (1875–1947) – английский поэт, писатель, альпинист, йог, оккультист, каббалист, маг и таролог. Член Герметического ордена «Золотой зари» и Ордена восточных тамплиеров, автор «Книги закона», основатель религиозного течения телемы. Создатель второй по популярности в мире колоды «Таро Тота».

Джордж Браммел (1778–1840) – английский денди, законодатель мод в эпоху Регентства. О нем писал Барбе Д’Ореви́льи в своей книге «О дендизме и Джордже Браммеле».

Жан-Поль Марат (1743–1793) – политический деятель эпохи Великой французской революции, врач, радикальный журналист, один из лидеров якобинцев.

«Средний путь» – один из маршрутов трансатлантического торгового обмена между тремя частями света – Африкой, Америкой и Европой. По нему ходили суда, перевозившие из Африки порабощенное население.

«Христос остановился в Эболи» – одна из самых известных книг итальянского писателя и художника Карло Леви (1902–1975). В автобиографическом произведении Карло Леви описал жизнь крестьян области Базиликата, там в селении Алиано писатель провел 18 месяцев в фашистской ссылке. Подразумевается, что дальше этого крохотного городка даже Христос не решился пойти.

СВУ – самодельное взрывное устройство.

Кружка Тоби (кувшин Тоби) – керамический кувшин в виде сидящего человека либо головы известного персонажа. Оригинальный кувшин Тоби из коричневой соляной глазури был придуман и популяризирован стаффордширскими гончарами в 1760-х годах.

Лимонник, или *лайми*, – уничижительное прозвище английских моряков, от lime-juice – сока лайма, который употребляли матросы-англичане для профилактики цинги. Сейчас этим словом называют англичан вообще. Чаще используется американцами.

Кроссрейл – строящаяся с 2009 года система высокоскоростной железной дороги в Лондоне. Крупнейший строительный проект Европы.

Кинотеатр Дэвида Лина был основан в 1990-х годах в честь режиссера Дэвида Лина. Он был создан как небольшой, уютный кинотеатр для демонстрации лучшего британского и мирового кино. Расположен в ратуше XIX века, которая также использовалась как краеведческая библиотека.

Александр Грэм Белл (1847–1922) – американский и канадский ученый, изобретатель и предприниматель шотландского происхождения, один из основоположников телефонии, основатель компании «AT&T», определившей все дальнейшее развитие сферы телекоммуникаций США.

Во Вторую мировую войну Германия сбросила 32 000 тонн бомб на города Великобритании. Эта воздушная атака длилась восемь месяцев и получила название «Блиц». Удивительную стойкость, проявленную англичанами в это время, стали называть «духом Блица».

Британская компания, оказывающая услуги по водоснабжению, водоотведению и очистке сточных вод в Лондоне и близлежащих графствах Южной Англии.

Маги земли, воды, огня и воздуха – персонажи мультсериала «Аватар: Легенда об Аанге». Представители четырех народов обладают способностями управления своей стихией и именуют себя магами воды, земли, воздуха или огня. Только Аватар является властелином всех четырех стихий.

«Хи-Мен и властители вселенной» – американский мультипликационный сериал, созданный в 1983 году.

«Команда спасателей Капитана планеты» – американский мультсериал о сохранении экологии и защите окружающей среды.

Болдрик – слуга лорда Блэкаддера, герой комедийного исторического сериала Би-би-си «Черная гадюка» (1983–1989). В сложных ситуациях у него всегда наготове «хитрый план», нелепый и невыполнимый. Болдрика играл Тони Робинсон, а его господина – Роуэн Аткинсон.

Карты Зенера – колода карт с пятью повторяющимися рисунками (круг, крест, три волнистые линии, квадрат, пятиконечная звезда), предложенная в 1930-х годах психологом Карлом Зенером для изучения паранормальных форм восприятия.

Закласть убитанного тельца – устроить пир, пиршество.
Восходит к библейской притче о блудном сыне.

Прием Геймлиха – метод реанимирования пациента путем поддиафрагмальных толчков в случае, если в горло пациента попал инородный предмет.

«*Буревестники*» (Thunderbirds) – фантастический английский сериал 1960-х годов. Совершенно секретная база, укрытая от вражеских глаз на таинственном острове Трейси. Хозяева этой базы – таинственная и могущественная организация под названием «Международные спасатели». Перемещаются на ракетопланах под названием «Буревестник».